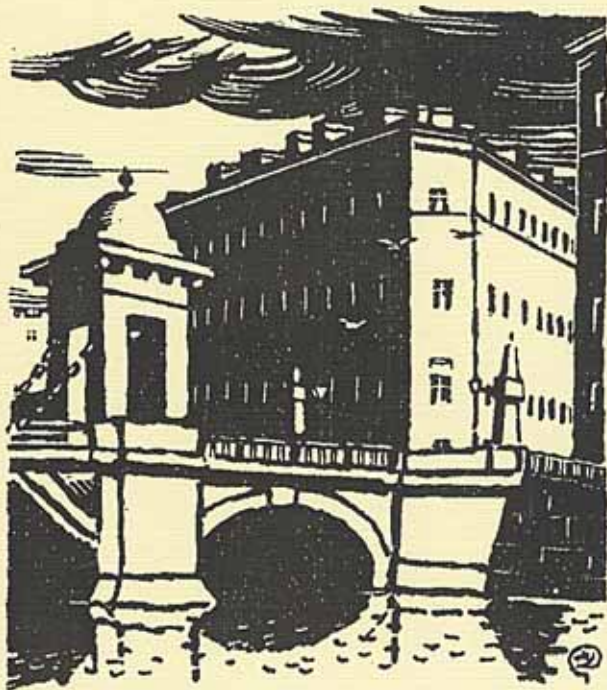

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ВЫПУСК ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Комитет по культуре Правительства Санкт-Петербурга
Государственный музей истории Санкт-Петербурга

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Выпуск 14

**Музей-квартира А. А. Блока:
Материалы конференций по краеведению
«Коломенские чтения» (2002–2006)**

Санкт-Петербург
2007

T78

ББК 63.3(2-2СП6)

ISBN 978-5-902671-51-0

Редакционная коллегия:

А. Н. Колякин

Ю. Б. Демиденко

А. В. Жервэ

Л. В. Пушкарева

Научный редактор: *Ю. Б. Демиденко*

Составители: *Ю. Е. Галанина, Н. А. Живолуп*

Альманах подготовлен на основе материалов краеведческих конференций «Коломенские чтения», которые проводились в Музее-квартире А. А. Блока в 2002–2006 гг. Авторами статей являются научные сотрудники музеев и архивов, краеведы и петербуржцы, семьи которых связаны с Коломной на протяжении многих лет.

Сборник рассчитан на литературоведов, историков, краеведов, студентов гуманитарных учебных заведений и широкий круг читателей, которых интересует история Санкт-Петербурга и его культура.

От составителей

Сборник представляет материалы ежегодных краеведческих конференций «Коломенские чтения», которые проходили в Музее-квартире А. А. Блока в 2002–2006 годах. Они посвящены историческому району Санкт-Петербурга — Коломне.

Формирование этого района началось еще в первые годы существования северной столицы, он рос и развивался вместе с городом. Окраинное расположение, близость моря, обилие рек, именно на территории Коломны впадающих в Финский залив, возникновение порта — все это обусловило многие своеобразные черты местности. Появление же здесь в 80-х годах XVIII столетия театра предопределило постепенное превращение Коломны в один из культурных центров столицы.

Формирование района подробно рассматривается в научной справке сотрудницы ГМИ СПб И. А. Костаревой «История Коломны в научной и краеведческой литературе, иконографическом материале»¹. Эта работа и по сей день остается наиболее полной и основательной по данному вопросу. Уже в первой трети XVIII века определились границы района, которые зафиксированы в картографическом материале того времени: «Территория расположена между реками Мойкой и Фонтанкой от их устья на западе до перспективной дороги на востоке (будущего Вознесенского проспекта). Восточная граница обговаривается специально, т. к. будущая официальная граница Коломенской части — Крюков канал — на участке между реками Фонтанкой и Мойкой появляется в 1780-х гг.»². Действительно, с 80-х годов XVIII столетия Коломной, или Коломенской частью, официально именовалась 4-я Адмиралтейская часть, восточная граница которой проходила по Крюкову каналу. Однако территория от Крюкова канала до Вознесенского проспекта и в дальнейшем воспринималась как часть Коломны. Для этого были объек-

¹ Костарева И. А. История Коломны в научной и краеведческой литературе, иконографическом материале. 1990. Машинопись. Архив ГМИ СПб.

² Там же. С. 5.

тивные причины: «Вознесенский проспект является естественной границей складывающейся здесь планировочной структуры, с присущими всему этому району (западнее проспекта) особенностями заселения, бытового уклада, традициями и спецификой развития до 1917 г.»³. На границе Коломенской части (а фактически — за ней) оказались два важнейших центра старого района — Театральная и Никольская площади. Прилежавшие к ним территории, «отрезанные» новой официальной границей, но исторически связанные с Коломной, по-прежнему относились к ней. Так, еще в начале XIX века Большой, или Каменный, театр и Никольский собор воспринимались как коломенские достопримечательности, что отразилось в названиях этих сооружений на гравюрах.

Рассматривая территорию района, следует назвать и важную внутреннюю границу — Екатерининский канал, который делил ее на Большую Коломну, с центром на Покровской площади (ныне пл. Тургенева), и Малую Коломну, центром которой была Воскресенская площадь (пл. Кулибина). Храмы, являвшиеся доминантами этих площадей и давшие им названия, были снесены в 30-е годы XX века. Ныне Коломна входит в состав Адмиралтейского района — так именуется муниципальный округ, границы которого соответствуют территории дореволюционной «Коломенской части».

Коломна всегда воспринималась как окраина Петербурга. Центр города постепенно приближался к ней, но особая атмосфера «провинции» в столице сохранялась здесь вплоть до начала XX века, когда каменная застройка уже сменила деревянную. В первой половине XIX столетия эта часть была символом убогости, захолустья, но с приближением XX столетия противопоставление Коломны и центра города приобрело иной характер. Коломна преобразилась: удаленность от центра придавала району особое очарование и поэтичность, его облюбовали художники, поэты, артисты, здесь появились и великокняжеские дворцы. Именно за этот район с его набережными, мостами, маленькими улочками, каналами и реками Петербург называют Северной Венецией.

³ Там же.

В краеведческой литературе сведения об истории Коломны были рассеяны по работам, посвященным отдельным улицам, площадям, зданиям, а также деятелям культуры и искусства, связанным с Коломной. Новым этапом в изучении района стал выход в свет в 2004 году путеводителя «Старая Коломна» (автор-составитель Г. И. Беляева), изданного Администрацией Адмиралтейского района. В нем обобщены сведения по истории района⁴. К сожалению, издание страдает многими неточностями, но как первая книга, посвященная именно Коломне, значительно дополняет краеведческую литературу о ней.

Для Музея-квартиры А. А. Блока история Коломны давно уже является предметом особого внимания, и не только потому, что музей расположен в этом районе Петербурга. Известно, что выбор адреса последней квартиры для поэта был не случайным. Александр Блок хорошо знал и любил этот район, здесь жили многие его друзья, знакомые; в театре В. Ф. Комиссаржевской на Офицерской ул. впервые была поставлена драма Блока «Балаганчик». История Коломны на рубеже XIX–XX столетий связана с культурой Серебряного века. Обращение к изучению района всегда было важным аспектом научно-исследовательской работы музея. На основе этой деятельности был разработан цикл лекций «Петербургская Коломна» (автор — старший научный сотрудник Ю. Е. Галанина) и состоялись две выставки. Организация в 2002 году первой конференции «Коломенские чтения» явилась органичным продолжением этой работы. Вот уже в течение пяти лет они успешно проходят в Музее-квартире А. А. Блока.

Конференция позволила привлечь к изучению района широкий круг краеведов, историков, знатоков и любителей Петербурга. В отличие от ежегодной конференции «Блоковские чтения», имеющей академический характер, «Коломенские чтения» включают более широкий спектр направлений: это история, архитектура Коломны, бытовой уклад, история учреждений, расположенных на территории района, судьбы людей, с ним связанных. Конференция обращена не только к прошлому этого района, но и к его настоящему. На «Коломенских чтениях» поднимались вопросы современной застройки района, и в связи с этим — проблема со-

⁴ Старая Коломна. Путеводитель. СПб., 2004.

хранения его архитектурного облика, весьма актуальная ныне и в масштабах всего Петербурга. На заседаниях выступают не только краеведы, историки, литературоведы, но и представители Администрации района, его жители.

Пять прошедших конференций показали, насколько велик интерес к истории этого района и неисчерпаем сам объект исследования. Постоянный круг участников пополняется новыми исследователями, петербуржцы откликнулись на это начинание: конференция собирает большое количество слушателей.

Представленные в сборнике материалы отражают характер конференций. В статьях участников «Коломенских чтений» рассматриваются самые разные аспекты истории района. Конкретным домам и зданиям посвящены работы Ю. Е. Галаниной (Литовский замок), Н. В. Антоновой (особняк на Английском пр., 18), К. Ф. Чистова (дом Голидея у Львиного моста), А. Е. Сомовой-Михайловой (дом Сомовых на кан. Грибоедова, 97). Статья Е. А. Сухаревой дополняет описание Литовского замка подробностями быта заключенных, почерпнутыми из очерков Н. С. Лескова. Для музея ценным вкладом явилась работа О. Л. Фетисенко, которой удалось обнаружить интересные факты из истории дома на Офицерской, 57, где расположен музей. Впечатлениям Александра Блока от посещения Луна-парка и коломенских кинематографов посвящена статья А. А. Лопатина. О судьбе рукописей А. Блока из архива Л. А. Дельмас, хранившегося в ее последней квартире в Коломне, рассказывается в статье Н. К. Цендровской. В ряде статей повествуется о людях, чьи судьбы были связаны с Коломной. Иногда это целый пласт жизни — «коломенские сюжеты» Ю. Е. Галаниной, посвященные Мамонту Дальскому, В. О. Михневичу, иногда краткий, но запоминающийся эпизод — таков фрагмент из петербургских впечатлений публициста Н. П. Гилярова-Платонова, описанный в работе А. П. Дмитриева. Коломенским адресам философа Л. П. Карсавина посвящена работа Ю. А. Ендольцева. Л. Б. Никифорова рассказывает о судьбах профессоров Консерватории, жителей Коломны. Необычное путешествие, совершенное ученицами Ивановского девичьего училища и Коломенской женской гимназии, описано в статье О. И. Молкиной, о формировании в этой гимназии женского батальона в годы революции рассказывает в своей статье М. М. Фокин. Интересна его же заметка,

в которой на основе архивных материалов воспроизводится любопытный момент «из жизни» Мясной улицы. Статья Р. М. Любвина посвящена созданию Музея Санкт-Петербургской полиции, располагавшегося в 1905–1917 годах на Офицерской улице в Коломне. В очерке В. И. Лелиной «Адмиралтейские верфи и Коломна» Коломна представлена еще в одной ипостаси: как район промышленный. Помимо статей, составивших раздел «Коломна: история, обитатели», в сборник включены воспоминания Н. Д. Флиттнер рассказывает о жизни своей семьи в дореволюционной Коломне. «Незабываемые адреса и люди Коломны» — это воспоминания В. К. Грековой о годах Великой Отечественной войны, послевоенное время представлено в очерке В. Н. Кудрявцева «Моя Коломна». Воспоминания жителей свидетельствуют о том, что Коломна всегда воспринималась петербуржцами как район, который, несмотря на все перемены, сохранил свою самобытность и неповторимый образ.

І. Коломна: история, обитатели

Ю. Е. Галанина

Коломенские сюжеты*

1. Литовский замок: миф и реальность

Вблизи Театральной площади за Крюковым каналом между набережной реки Мойки и нынешней улицей Декабристов еще в начале XX века располагалось одно из мрачайших петербургских зданий — городская тюрьма, носившая название «Литовский замок». В. В. Крестовский в «Петербургских трущобах» писал о «резком контрасте», который ощущает любой человек, перешедший у нарядной Театральной площади мост, ведущий к зданию тюрьмы: «Там, за вами, — шум и движение, блеск огней и блеск суетной жизни, балет и опера, все признаки веселья и праздности; а здесь — тишина и мрак, и безлюдье; здесь первое, что встречает вас за мостом, — это казенно-угрюмое здание городской тюрьмы, которую вечером, подъезжая к одному из двух театров, и не заметите вы в окутавшем ее мраке»¹.

В раннем очерке Н. С. Лескова «Страстная неделя в тюрьме»² описана жизнь заключенных в Литовском замке: «Здание велико, серо, мрачно и печально»³. Городскую тюрьму упоминает в мемуарах «История моего современника» В. Г. Короленко⁴, некоторое время находившийся там в 1879 году. А. И. Куприн за оскорбление полицейского чина также оказался в Литовском замке.

Тюремный замок был построен в 1787 году. Долгое время неразрешенным оставался вопрос об авторстве постройки. Его стро-

* Доклады прочитаны в 2002–2004 гг.

¹ Крестовский В. Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных. Роман в 2-х книгах. Л., 1990. Кн. первая. С. 426.

² Стребницкий М. (Лесков Н. С.). Страстная суббота в тюрьме // Северная пчела. 1862. 14 апреля. № 99.

³ Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. М., 1996. С. 479.

⁴ Короленко В. Г. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М., 1954. С. 245–253.

ителем называли «известного генерала Боур (Бауер), чье имя носили многие здания, построенные в царствование Екатерины II»⁵. Были выдвинуты предположения о причастности к этой постройке Андреяна Захарова, знаменитого строителя Адмиралтейства⁶.

Позднее, в 80-х годах XX века, было установлено, что автором проекта был архитектор И. Е. Старов, создатель Таврического дворца⁷.

Замок строился как тюрьма «для приведения в нем в исполнение Говардовой тюремной системы»⁸, основанной на труде и строгой дисциплине заключенных. Согласно описанию немецкого этнографа и путешественника Иоганна Готлиба Георги, опубликованному в 1794 году, Литовский замок был построен «в виде нерегулярного пятиугольника и вышиною в два яруса (т. е. этажа. — Ю. Г.) с весьма толстыми стенами, железными ставнями и снаружи без окошек, в ширину имеет только один ряд тюрем (камер. — Ю. Г.) и ход перед всеми тюрьмами. <...> На всех пяти углах кровли находится по высокому, круглому, большому куполу, кои служат вместо кладовой»⁹.

Однако в третьем издании Большой советской энциклопедии в статье о Литовском замке приводится его второе название — «Семибашенный замок» в Петербурге¹⁰. Столь широкое употребление второго наименования привело к тому, что исследователи конца XX века стали утверждать, что на Литовском замке находилось не пять, а семь башен¹¹. Именно эта неточность помогает раскрыть причину и источник той мрачной метафизической ауры, которой было окружено здание петербургской городской тюрьмы.

⁵ *Иванов Ю.* Литовский замок // Блокнот агитатора. 1983. № 2. С. 43.

⁶ <Б. п.> Сохранение руин Литовского замка // Красная газета. Веч. вып. 1924. № 240. 21 октября. С. 3.

⁷ *Ключарианц Д. А.* Иван Старов. Л., 1982. С. 102–103.

⁸ *Греч А. Н.* Весь Петербург в кармане. (1851). Цит по: *Иванов Ю.* Литовский замок... С. 44.

⁹ *Георги И. Г.* Описание Росийско-императорского столичного города Санкт-Петербурга.... СПб., 1996. С. 101.

¹⁰ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 14. М., 1973. С. 557.

¹¹ *Кани П. Я.* Прогулки по Петербургу. СПб., 1994. С. 271; *Кашицкий И.* Литовский замок // Вечерний Ленинград. 1982. 25 ноября. С. 3; *Ермолович Н.* Литовский замок // Неделя. 1967. № 31. 23–29 июля. С. 5; *Ключарианц Д. А.* Иван Старов. С. 102–103.

Один из соседних участков на берегу Мойки, именно против Новой Голландии, принадлежал видному дипломату петровского времени Петру Павловичу Шафирову¹², а прилегающая улица некоторое время именовалась Шафировской (ныне улица Писарева)¹³.

Одним из запоминающихся событий биографии Шафирова, этого «птенца гнезда Петрова», было заключение в турецкой тюрьме — в Семибашенном замке в Константинополе. После неудачного Прутского похода (1711) Петра I Шафиров как заложник был отправлен в Константинополь, где в течение года (1713–1714) находился в заключении в турецком Семибашенном замке в качестве посла враждебной державы.

Семибашенным замком называли древнюю тюрьму в Константинополе, развалины которой еще в начале XX века считались одной из достопримечательностей старинного города. Замок находился на юго-восточной оконечности городской стены на берегу Пропонтиды. Он был построен как крепость при императоре Зеноне (2-я половина V века н. э.) задолго до мусульманского владычества, затем многократно перестраивался и укреплялся. Первоначально крепость имела пять башен и по-гречески называлась Пентапургион, то есть пятибашенный. В 1458 году при султани Магомете к крепости было пристроено еще две башни, и это укрепленное строение стало использоваться как тюрьма для знатных преступников — послов иностранных держав, с которыми Турция находилась в состоянии войны. Тогда за ним укрепились турецкое название Еди-Куле¹⁴. Среди содержавшихся в Семибашенном замке помимо Шафирова были и другие русские — сподвижник Петра I, посланник Б. П. Шереметев¹⁵, дипломаты екатерининского времени А. М. Обрезков, Я. И. Булгаков и И. А. Безбородко¹⁶.

¹² Участок обозначен на плане Петербурга 1738 г. См.: *Иванов А. А.* Демидов сад // Ленинградская панорама. 1988. № 5. С. 33.

¹³ Городские имена сегодня и вчера: Ленинградская топонимика. Л., 1990. С. 43.

¹⁴ *Антоний, иеромонах.* Путеводитель по Константинополю. Одесса, 1884. С. 176.

¹⁵ Русский биографический словарь. Т. 22. СПб., 1905. С. 557.

¹⁶ *Рудзинская М.* Константинополь и его памятники. М., 1915. С. 35; *Антоний, иеромонах.* Путеводитель по Константинополю. С. 176.

К началу XX века замок превратился в груды развалин. Однако еще в середине XIX века он оставался «живописен до крайности». Автор одного из очерков писал: «Высоко над почерневшими стенами мрачного укрепления возносятся его башни — то четырехугольные, то круглые, с надстройками и шпицами. Холод охватывает душу посетителя, когда ему начинают показывать достопримечательности сумрачного замка: яму, в которую бросали головы обезглавленных преступников, канавку для стока крови казненных, стенку мучеников и лампаду, теплящуюся над могилой мусульман, убитых при взятии Семибашенного замка. Сыростью, ветхостью, ужасом веет от этих кровавых стен <...>». Здесь «лилась кровь латинских витязей, эмиров Магомета и защитников последних греческих императоров»¹⁷. По свидетельству иеромонаха Антония, «тут же, в числе очень многих невинных жертв мусульманского зверства, задушен самым бесчеловечным образом после кратковременного царствования и 18-летний султан Осман II»¹⁸.

Именно по аналогии с этим зданием петербургская молва нарекла столичную городскую тюрьму Семибашенным замком¹⁹.

И в наши дни вокруг петербургского Литовского замка роятся легенды и загадки. Имеется даже упоминание о том, что в Литовском замке некогда жил Эрнст Иоганн Бирон²⁰ — утверждение абсолютно абсурдное, т. к. знаменитый фаворит императрицы Анны Иоанновны скончался за 15 лет до постройки Литовского замка. Возникновение легенды можно попытаться объяснить как позднюю неловкую попытку расшифровать загадочное название тюрьмы — Литовский замок, связав постройку с именем едва ли не самого страшного петербургского прибалтийца — курляндского барона Бирона.

Но Литовский замок не казался таким уж чуждым строением в этом уголке города. Недалеко от тюрьмы-крепости располагалось другое столь же монументальное строение — Новая Голландия с величественной аркой, создававшая с Литовским зам-

¹⁷ Живописные очерки Константинополя. СПб., 1855. С. 99.

¹⁸ Антоний, иеромонах. Путеводитель по Константинополю. С. 176–177.

¹⁹ Бенца А. Н. Мои воспоминания: В пяти книгах. Кн. 1–3. М., 1990. С. 16.

²⁰ Поленова И. В. Ярошенко в Петербурге. Л., 1983. С. 95.

ком единый ансамбль — некий уголок старины в молодой еще российской столице.

На датированной 1798 годом гравюре К. Кнаппе, одном из первых изображений замка, глухие стены строения не возвышаются, а, скорее, простираются вдоль оживленной Мойки. Здесь кипит жизнь: по льду мчатся сани лихача, рабочие хлопочут над вырубленной для ледника глыбой льда и т. д. Мрачного ощущения нет, в памяти возникают масленичные картины Б. М. Кустодиева.

Как известно, первоначально Литовский замок не использовался как тюрьма. Здание, простоявшее десять лет пустующим, в 1797 году было передано Сенатскому батальону, переименованному в 1801 году в Литовский мушкетерский полк. В 1814 году здесь размещались казармы Гвардейского экипажа²¹. Имеются сведения о том, что в 1815 году Литовский замок использовался петербургскими обывателями под жилье²².

В сентябре 1822 года по высочайшему повелению решено было здание переоборудовать в тюрьму. В 1823–1824 годах Литовский замок был перестроен по проекту архитектора И. И. Шарлеманя²³. На глухих стенах появились окна, преобразившие здание на «ампирный фасон», по характеристике А. Н. Бенуа²⁴.

На фронте церковного корпуса, обращенного на Офицерскую улицу, в 1825 году была установлена скульптурная композиция из двух ангелов, поддерживающих крест, — работа скульптора Степана Степановича Пименова (1784–1833). В 1826 году при Литовском замке была освящена церковь в честь Спаса Всемилостивейшего. Возможно, именно тогда родились строки, получившие широкое распространение:

*Как пойдешь по Офицерской,
Там высокий серый дом.
По бокам четыре башни
И два ангела с крестом.*

²¹ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 4–5. С. 627.

²² Иванов Ю. Литовский замок. С. 45–46.

²³ Санкт-Петербург–Петроград–Ленинград: Энциклопедический справочник. СПб., 1992. С. 351.

²⁴ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 1–3. С. 16.

Условия содержания заключенных первоначально были достаточно либеральны: двери камер не запирались, заключенные могли свободно перемещаться по тюрьме, переговариваться из окон с родственниками, посещать церковь, совместно выполняли хозяйственные работы во дворе²⁵. Тем не менее в камерах и коридорах «воздух был чрезвычайно тяжелым, везде пахло сильной гнилью»²⁶.

К началу XX века правила содержания в Литовском замке ужесточились. Появились политические заключенные. Камеры стали запираются. Провинившихся отправляли в карцер, стены которого были пронизаны сыростью, а «знающие люди утверждали, что самый здоровый человек непременно умрет, если его запереть здесь на 3–4 недели»²⁷.

Один из заключенных писал:

*Над домом вечного позора
Стоят два ангела с крестом,
И часовые для дозора
Внизу с заряженным ружьем.
Серо, мрачно... В окне решетка.
За нею воля впереди,
Но звук шагов считаем четко,
То будто звук: сиди, сиди...*²⁸

В Литовском замке содержались В. И. Засулич, Дм. Благоев, Е. Д. Стасова, участники Обуховской обороны.

Литовский замок был не самым ужасным местом заключения, хотя арестованные подчас голодали (в 1908 году на их питание выдавалось всего 13 копеек на человека в день)²⁹. Участники демонстрации 1901 года у Казанского собора вспоминали, что, сочувствуя задержанным, горожане буквально закармливали их всевозможной снедью, доставлявшейся в тюрьму чуть ли не под-

²⁵ Локерман А. С. По царским тюрьмам: В Питере // Каторга и ссылка. 1926. № 7/8. С. 264; Короленко В. Г. Собрание сочинений. Т. 6. С. 245–253 (описываются события 1879 г.).

²⁶ Ермолович Н. Литовский замок // Неделя. 1967. № 31. С. 5.

²⁷ Там же.

²⁸ Иванов Ю. Литовский замок. С. 47.

²⁹ Новая Русь. 1908. 28 августа. Цит. по: Иванов Ю. Литовский замок. С. 48.

водами от самых знаменитых торговцев, а ученики курсов П. Ф. Лесгафта³⁰ ведрами носили им еду из своей столовой. Вспоминая это время, заключенные шутили, что никогда в жизни так много не ели.

В 1907 году внутри Литовского замка состоялась настоящая первомайская демонстрация: заключенные отказались работать, из окон камер были вывешены самодельные красные флаги и т. д. Однако мрачная аура, закрепившаяся в названии «Семибашенный замок», еще долго окружала городскую тюрьму. Такое восприятие отразилось в фольклоре и в художественной литературе.

В небольшом рассказе А. С. Рославлева³¹ «Ангел Литовского замка» в качестве сюжетного хода приводится еще одна из легенд, связанных с городской тюрьмой.

Герой рассказа молодой человек по фамилии Мезенцев, оказавшись в Тюремном замке, после ареста «уже на второй день по заключении своем в Литовский замок услышал <...> странную легенду о стоявшем на крыше этой тюрьмы Ангеле.

Древность замка, его мрачность, низкосводчатые проходы и узкие лестницы, небольшие полукруглые окна, скупые на свет, потому что сложенные из цельного камня стены были непомерно толсты, — все как нельзя более соответствовало тревожному и тягостному воображению заключенных, которое создало образы, полные тайны и религиозной силы. <...> Ангел стоял на кровле тюремной церкви <...> Каждую ночь он обходил тюрьму; многие из арестантов слышали его звонкие шаги, а некоторые даже видели блеск крыльев, иногда он стучался в камеру кого-либо из смертников, и того в ту же ночь казнили. В дни Пасхи и Рождества Ангел являлся заключенным во сне, приносил вести от родных, предсказывал, благословлял; было даже, что он медной рукой своей в Страстную субботу выломал решетку в окне одного

³⁰ Имеются в виду Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования, педагогическое учебное заведение, основанное П. Ф. Лесгафтом в 1896 г. (Английский пр., 32).

³¹ Рославлев Александр Степанович (1883–1920) — поэт, прозаик и публицист. В «Петербургской газете» Рославлева называли писателем, «висящим на волоске от ... декадентов, но не признанным его апостолами» (1908. № 209. 1 августа. С. 2).

невинно осужденного и, усыпив часовых, вывел его за ворота тюрьмы. Не мог бы человек так согнуть брусья решетки, да и на плитняке двора остались следы ног, словно бы выжженные.

Настанет день, когда Ангел уронит крест, и все выйдут на свободу.

Такова была легенда»³².

Мезенцев не придал значения этой легенде, но «однажды <...> он услышал тонкий звон, четко размеренно-ударный. Звон возник где-то наверху, на мгновение смолк, а потом стал приближаться, и вскоре обозначилось, что это шаги. <...>

Звук металла с отгулом по коридору был до того странен, невероятен, что Мезенцев в оторопи и крайнем волнении не мог ничего сообразить, а когда шедший поравнялся с камерой, то уже не было сомнения, чьи это шаги.

По мере того, как они удалялись, Мезенцев приходил в себя. Сначала он решил, что это галлюцинация, но через несколько минут в чрезмерном беспокойстве стоял около двери, недоумевая и почти веря. <...>

Однако и следующую ночь, и после нее долгий ряд ночей все в тюрьме оставалось спокойно вплоть до того утра, когда должны были покончить с двумя смертниками. <...>

Надзиратель, сильно пьяный, едва держась на ногах, кладя на стол хлеб, подтвердил: «Опять он в камеру стучал, и палач его встретил, загулял теперь без памяти».

— Где же он его встретил?

— На лестнице, как на двор выходил.

И бормотала тюрьма, перестукивалась. Нечто беспокойное, смутное, напряженное ползло из всех углов»³³.

Вскоре герою рассказа пришлось встретиться с Ангелом.

«Мезенцев был до крайности удивлен, когда раз на расвете проснулся он от какого-то гомона, который там внизу прерывался и нарастал снова. Крики и как будто выстрелы донесли вдруг оттуда, и тюрьма, до этого мгновения молчаливая, как ее камни, заголосила буйно, грозно. Удары в двери, шум, смятение и рев уже на дворе — все слилось в одно неистово звериное,

³² Стереоскоп: Антология петербургской фантастики. СПб., 1992. С. 83–84.

³³ Там же. С. 85.

отчего тюрьма, как ни была она крепко сложена, казалось, должна рухнуть.

Кто-то из арестантов пробежал по коридору, завопил:

– Ломайте, выпускают!

И сейчас же следом за ним застучали часто и четко, еще и еще, арестантские опорки. <...>

Мезенцев <...> ударил кулаком в дверь и крикнул:

– Отоприте!

Но в коридоре уже было тихо. <...>

В окно пахнуло дымом. Он медленно потянулся к потолку, белесовато-серый и осторожный. Но новый густой клочок замутил все отверстие, и в камере запахло гарью.

“Подожгли... Горит...”, — в растерянности подумал Мезенцев и понял <...>, что из камеры не выйти.

Но вдруг, как в ту ночь, дошел до слуха звон медных шагов. Они приближались очень быстро, и как ни было смутно сознание Мезенцева, он со всей силой запечатлел мгновение, когда Ангел появился в камере. За дымом было не видно, как открылась дверь, и открылась ли? Но вом он, непонятно живой, златомерцающий, протянул руку <...>.

Лик Ангела выявлялся все ярче, и нельзя было отвести взгляда от его солнечных глаз.

Озарение стен стало нестерпимо ярко, словно бы расцвели на них невиданные пламенные цветы, и от избытка восторга Мезенцев склонился перед Ангелом.

Тот положил руку свою на его голову, и была она горяча, как жаркий уголь»³⁴ — так завершается рассказ.

Совершенно очевидно, что в этом рассказе, написанном в 1917 году, отразилось одно из главных событий Февральской революции в Петрограде — взятие Литовского замка восставшими, освобождение заключенных городской тюрьмы и пожар в замке 27 февраля 1917 года. Одна из участниц штурма — работница фабрики «Красный треугольник» Т. Цыбикова вспоминала: «Вместе с громадной толпой направилась я к Литовской тюрьме. Ворота тюрьмы, конечно, закрыты были. Ключ-

³⁴ Там же. С. 86–88.

ника искали и не нашли. Взяли рабочие толстое бревно, давай бить в ворота.

Вот и ворота выбили и до камер добрались. Густой толпой вылились арестанты.

Стали их расспрашивать: за что, мол, сидите? Военные оказались — все больше за неподчинение офицерам, а штатские — за политику. <...>

Потом многие из нас пошли по камерам посмотреть, каково арестованным жилось. Ну и обстановочка! Камеры подвальные, темно, грязно»³⁵.

Ворота Литовского замка были выломаны бревном. Найденные позднее массивные ключи от Литовского замка унес домой, взяв на память, известный актер Мамонт Дальский, участвовавший в освобождении заключенных. Ключи долго хранились в семье актера, жившего напротив Литовского замка. Позднее они были оставлены в доме, предназначенном на слом, и бесследно исчезли.

Судьба ангелов с крыши Литовского замка остается столь же загадочной, как и история самого замка. В 1926 году «Красная газета» извещала, что предполагается передать скульптурную композицию с крыши Литовского замка в Русский музей. В комментарии к рассказу Рославлева «Ангел Литовского замка» имеются сведения о том, что ангелы были переданы в Музей Города³⁶. Однако ни в Русском музее, ни в Музее городской скульптуры, ни в Музее истории С.-Петербурга о судьбе скульптуры Пименова ничего не известно. Вопрос остается открытым.

Руины Литовского замка простояли до 1930 года. Несмотря на различные планы использования уцелевших стен, намерения разместить здесь городской архив или другие общественные учреждения, здание было разобрано: уж слишком мрачна была аура этой постройки. В возведенных на месте Литовского замка домах о бывшей судьбе этого места может напомнить лишь один закругленный, глухой, без окон, угол нового здания по переулку Матвеева (бывшему Тюремному переулку), обращенный в сторону улицы Декабристов.

³⁵ Цит по: *Иванов Ю.* Литовский замок. С. 48.

³⁶ Стереоскоп: Антология петербургской фантастики. С. 155.

Реальность и миф, явь и выдумка легко переплетаются в судьбе петербургских зданий. Отраженные в литературе, они создают неповторимую атмосферу загадочного и прекрасного Петербурга.

2. «Коломенский Кандид» В. О. Михневич

В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова³⁷ можно обнаружить немало имен, имевших в своей основе корень «коломен» или «коломень». Среди них были такие малоизвестные литераторы, как «Коломенский старожил» — переводчик, драматург, публицист, один из издателей журнала «Маяк» П. А. Корсаков, как фельетонист «Коломенский», он же Евгений Эдуардович Сно, печатавшийся в 1906–1908 годах в «Юмористическом альбоме». Более известен был поэт Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835–1889), опубликовавший в 1871 году в «Искре» свое сочинение «Советы мудрости (Заметки коломенского философа)»³⁸. В этой публикации он с ироничной грустью констатировал, что газета «Ведомости Санкт-Петербургской полиции» с ее статьями, сообщениями и объявлениями может быть названа «поэмой» из современной жизни, «живой страницей из истории нашего общества». Так, в разделе газетных сообщений об умерших неестественной смертью дается ответ на насущный вопрос о смысле жизни, в объявлениях молодые люди с высшим образованием вынуждены заявлять о своей готовности служить за копейки; предлагаются услуги для вступления в брак и печатаются прочие сведения, позволяющие считать эту газету яркой и красочной выразительницей своего времени.

Возможно, именно эта публикация определила псевдоним и тематику статей и заметок другого коломенского литератора, сотрудничавшего, как и Минаев, в журнале «Искра», — «Коломенского Кандида», известнейшего в конце XIX века и чрезвычайно плодотворного журналиста и бытописателя Петербурга В. О. Михневича (1841–1899). Это ему принадлежал особняк на Песочной

³⁷ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. 2. М., 1957. С. 68.

³⁸ Искра. 1871. № 33.

улице, 10 (ныне улице Профессора Попова)³⁹, по завещанию владельца переданный петербургскому Литфонду. Михневич по материнской линии являлся дядюшкой футуриста Д. Д. Бурлюка.

Владимир Осипович Михневич происходил из дворян Киевской губернии, он закончил нежинскую гимназию, в которой некогда учился Н. В. Гоголь. Оскудение семьи, помешавшее молодому человеку закончить Киевский университет, вынудило его заняться газетной поденщиной: сначала он печатался в «Киевском телеграфе», позднее посылал юмористические статьи в «Искру» и «Занозу» Вас. С. Курочкина.

В 1865 году Михневич перебрался в Петербург, где помещал свои заметки в различных изданиях. С 1877 года и до смерти в 1899 году он деятельно сотрудничал в одной из крупнейших петербургских газет — в издании О. К. Нотовича «Новости и Биржевая газета». Михневич был постоянным фельетонистом этой газеты, заведовал отделом «Русская печать», публиковал обзоры исторических журналов, а также выступал как художественный и театральный рецензент. Свои еженедельные фельетоны и петербургские зарисовки он печатал под именем «Коломенский Кандид»⁴⁰. Именно этот псевдоним принес ему известность. Публикации Михневича привлекали большое внимание, повышая в значительной степени престиж издания. За 22 года сотрудничества Михневич опубликовал в этой газете не менее тысячи фельетонов, статей, заметок, рассказов и других произведений. Часть из них впоследствии вошла в книги Михневича «Мы, вы, они, оне: В петербургском омуте» (1879), «Картинки петербургской жизни» (1884), «Язвы Петербурга» (1886), «Петербургское лето» (1887) и др.

Первая заметка, подписанная псевдонимом «Коломенский Кандид», была напечатана 25 мая 1877 года в газете «Новости»⁴¹

³⁹ В декабре 2006 г. здесь открыт Музей петербургского авангарда («Дом Матюшина»), филиал ГМИ СПб. См. буклет: Домик на Песочной. СПб., 2006 (авторы текста Е. В. Баснер, Н. Ю. Духавина, Н. В. Насонова).

⁴⁰ Кандид — герой философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимист» (1759), сталкивавшийся на протяжении своих жизненных странствий с представителями самых различных слоев общества — от простолюдинов до вельмож и особ королевской крови.

⁴¹ *Коломенский Кандид*. На современные темы // *Новости*. 1877. № 136. 25 мая. С. 1–2.

(впоследствии слившейся с изданием «Биржевая газета»). Статья появилась в самый разгар русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Позиция автора заметки подчеркнуто противостояла общей тональности газетных сообщений о военных действиях и разрушениях. По мнению Михневича, во время войны людям свойственно жить «ускоренной жизнью», более яркой, чем в мирное время. Михневич отмечал характернейшее явление в петербургской жизни того времени: преобладание легкомысленного и беззаботного веселья, выразившееся в широком распространении незамысловатых куплетов «Стрелок», в которых речь шла не о войне, а об амуре, настигающем в «лесочке» своих жертв. Эти куплеты превратились в некую эпидемию, «которыми чуть ли не поголовно занемог весь Петербург».

В конце заметки Михневич писал о себе: «Принято, когда незнакомец впервые является в дом, он рекомендуется... В “Новостях” я являюсь впервые; но — да избавит меня читатель от всяких рекомендаций относительно моего призвания, моих взглядов, моей программы и т. под.!

Вольтер где-то очень мудро заметил: “с кем бы не ужинать — лишь бы вкусно”... Следуя этому афоризму, постараюсь, по мере сил, чтобы мои беседы были для читателя не совсем бесцветны».

Так впервые были определены творческие взгляды «Коломенского Кандида»: противостояние распространенному общественному мнению, традиционной точке зрения; самостоятельность, оригинальность и независимость; осторожность в определении своей общественной позиции, подчеркнутое внимание к частной жизни петербуржцев; стремление к занимательности, увлекательности повествования.

Вероятно, воплощению этих задач псевдоним вполне соответствовал. Петербургская Коломна упомянута в псевдониме писателя не случайно: автор занимал позицию стороннего наблюдателя, жителя петербургской окраины, который может по-провинциальному свободно и простоудшно выражать собственное мнение, необязательно совпадающее с регламентированным единомыслием респектабельных жителей центра города. Петербургский репортер, подобно герою повести Вольтера, рассказывал о разнообразных сторонах жизни города, сталкивался с его жителями, населявшими петербургские дома от бе-

льэтажа до чердаков и подвалов. Несмотря на кажущуюся простоту повествования, Михневичу свойственен зоркий взгляд за-интересованного наблюдателя, склонного к философским осмыслениям и обобщениям.

В 1880-х годах Михневич проживал в Коломне. В его книге «Язвы Петербурга» (1886) приводится список книг и указывается адрес их автора: «Склад изданий у В. О. Михневича: СПб. Покровская пл. № 52/96». Можно предположить, что Коломна стала местом проживания Михневича значительно раньше — с того времени, когда появился этот псевдоним.

В Коломне же располагалась и типография, в которой Михневич печатал свои издания. Эту типографию Ф. С. Сущинского⁴² на Екатерининском канале, 168, писатель характеризовал в одной из своих книг как «одну из лучших современных типограф[ий] по отчетливости раб[оты] и изяществу шрифтов»⁴³.

Характерно, что, несмотря на избранный псевдоним, Коломна никогда не была местом, на которое обращено особое внимание «Коломенского Кандида». Тем не менее этот район часто упоминается в его произведениях.

Внимание Михневича сосредоточено прежде всего на социальной жизни города. В 1874 году он выпустил свой капитальный труд «Петербург весь на ладони», выдержавший несколько изданий, в том числе переизданный в наши дни. В этой книге, основанной на скрупулезном изучении не только исторических, но и экономических и статистических источников, Михневич выступил как тонкий знаток петербургской жизни. В некрологе писателя, напечатанном в журнале «Исторический вестник», Б. Глинский утверждал, что это издание «по всей справедливости должно считаться первообразом позднейших изданий календарного и справочного характера, относящихся к жизни и состоянию нашей северной столицы. Оно не блещет обилием статистического материала, обстоятельностью адресной части, касаю-

⁴² В этой типографии Михневич опубликовал 9 книг, в том числе «В петербургском омуте» (1877); «Исторические этюды русской жизни»: в 3-х т. (1879–1886); «Картинки петербургской жизни» (1884); «Язвы Петербурга» (1886) и другие.

⁴³ *Михневич Вл.* Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 524. (Переиздание: М., 2003).

щейся местожительства обывателей, но зато обстоятельно рисует Петербург с точки зрения его культурно-исторического роста и в литературной форме, легко усваиваемой и доступной, изображает город, действительно, как на ладони, с указанием таких сторон жизни, коими нынешние издатели, к сожалению, почти не интересуются»⁴⁴.

Тем не менее даже в этой книге нет широкой развернутой характеристики петербургской Коломны, но в различных ее разделах автор уделит внимание достопримечательностям этого района. Естественно, что в число этих объектов вошли признанные исторические или культурные памятники, такие как Большая, или Каменный, театр, Мариинский театр, Никольский собор и т. д., но как раз эти разделы наименее оригинальны и интересны.

Значительно более яркие и выпуклые характеристики даны тем местам Коломны, которые раскрывают обывательскую жизнь района. Вот некоторые из этих фрагментов: «Большая] Садовая улица могла бы по справедливости называться народной в том смысле, что здесь главнейший элемент уличной толпы состоит из простонародья разных званий и занятий. Это происходит от того, что Садовая ул[ица] с Сенною площадью и лежащими на ней рынками представляет центр торговой деятельности не только городских жителей, но и всех окрестностей столицы. На ней же, поэтому, находится и самое большое число трактирных, харчевных и распивочных заведений преимущественно для черного народа. Здесь же, как нигде, развит и уличный мелочный торг на лотках, ларях, балаганах, на выступах цоколей и просто на руках; — торг этот — главнее разными предметами первого потребления, а также невзыскательной простонародной роскошью. Заметим, что на этой же улице, в Ново-Александровском рынке, помещается главный в городе “толкучий торг”, “толкун”, по-простонародному, а в Никольском — наем рабочих»⁴⁵.

⁴⁴ Глинский Б. Памяти В. О. Михневича // Исторический вестник. 1899. Апрель. С. 266.

⁴⁵ Михневич Вл. Петербург весь на ладони. С. 79.

Еще более пространное описание относится к Никольскому рынку, отчасти напоминая фрагмент из романа Ф. М. Решетникова «Где лучше?»⁴⁶:

«Никольский [рынок], по Б[ольшой] Садовой, известен своими рыбными лавками как складами. Вообще вся торговля здесь преимущественно съестными продуктами: мясом, зеленью, мукой и проч. Никольский рынок известен еще в СПб как биржа черно-рабочих. Здесь ежедневно можно найти достаточное число: пильщиков, огородниц, плотников, штукатуров, кухарок, горничных, прачек и другой домашней прислуги, а также поденщиков и поденщиц, готовых на всякую работу, от 30 коп. в день, смотря по времени года и размерам предложения. Более всего оживляется эта биржа весной и летом, в период огородных, садовых и всяких ремонтных работ в городе. Никольский рынок в среде чернорабочего люда пользуется огромной известностью. Большинство столичных кухарок и горничных, немалое число прикащиков, сидельцев и всякого рода промышленников и рабочих, населяющих столицу, начали свою карьеру у Никольского рынка. Прежде был обычай, да и теперь он еще практикуется, что крестьяне к Николину дню (зимнему), не только из окрестных Петербургу, но и из отдаленных местностей — привозили сюда своих сыновей-подростков, желая отдать их в “науку”, т. е. приучить к какому-нибудь мастерству или торговле. Местные торговцы и ремесленники всегда охотно брали к себе на выучку этих юношей, из которых впоследствии не один вышел сам в хозяева. И теперь, приезжая на последние гроши на машине в столицу, рабочий люд, преимущественно женщины, первым делом спрашивают у прохожих, где расположен и как пройти к нему — спасительный Никольский рынок? Надо заметить при этом, что средний малодостаточный петербургский класс, нуждаясь в прислуге, ищет ее чаще всего у Никольского рынка, во-первых, потому, что сейчас только прибывшую с деревенской голодухи, неопытную “простую” молодницу можно нанять очень сходно, по крайней мере, гораздо дешевле, чем освоившуюся со столичной жизнью и выдавшую всякие виды городскую горо-

⁴⁶ Решетников Ф. М. Избранное: В 2-х т. Т. 2. М., 1956.

жанку. Во-вторых, деревенская баба, хотя и не сведуща в кулинарном искусстве, неуклюжа и непривычна “ходить за барскими комнатами”, зато она несравненно преданнее и благонадежнее “городской” “ученой” прислуги, пока, разумеется, не цивилизуется постепенно и сама»⁴⁷.

Михневич дает краткие, но четкие и подчас резкие характеристики коломенским реалиям: лучшими улицами в этом районе называет Английский проспект (на углу которого он проживал) и Офицерскую улицу, по поводу рек замечает мимоходом: «Фонтанка довольно мелка, судоходна только для барок, вода ее не чиста и в питье не употребляется», о Мойке пишет: «Вода мутна и в летние жары издает гнилой запах. Судоходна», Пряжку называет «незначительной гнилой речкой», о Екатерининском канале сообщает: «нечист и зловонен, но судоходен». Эти описания ярко демонстрируют отличие Коломны второй половины XIX века от облика этого района в начале XX века, отразившегося в романтических акварелях А. П. Остроумовой-Лебедевой или в ностальгическом стихотворении Николая Агнивцева «Екатерининский канал».

По поводу знаменитого Демидовского сада («Демидрона») Михневич не без язвительности отмечает: «Русский семейный сад (Демидов) г. Егарева, по Офицерской ул., — самый модный, самый блистательный увеселительный вертоград в столице. Как сад, он непривлекателен, по тесноте и мизерности растений, по части же искусства тут есть все с излишком: киоски, гроты, беседки, фонтаны, статуи, чудовищной кисти перспективные картины и т. д. — словом, есть здесь все, исключая безделицы — вкуса. Впрочем, сколько известно, г. Егарев эстетике не учился и, при том же, публика совершенно довольна его “садом”. Состав увеселений: шансонетки и шансонетки, немножко танцев, изредка гимнастика; впрочем — артисты здесь отборные; притом у Егарева очень хороший оркестр»⁴⁸.

Позднее, в 1887 году, в очерке о петербургских увеселительных садах Михневич писал: «Демидов сад в настоящем его состоянии не что иное, как грустное воспоминание г. Ега-

⁴⁷ Михневич Вл. Петербург весь на ладони. С. 459.

⁴⁸ Там же. С. 234.

рева или “Что имеем не храним, потерявши — плачем”: стихотворно-слезный водевиль о том, как прогорают петербургские антрепренеры увеселительных заведений. Кто нынче хозяин Демидова сада, что в нем делается, кто, что, на каких языках и на каких инструментах в нем поет и играет, бывает ли в кассе какой-нибудь сбор — ничего этого неизвестно. Наезжают какие-то предварительно нарезавшиеся в “Малом Ярославце” кутилы: перед их двоящимися, пьяными взорами мелькают призраки полуобнаженных женщин, раскрывают чудовищные, голодные рты, что-то воют, шевелят бедрами, вздергивают ногами и точно сквозь землю проваливаются... Сладострастный вой и стон осатанелых мандрилов в модных цилиндрах и — свирепое опустошение запасов скверного коньяку в буфете! В самом деле, господа, существует ли “Демидов сад” в действительности? Не есть ли он со всеми своими Гюнцбургам и певицами, не что иное, как хмельной, белогорячечный бред допившегося до зеленых змиев петербургского кафешантанного пропойцы?!»⁴⁹

Коломна отразилась также в фельетонах, очерках и рассказах Михневича.

В очерке «Всеобщий папочка» из сборника «Картинки петербургской жизни» рассказана история, характерная для Коломны, района, где сосредоточены крупные городские театры, где в течение длительного времени находилось императорское театральное училище. «Всеобщий папочка» — это один из ряда петербургских «коптителей небес» — «присяжный балетоман», покровитель актрис, сохранивший и в почтенном возрасте пристрастие к юным служительницам Мельпомены. Герой Михневича, некто Резвов, не пропускал ни одного бенефиса, дебюта, бала-маскарада или какого-нибудь более или менее выдающегося театрального зрелища, был знаком накоротке чуть ли не со всеми актрисами. Выбрав очередной объект своего внимания, он был невозмутимо настойчив и нагл, частенько добиваясь «толку» в своих домогательствах. Особый интерес для него, как и для многих ему подобных, представляли «свежие» женщи-

⁴⁹ Цит. по: Язвы Петербурга: Сборник газетного фельетона конца XIX — начала XX в. Л., 1990. С. 19–20.

ны, впервые появлявшиеся на театральных подмостках или в кафе-шантанах. Здесь проявлялась яркая, по характеристике Михневича, «ташкентская» сущность петербургского театрала, стремившегося полностью завладеть хорошенькой танцовщицей, обратив ее в предмет своего домашнего хозяйства, услаждавший лишь его желания и потребности. Чаще всего внимание «всеобщего папочки» привлекала какая-нибудь хорошенькая выпускница театрального училища, он неотступно настигал ее повсюду, оказывал ей разного рода мелкие услуги и любезности, пока она, тронутая и польщенная вниманием столь солидного и предстательного господина, не соглашалась по окончании училища переехать прямо на квартиру, снятую ее покровителем. Михневич писал: «Она думала, что это так и нужно, что это хорошо. Так думали и ее товарки, и все они еще в училище, до выпуска, уже мечтали о поклонниках и ухаживателях и очень тщеславились, когда таковые являлись у них и заводили с ними романтические интрижки... Такая уж балетная среда, таковы традиционные балетные нравы».

Резвов со свежеспеченной семнадцатилетней танцовщицей достиг своей цели без труда. Однако эта молодая особа прожила в нанятой квартирке недолго. Можно было наблюдать, как однажды она выбежала на улицу с маленьким узелком, бледная, взволнованная, с выражением брезгливого омерзения на лице от чего-то гадкого и отталкивающего. История очень характерная, напоминающая описания быта Театрального училища в мемуарах Авдотьи Яковлевны Панаевой.

В другом очерке, озаглавленном «Под вечер осени ненастной» Коломенский Кандид рассказал историю, связанную с домом, в котором он жил. Он писал: «Против моего окна, по старинной фантазии архитектора, в глухой стене громадного соседнего дома, на высоте четвертого этажа прорезано два небольших окошка — точно пара глаз и точно для того, чтобы дом этот, наскучив дрызгами и невзгодами своей внутренней жизни, мог заглядывать через них и отводить, что называется, душу на житье-бытье соседей: “Посмотрим, мол, что у вас тут делается — такой ли содом, как и у меня?” <...> Бывало я подолгу заглядывался на странные окна, производившие впечатление пары живых глаз и замечал, что они особенно оживленно и весело

мигали своими огоньками накануне воскресных дней...»⁵⁰. Автор очерка рассказывает, что в соседнем доме за окнами жил старый отставной майор и его сын — кадет военной гимназии. В этом молодом человеке было сосредоточено все, что привязывало майора к жизни. Ценой крайней экономии и самоотречения майор для приезжавшего в отпуск сына создавал видимость довольства, обеспеченной жизни и благополучия и умудрялся не только устраивать своему Васеньке пир горой при его приездах домой, но и отправлял с ним в гимназию немалый запас лакомой снеди. Вскоре Васенька стал офицером и отправился за Дунай — на войну.

Через некоторое время Коломенский Кандид стал замечать, что по вечерам в знакомых окнах вовсе нет света. Отправившись в соседний дом справиться о своем соседе, он застал неожиданную картину: дверь была распахнута настежь, старый майор, странно переменившийся, сидел за столом перед блюдечком с разведенной сажей, в которую он макал кисточку, брал из лежавшей тут же кучи газет лист за листом и обводил их черной каймой по краям. Хриплым, дребезжащим голосом он бормотал: «Газетчики... как они смеют присылать мне газету не в трауре». Так автор узнал о смерти Васеньки. Дальнейшие события не заставили себя долго ждать. Несколькими днями позже, шатаясь без цели по городу, майор встретил парадную похоронную процессию. Хоронили какого-то генерала. Было все подобающее случаю — факелы, эскорт военных, музыканты. Старик вмешался в процессию и старался поближе придвинуться к катафалку. На вопрос ротозея: «Кого хоронят?», он торжественно ответил: «Моего сына». Вскоре его заметили и потребовали, чтобы он не портил ансамбль торжественных похорон. Спустя полчаса старый майор в «сумасшедшей» рубашке метался как раненый зверь на жесткой койке в приемном покое полицейской части.

Михневич часто наделял своих персонажей значимыми фамилиями. Героем одного очерка 1887 года был некий «дюжинный человек» Иван Петрович Фонтанка. По поводу этого имени автор заметил: «Псевдоним, как видите, совсем не поэтический и даже

⁵⁰ *Коломенский Кандид*. Под вечер осени ненастной // *Новости*. 1877. № 289. 6 ноября. С. 5.

немножко пошловатый, — он тем только хорош, что сразу определяет скромный размер и невысокий полет моего героя <...>⁵¹. Герой очерка с детства казался полной посредственностью, не обнаруживал никаких талантов, был студентом, бросил курс, не дойдя до диплома.

Но он обладал талантом организатора и неискоренимой потребностью творить добро вокруг себя. Собрав 10 человек таких же, как он, нищих студентов, он учредил коммуну, которая занималась записью и литографированием лекций профессоров, а также давала уроки по всем предметам. Вскоре компания студентов выбилась из нищеты и стала процветать. Иван Петрович Фонтанка организовывал самые разнообразные дела, и всегда эти дела шли прекрасно. Последним его проектом было создание образцового дома. Фонтанка привлек средства денежных и влиятельных людей, получил кредит в городском кредитном обществе и на собранную сумму недорого купил в Коломне «в здоровой и чистой местности, не слишком далеко от городского центра большой участок земли» и стал строить на нем дом на 50 квартир со службами. Фактически Фонтанка пытался создать своеобразный жилищный кооператив: каждый жилец должен был в течение некоторого срока оплатить стоимость своей квартиры и таким образом из квартиронанимателя превратиться в собственника квартиры. По словам Михневича, «дом, сооруженный Фонтанкой, уже готов вчерне и, вероятно, в будущем году населится и станет совершившимся фактом».

Своего героя Михневич называл идеальной личностью, забываящей об улучшении благосостояния ближних. В реальности подобных героев можно было усомниться. В архиве публициста хранится письмо анонимного автора — отклик на очерк об Иване Петровиче Фонтанке. Автор письма заявлял, что верит в реальное существование этого «дюжинного человека» и просит сообщить его адрес⁵².

Забота о ближних была одной из ярчайших черт и самого Михневича, одного из учредителей «Кассы взаимопомощи нуж-

⁵¹ *Коломенский Кандид*. Вчера и сегодня. Дюжинный человек // Новости и Биржевая газета. 1887. № 321. 22 ноября. С. 3.

⁵² ИРЛИ. Ф. 183. Оп. I. Ед. хр. 426. Л. 48.

дающим литераторам и ученым» и активнейшего участника Литературного фонда, организации, которой, умирая, он завещал дом на Песочной улице и свою библиотеку.

Михневич оставил большое литературно-публицистическое наследие. Литературная поденщина, необходимость давать ежедневные обзоры событий, хронику, фельетоны не позволили ему подняться до высоты подлинного художественного творчества. Тем не менее многие бытовые зарисовки этого автора интересны современному читателю. Особую ценность представляют, несомненно, описания петербургской обывательской жизни последней трети XIX века, напоминающие о героях Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других их современников. Среди очерков Михневича безусловный интерес вызывают яркие и чрезвычайно выпукло очерченные зарисовки петербургской Коломны.

3. Мамонт Дальский в Коломне

В 1913 году молодой московский поэт Владимир Маяковский риторически вопрошал:

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
На флейте водосточных труб?

Услышать музыку города, поставить спектакль в декорациях городских улиц обывателям казалось невозможным. Москва, патриархальная и прозаическая, мало подходила для мифотворчества. Петербург — призрачный, выдуманный Петром I, «умышленный» город — был прекрасной ареной для всяческих метафизических действий.

В послеоктябрьской реальности Петроград — великий город, погружающийся в небытие, оказался огромной трагической сценой, где разыгрывался последний акт истории Российской империи. Именно эта масштабная обстановка гибнущего города диктовала особые правила игры. Здесь трагедия соседствовала с фарсом, а реальность не всегда оказывалась тем, за что себя выдавала. Стихийные действия революционных народных масс не ограничивались освобождением из тюрем за-

ключенных, но, словно повинуюсь руке неведомого режиссера, громили царский суд, уничтожая улики, и сжигали архивы полицейского управления, содержащие сведения о преступниках. На уличных митингах революционные ораторы сменялись поэтами, читавшими свои стихи, с ними соседствовали фокусники и шпагоглотатели. Разгромы особняков и магазинов были не только выражением классовой мести, но часто преследовали и личные цели нападавших. Революционная идеология и сознательность далеко не всегда руководили действиями восставших. Поступки одних объяснялись элементарным стремлением к обогащению, для других важнее всего было оказаться в центре внимания, почувствовать себя на гребне событий, обрести зрителей и ощутить их признание.

Один из эпизодов послеоктябрьской реальности связан с именем блистательного русского актера, знаменитого трагика Мамонта Викторовича Дальского (1865–1918), талант которого ярко проявился во время его службы на императорской сцене в 1890–1900 годах. Именно у Дальского прошел школу актерского мастерства Ф. И. Шаляпин⁵³, его боготворили В. Э. Мейерхольд⁵⁴ и Н. В. Петров (Коля Петер)⁵⁵. Театральный критик П. М. Пильский писал: «Если исключить единичные попытки, — то без Дальского ни о Шекспире, ни о Шиллере, ни о трагическом герое и трагическом лице не было бы и помину!»⁵⁶ Л. Д. Леонидов утверждал: «В расцвете таланта Дальский и в Париже, и в Лондоне, и в Берлине затмил бы и Росси, и Сальвини, и Барная, и Поссарта. Но мешало одно — Европа не знала “скифского”, непонятного ей языка»⁵⁷.

⁵³ См.: *Ходотов Н. Н.* Близкое-далекое. Л.; М., 1962. С. 69–70. А. В. Амфитеатров в посвященной Дальскому заметке утверждал: «Шаляпин — на добрую треть, если не на половину, своего сценического знания — ученик Мамонта Дальского. Сожительство их в Пале-Рояле на Пушкинской заменило ныне столь знаменитому певцу класс декламации и пластики» (*Амфитеатров А.* Юноша 55 лет // Новые ведомости. 1918. 13 июня. № 85. С. 5–6).

⁵⁴ См.: Встречи с Мейерхольдом. М., 1967. С. 76, 258.

⁵⁵ *Петров Н.* 50 и 500. М., 1960. С. 8–9.

⁵⁶ *Дмитриев Ю.* Русские трагики конца XIX — начала XX вв. / Очерки. М., 1983. С. 93.

⁵⁷ *Леонидов Л. Д.* Рампа и жизнь. Воспоминания и встречи // Драматург. 1995. № 5. С. 221.

В последующие годы, во время странствий Дальского по провинции, его имя заняло заметное место на страницах столичных и провинциальных газет и его фигура выросла в почти мифологический образ в Петрограде первых месяцев революции. Последний акт жизненной судьбы Дальского разыгрывался не на сцене, а именно на улицах, в домах и особняках этого города. Театральное здание, замкнутая сценическая коробка не вмещали такую яркую личность, к которой нельзя было подходить с обычной обывательской меркой. Дальскому был необходим иной масштаб. Талант этого актера в последний раз ярко блеснул на фоне декораций гибнувшего Петербурга.

Дальский не был петербуржцем по рождению. Он появился на свет в 1865 году в Харькове в семье обедневшего дворянина Виктора Неелова. Нееловы считали себя потомками знаменитого «арапа Петра Великого»⁵⁸ и отличались бурным темпераментом, требовавшим преувеличенных переживаний. Возможно, именно благодаря этому все шестеро детей Виктора Неелова стали актерами и получили известность на русской сцене⁵⁹. Фамилия «Дальский» была сценическим псевдонимом. Свое имя, кажущееся столь экзотическим, он получил в честь святого великомученика Маманта (так, через две буквы «а», значится его имя в русских святцах).

Актерскую деятельность Дальский начал в провинции, затем столь успешно выступал в Москве, что был одновременно, без необходимого дебюта, приглашен в два крупнейших театра того времени — в московский Малый и петербургский Александринский. С 1890 по 1900 год Дальский служил в труппе Александринского театра. Это был пик его сценической деятельности, в эти годы за ним закрепилась слава одного из крупнейших русских тра-

⁵⁸ Вторая дочь А. П. Ганнибала Анна была замужем за кронштадтским строителем Семеном Нееловым (см.: *Глинка Т.* Талант, игрок, расчетливый безумец // *Московская правда.* 1989. 26 ноября. С. 3).

⁵⁹ Это драматический актер Сергей Ланской, недолго игравший в Московском Художественном театре, актер и драматург Виктор Рамазанов, провинциальные актеры Мерцалов, Екатерина Динская и любимая сестра М. В. Дальского — провинциальная актриса и антрепренерша Магдалина Дальская (именно ее уменьшительное имя — Дая, Даленька, — послужило основой для сценического псевдонима Дальского).

гиков, его называли вторым Мочаловым⁶⁰. На сцене Александринского театра определилась основная тема творчества Дальского — тема бунта, открытого вызова обществу, протеста против зла, лжи и несправедливости. Лучшими ролями Дальского стали классические роли Гамлета, маркиза Позы, Отелло, Чацкого, Парфена Рогожина, в исполнении которых ему не было равных. Успеху способствовали внешние данные актера, мощный драматический темперамент и врожденное благородство манер.

Однако яркую индивидуальность и необузданный нрав Дальского было трудно вписать в рамки внутреннего распорядка и обязательной дисциплины образцовой императорской сцены. Архивное «Дело о службе... Мамонта Дальского» пестрит распоряжениями о штрафах за неявку на репетиции, за опоздания к началу спектакля, за задержку из отпуска, за побои, которые актер наносил костюмерам, бутафорам и другим театральным служащим⁶¹.

О необузданности актера позднее складывали легенды. Так, «в 1906 году за кулисами театра, в костюме и гриме Ивана Грозного Дальский избил помощника режиссера <...>. Картина была столь потрясающая, что даже сам потерпевший <...> проникся величием разыгравшейся сцены. Когда его спрашивали, думает ли он принести жалобу на Дальского, он отвечал: “Причем тут Дальский? Меня обидел сам Иван Васильевич Грозный, а вы посылаете нас к “мировому”»⁶².

В 1900 году Дальскому пришлось покинуть казенную сцену, началась долгая полоса гастрольных странствий, и имя актера стало объектом пристального внимания газетных писак, сообщавших самые невероятные сведения о его похождениях: об участии в разработке золотых россыпей на Амуре, о спекуляциях в действующей армии во время Русско-японской войны⁶³ и т. д.

За свою жизнь Дальский сыграл огромное количество ролей (только в императорском театре — около 200). В одной из пьес⁶⁴ он с блеском произносил рекордный по длительности,

⁶⁰ Волин В. М. В. Дальский // Возрождение. 1918. 9 июня (27 мая). № 7. С. 4.

⁶¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Ед. хр. 892.

⁶² Театральная газета (Москва). 1918. № 24. 16 июня. С. 14.

⁶³ Театр и искусство. 1918. № 20–21.

⁶⁴ Роль Ротмистра в пьесе Стриндберга «Отец» (Дмитриев Ю. Русские трагики... С. 87).

20-минутный монолог, в течение которого в зале замирали все звуки, в другой роли⁶⁵ в момент высшего эмоционального накала он швырял за кулисы зажженную керосиновую лампу — эту сцену с трепетом ожидали не только зрители, но и все, кто находился за кулисами.

Современники утверждали: если во всей России нет ни одного театра, в котором бы не выступал Дальский, то, по всей вероятности, нет и ни одного клуба, где он не выигрывал бы в карты — Дальский был страстным игроком. «И ему баснословно везло, он умудрялся в одну ночь выигрывать сотни тысяч»⁶⁶. Наутро в театре он говорил: «Я показал им Дальского не на сцене, а в жизни, я их всех вчера раздел...»⁶⁷. Ему ничего не стоило проиграть тысячи рублей и отдать последнее нуждающемуся актеру. Ничего не стоило забывать о своих крупных и мелких долгах, но и доставать необходимые деньги никто не мог с такой легкостью, как Дальский.

Именно в эти годы за актером закрепилось имя «Скандалеский»⁶⁸, а в театральных кругах родился каламбур: «Какая разница между мамонтами и Мамонтом Дальским? — Тех выкапывают, а его следовало бы закопать»⁶⁹.

Газеты печатали немислимые сообщения о похождениях Дальского, о каких-то спекуляциях, дебошах, о похищении чужих жен⁷⁰.

Н. Н. Брешко-Брешковский даже в некрологе не мог удержаться от фантастических рассказов о том, что Дальский сделал любовницей собственную сестру, о том, что он украл серебряный портсигар у актера, что, заболев дурной болезнью и стремясь всех заразить, он плевал в общий чайник в актерской комнате и так далее⁷¹.

⁶⁵ Дмитриев Ю. Русские трагики... С. 87.

⁶⁶ Янский. Артист-анархист // Утро. 1918. 12 июня. № 47.

⁶⁷ Ксюнин Ал. Выше толпы (Воспоминания о Мамонте Дальском) // Вечерние огни. 1918. № 49. 15 июня.

⁶⁸ Волин В. М. В. Дальский. С. 4.

⁶⁹ Амфитеатров А. Безумный друг Шекспира // Петроградский голос. 1918. № 105. 13 июня.

⁷⁰ Утро. 1918. № 47. 12 июня.

⁷¹ Биржевые ведомости. 1918. 12 июня.

Вероятно, такие сообщения, отчасти забавлявшие Дальского, придавали определенную остроту его жизни, хотя против некоторых обвинений он и пытался возражать публично. По всей видимости, он и сам принимал участие в распространении этих невероятных слухов: уж очень похоже, что реальная жизнь докрашивалась более яркими, не всегда естественными красками. Он заставлял о себе говорить, создавал яркие легенды, непрерывно актерствуя в повседневной жизни.

Дальский любил повторять: «Где Дальский — там театр»⁷². Он требовал, чтобы и вне театра, в быту актер оставался актером. Современники отмечали: где бы ни был Дальский, о чем бы он ни говорил — о новой ли оперетке, о выигрыше в карты или о красивой женщине — в его голосе всегда «То Ричард слышится, то будто бы Отелло»⁷³.

Славился Дальский и своим острословием. Его «словечки», меткие фразы повторял весь театральный Петербург. Пронесся слух о том, что актер поступает в киевский театр Соловцова. Тут же последовал ответ Дальского: «Я ушел из театра Николая II — так не для того же, чтобы поступить к Николаю Соловцову!»⁷⁴.

Н. Н. Ходотов вспоминал, что на банкете в честь Томазо Сальвини, выступившего в Петербурге в роли Отелло, которую исполнял и Дальский, великий князь Владимир Александрович окликнул Дальского по фамилии. Актер подошел, склонил голову, но четко поправил: «Мамонт Викторович, ваше императорское высочество!» Великий князь захохотал: «А ведь сознайся, старик (то есть Сальвини) переиграл тебя». Дальский парировал удар и ответил: «Вернее, — я не доиграл, ваше высочество!»⁷⁵

Дальский любил играть на скачках. Однажды он поставил все деньги на скакунов с «театральными» именами: Отелло, Кин и Гамлет. Проиграв, он заявил: «Вот и оправдалось общее мнение о том, что в сравнении с Мамонтом Дальским все наши Кины, Гамлеты и Отеллы суцая дрянь!»⁷⁶

⁷² Дмитриев Ю. Русские трагики... С. 73.

⁷³ Петроградский голос. 1918. № 104. 12 июня.

⁷⁴ Пильский П. Дальский // Вечернее слово. 1918. № 57; Дмитриев Ю. Русские трагики... С. 81.

⁷⁵ Ходотов Н. Н. Близкое-далекое. С. 74–75.

⁷⁶ <Б. п.>. Из жизни Дальского // Новая петроградская газета. 1918. 15 июня. № 122. С. 4.

Дальский был всегда ярок — и на сцене, и в жизни.

В 1915 году⁷⁷ после крупного выигрыша Дальский смог перебраться с семьей в столицу и снять квартиру в скромном доме на набережной реки Пряжки, 40⁷⁸, — в Коломне, которая, несмотря на удаленность от Невского, была одним из самых театральных районов города. Здесь находился Мариинский театр, в здании Консерватории давал спектакли Театр Музыкальной драмы, на Офицерской улице находился театр, труппу которого когда-то возглавляла В. Ф. Комиссаржевская⁷⁹. Вблизи театров традиционно селились актеры. Еще в пушкинские времена до постройки Александринского театра, когда в Коломне находился главный и единственный театр столицы — Большой, или Каменный, театральность этого района не ограничивалась стенами зданий, а как живой, пульсирующий организм выплескивалась на улицы, превращая в театральные подмостки ее улицы, площади и особняки. Здесь следовали вызовы на дуэль из-за театральных примадонн и похищали учениц Театрального училища, бросали к ногам актрис состояния и отправлялись в тюрьму за растрату казенных денег.

Дом на Пряжке был выбран Дальским потому, что в этой, примыкавшей к заводам, части Коломны, «квартирная плата по дешевизне была на предпоследнем месте, за ней следовали лишь такие отдаленные районы города, как Выборгский и Нарвский»⁸⁰. Квартира находилась на первом этаже, в ней было три комнаты, выходившие окнами на тихую речку Пряжку. До Театральной площади было недалеко, там золотились купола Никольского собора,

⁷⁷ До этого Дальский снимал квартиры преимущественно в центре города: на Малой Итальянской, 9 (1892–1893), в Северной гостинице, на Невском, 81 (1894), на Невском, 71/1, в гостинице Пале-Рояль на Пушкинской ул. и т. д.

⁷⁸ Дом построен в 1911 г. Архитектор В. В. Фридлейн. Л. М. Дальская писала в воспоминаниях об отце: «Невысокий, трехэтажный, довольно узкий, до половины выложенный серым камнем, а сверху облицованный белыми изразцами, наш дом выделялся какой-то голландской опрятностью среди безликих, унылых домов, его окружавших» (*Дальская Л. Из воспоминаний о моем отце // Нева. 1992. № 1. С. 273*).

⁷⁹ Театр располагался по адресу Офицерская ул., 39; здание не сохранилось, с 1912 г. на его месте был устроен Луна-парк. См. *Лопатин А. А.* Зрелищно-развлекательная жизнь Коломны и Александр Блок. Публикуется в этом сборнике. С. 103.

⁸⁰ *Дальская Л. Из воспоминаний о моем отце. С. 273.*

проносились лихачи с роскошно одетыми дамами и франтами, благоухала ванилью и шоколадом кондитерская Иванова. Картину благополучия нарушал лишь мрачный Литовский замок, городская тюрьма, петербургская Бастилия, расположившаяся рядом с Мариинским театром. Дочери актера Л. М. Дальской запомнился один из эпизодов, связанных с этой квартирой: «Был хмурый день, видимо, поздняя осень. За окном в сумерках стояли какие-то люди, два или три человека, в темно-серых шапках и таких же халатах. Один из них осторожно постучал в окно. Отпрянув, я тут же услышала, как отец, находясь в кабинете рядом, открыл форточку своего окна и стал с ними разговаривать. Потом позвал мать и что-то быстро ей сказал. Я уловила: “Литовский замок” — слова, которые как будто слышала уже не раз. Мать тут же вынула из буфета большой кусок сахара в синей бумаге и белую булку, потом принесла еще что-то из кухни, завязала все в салфетку и передала отцу. Он спустил это за форточку. Люди, стоявшие за окном, поговорили с ним уже громче, и вскоре ушли.

Тут только я заметила, что за мной стоит кухарка Паша и смотрит в окно.

— Кто они? — спросила я ее.

— Арестантики, — сказала Паша. — Помилуй их грешных, Господи»⁸¹.

Поступив в труппу Суворинского театра, Дальский вместе с антрепренером Н. М. Корсаковым в начале войны 1914 года написал пьесу «Позор Германии», не отличавшуюся высокими художественными достоинствами, но принесшую большой доход, что позволило ему выбрать более респектабельную квартиру.

Скромную квартиру на Пряжке в начале 1916 года сменили на более просторную в особняке Княжевича на углу Офицерской улицы (№ 44) и Лермонтовского проспекта — дом этот не сохранился, ныне на его месте возведено здание Дома быта. Он принадлежал семье тайного советника гофмейстера Антонина Дмитриевича Княжевича (умер в 1879 г.) — его жене Софье Степановне (урожд. Гильдебрандт) и его сыновьям Владимиру, впоследствии предводителю дворянства в Ялте, Николаю, лейб-гусару, адью-

⁸¹ Там же. С. 274–275.

танту Николая II, и камергеру Александру. По свидетельству Л. М. Дальской, дом Княжевича относился к лучшим образцам классицизма начала XIX века, был построен «в духе Кваренги»⁸². Дочь актера упоминает изящество внутренней отделки особняка, мраморные подоконники, «зеркальные стекла высоких окон», «великолепные двери красного дерева, украшенные строгой резьбой с бронзовыми ручками художественной чеканки, мраморные камины, зеркала, паркетные полы ценного дерева — все во вкусе дворцовых особняков Петербурга»⁸³.

Одно из первых событий начинавшейся революции 1917 года в Петрограде — захват восставшими городской тюрьмы — Литовского замка и освобождение заключенных. Среди участников этого символичного взятия «русской Бастилии» был Мамонт Викторович Дальский.

Л. М. Дальская с раннего детства запомнила нервное беспокойство, которое охватило в тот день всю семью, ожидавшую возвращения отца. В мемуарах она вспоминала: «Он вошел в пальто без шапки возбужденный, глаза его блестели, все в нем выражало какой-то восторг и подъем. Таким он бывал, когда читал свой любимый монолог маркиза Позы. Оглядев всех, он вынул из кармана громадные тюремные ключи и принялся рассказывать, что происходило в Литовском замке»⁸⁴.

Принесенные домой массивные ключи от городской тюрьмы были не столь орудием освобождения заключенных (ворота Литовского замка были выломаны бревном)⁸⁵, сколь эффектным театральным реквизитом — и владение ими являлось выигрышным сценическим ходом.

Вскоре после захвата Литовского замка в первые дни Февральской революции имя Дальского оказалось тесно связанным с анархистами, одной из активных политических сил, ярко проявивших себя в эти месяцы. Знакомство Дальского с идеями анархизма относится ко времени Первой русской революции⁸⁶. В статьях о

⁸² Дом перестроен в 1898 г. академиком архитектуры Е. Р. Бахом.

⁸³ *Дальская Л.* Из воспоминаний о моем отце. С. 278.

⁸⁴ Там же. С. 280.

⁸⁵ См. фрагмент воспоминаний Т. Цибиковой (Блокнот агитатора. 1983. № 2. С. 48).

⁸⁶ См.: *Крыжицкий Г.* Мамонт Дальский. Л.; М., 1965. С. 79–80.

Дальском можно найти свидетельства о его выступлениях в 1905 году на митинге перед рабочими Туркестанского края, последствием митинга было восстание в частях местного гарнизона⁸⁷.

Для такого «крайнего индивидуалиста»⁸⁸, как Дальский, выступавшего на провинциальной сцене и работавшего с полубразованными и часто беспомощными дилетантами, привыкшего солировать в спектакле, где все мизансцены строились «под него», чтобы оттенить лишь его пластику, подчеркнуть его выгодные внешние данные, богатство тембра его голоса, интерес к идеям анархизма с его отказом от государственной власти и принципом уравнивания кажется неожиданным. Амфитеатров писал о Дальском: «Для равенства, для коллектива этот мнимый “анархист” совершенно не годился, не умея, по властности своей, ужиться даже и с малыми ограничениями своей бурной воли»⁸⁹. Однако после ухода из Александринского театра Дальский, безусловно, испытывал тоску по большой сцене, но любая сцена была для него тесна. Ему было недостаточно владеть душами зрительного зала, ему хотелось вести за собой массы.

В трилогии «Хождение по мукам» А. Н. Толстой писал, что Дальский воспринял революцию как «гигантскую трагическую сцену и захотел сыграть на ней главную роль в новых “Братьях-разбойниках”»⁹⁰. Газеты 1917–1918 годов дают обильный материал для того, чтобы проследить этот сюжет.

9 марта 1917 года в Петрограде состоялось организационное собрание анархистов, решавших вопрос о форме существования своей группы: выступить ли ей в виде политической организации или только в виде клуба. Из-за опасения возможных преследований политической группы было решено по предложению Дальского ограничиться основанием анархистского клуба и собственной газеты⁹¹. В апреле «партия анархистов сделала распоряжение о занятии всех двorcов и устройстве в них клубов анархистов»⁹².

⁸⁷ Лукин Б. Еще одно амплуа // Театральная жизнь. 1973. 1 мая. № 9.

⁸⁸ Крыжицкий Г. Мамонт Дальский. С. 167.

⁸⁹ Амфитеатров А. Юноша 55 лет. С. 5.

⁹⁰ Толстой А. Н. Избранные сочинения: В 6 т. Т. 3. М., 1951. С. 511.

⁹¹ Новое время. 1917. 10 марта. № 14723. С. 3; Биржевые ведомости. 1917. 15 марта. № 16136. С. 4 (Утрен. вып.).

⁹² Петроградская газета. 1917. 29 апреля. № 98. С. 2.

Вскоре после собрания анархистов начались экспроприации барского имущества и реквизиции особняков петербургской знати.

21 апреля анархисты захватили особняк гласного Городской думы Павла Петровича Дурново на Полостровской набережной (ныне Свердловская наб., 22). Был ли среди участников этой акции Дальский — неизвестно⁹³. Однако месяц спустя «Петербургский листок» опубликовал заметку: «Дурновский анархист». В ней сообщалось следующее: «На днях в один из невских клубов приехал известный артист Мамонт Дальский и прошел в карточные комнаты, где шла азартная игра. На заявление дежурного старшины собрания, что в карточные комнаты допускаются исключительно члены клуба, а г. Дальский таковым не состоит, артист заявил, что он представитель анархистов, квартирующих на даче Дурново, и никаким правилам не подчиняется.

Не желая идти на открытое столкновение, его оставили в покое, и он продолжал игру, а затем, проиграв все деньги, уехал из клуба, пригласив своих счастливых партнеров приехать к нему в гости»⁹⁴.

В ночь на 19 июня дача Дурново была освобождена правительственными войсками. Газета «Биржевые ведомости» сообщала, что в числе арестованных оказался «известный артист М. Д.»⁹⁵, инициалы легко расшифровывались как имя Мамонта Дальского. Однако неделю спустя газете пришлось печатать опровержение этого сообщения⁹⁶. На следующий день после этого в «Петроградском листке» было опубликовано письмо Дальского, датированное 22 июня, где актер писал: «Гражданин редактор!

В некоторых газетах было напечатано, что среди анархистов, арестованных на даче Дурново, оказался известный артист Мамонт Дальский. Ввиду неверности этого известия, а также ввиду многих письменных обращений ко мне большей частью незнако-

⁹³ См.: *Крыжицкий Г.* Мамонт Дальский. С. 179–182; *Дмитриев Ю.* Русские трагики... С. 93.

⁹⁴ Петроградский листок. 1917. 25 мая.

⁹⁵ Биржевые ведомости (Веч. вып.). 1917. 19 июня. № 16291. С. 3.

⁹⁶ Там же. 26 июня. № 16303. С. 3.

мых мне лиц, с просьбой высказать мое отношение к действиям под флагом анархизма, сообщаю следующее: я, действительно, исповедую анархизм, как учение, ведущее к высшему совершенству. Я горячо проповедую его возвышенные, полные внутренней красоты и правды идеи, устанавливающие счастье и благо для каждой личности и для масс. Как анархист, я считаю, что причиной трех главных мировых несправедливостей (экономической, политической и моральной) со всеми гибельными их последствиями, является *власть*, в какой бы форме она ни выражалась. Я считаю, что для осуществления анархизма нужен революционный способ. Я полагаю, что всемирная революция (во имя идей анархизма) должна начаться в самом непродолжительном времени. Но, вместе с тем, я нахожу, что единичные акты насилия, захвата и присвоения со стороны отдельных лиц и групп — неразумны. Выступления эти, как мало осознанные, неподготовленные и плохо организованные, осуждены на провал, легко подавляются всякой властью как постоянной, так и временной, и тем самым профанируют революционный способ осуществления анархизма, который в свою очередь не есть хаос и беспорядок, а высшая солидарность и дружная работа взаимно уважающих друг друга людей, находящихся в свободных союзах, стремящихся к благу, счастью и полной свободе творческой личности.

На даче Дурново я никем арестован не был и нахожусь вторую неделю на взморье Гунгербурга⁹⁷.

Мамонт Дальский»⁹⁸.

Ровно через неделю после захвата анархистами дачи Дурново, 28 апреля 1917 года, аналогичная экспроприация богатого особняка произошла в Коломне в непосредственной близости от дома Княжевича, где жил Дальский. Группа анархистов заняла дворец герцога Александра Георгиевича Лейхтенбергского (внука великой княгини Марии Николаевны, дочери Николая I, и герцога Максимилиана Лейхтенбергского) на Английском проспекте, 18⁹⁹. В литературе о Дальском есть упоминания о причастно-

⁹⁷ Ныне Усть-Нарва в Эстонии.

⁹⁸ Петроградский листок. 1917. 27 июня. № 153. С. 5.

⁹⁹ Ранее принадлежал Матильде Феликсовне Кшесинской, до этого — А. В. Кузнецовой (см. Антонова Н. В. Из истории дома 18 по Английскому проспекту. Публикуется в этом сборнике. С. 79).

сти актера к этой акции¹⁰⁰. Несколькими днями позже анархисты оставили дворец, сдав ключи от особняка комиссару 2-го коломенского подрайона большевику Харитонову¹⁰¹ — личности чрезвычайно интересной. Давний знакомый Ленина, он приехал с ним в Петербург из Швейцарии в знаменитом запломбированном вагоне. Анархистские экспроприации в периодике 1917 года часто сравнивались с действиями большевиков, например, с захватом особняка М. Ф. Кшесинской на Каменноостровском проспекте¹⁰². Когда дом герцога Лейхтенбергского на Английском проспекте оказался разграбленным (ущерб оценивался в 200 тысяч рублей, причем были взломаны даже несгораемые шкафы и бронированные кладовые), Харитонов за потворство захвату и грабежу был арестован¹⁰³. Это не помешало ему впоследствии выдвигаться на партийной работе¹⁰⁴.

В 1917 году Дальский часто выступал на митингах перед рабочими. Он прекрасно владел любой аудиторией. По свидетельству современников, когда он произносил речи, стояла поразительная тишина, все смолкали, чтобы услышать Дальского. На вопрос, как ему удастся утихомирить самую разбушевавшуюся толпу, он отвечал: «А когда они сильно разойдутся, дорогой мой, я становлюсь в позу и читаю им монолог из “Разбойников”. Поверите ли, сразу успокаиваются...»¹⁰⁵. Дальский даже собирался поставить «Разбойников» Ф. Шиллера с участием «товарищей-анархистов»¹⁰⁶.

¹⁰⁰ Крыжицкий Г. Мамонт Дальский С. 179; <Б. п.>. Товарищ Мамонт Дальский // Новые ведомости. 1918. 18 января. № 1. С. 7.

¹⁰¹ М. М. Харитонов (1887–1948) — член РСДРП с 1905 г. По возвращении в Россию был секретарем 2-го Городского района Петрограда и входил в состав Петербургского комитета РСДРП(б). Позднее на 14 съезде ВКП(б) примыкал к «новой оппозиции», затем входил в троцкистско-зиновьевский блок, за что в 1927 г. был исключен из партии. В 1928 восстановлен, работал в Наркомвоенторге.

¹⁰² См., например: Биржевые ведомости. 1917. 18 апреля. № 89. с. 4; Петроградская газета. 1917. 22 апреля. № 92. С. 5.

¹⁰³ См.: <Б. п.>. Среди милицейских: Арест комиссара Харитонova // Петроградский листок. 1917. 8 июня. № 137. С. 3; <Б. п.>. Дело о захвате дома герцога Лейхтенбергского // Петроградский листок. 1917. 16 мая. № 18. С. 2.

¹⁰⁴ См.: Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1919. Июнь-июль.

¹⁰⁵ Янский. Артист-анархист // Утро. 1918. 12 июня. № 47.

¹⁰⁶ Двинский. Неистовый Дальский // Новые ведомости. 1918. 11 июня. № 83. С. 8.

Шум вокруг имени Дальского продолжался. Мемуаристы повторяли якобы сказанные Дальским слова: «Дом, в котором я живу, переполнен экспропрированными вещами. Сюда, как на склад, приносят члены партии вещи на сохранение, и я молчу и не протестую, потому что я анархист...»¹⁰⁷.

В воспоминаниях о Дальском ярко отразилось стремление актера к постоянной браваре, игре в жизни, как на сцене: «Дальский поселяется в роскошном особняке, а когда ему замечают, что это не демократично, он объявляет:

— Вздор... если чья-нибудь мещанская душа может ютиться где-нибудь в третьем этаже, то Дальскому нужен простор больших анфилад.

К завтраку появляются какие-то матросы, какие-то безработные актеры, еще кто-то и Дальский входит в роль атамана.

— Ты видел этого медведя, — показывает он на громадное чучело. — Это из особняка, знаешь, этого прохвоста, бывшего министра барона...

Дальский отдает какие-то распоряжения, кому-то грозит, кого-то хочет свергать и объясняет, что такое индивидуализм. Потом он говорит о рабочих, об их тяжелой участи, и в его речи улавливаются знакомые слова:

— Если б можно было возвратиться в чрево матери. Если б я мог родиться нищим, нет, я не хотел бы ничего, праведное небо, только сделаться последним поденщиком. О, я стал бы трудиться так, что кровавый пот капал бы с лица моего. Я выкупил бы себе сладострастие послеобеденного сна, блаженство единственной слезы...

— Мамонт, — говорит вполголоса один из приятелей, — ведь это из “Разбойников”.

— Не все ли равно откуда. Все великие люди говорят одним языком. Если Наполеон завоевал полмира, если Вильгельм покоряет народы, этот ничтожный Вильгельм, почему Мамонт Дальский не может владычествовать над умами людей...

И Мамонт переходит на монолог из “Дмитрия Самозванца”... Потом он вспоминал:

— Вчера я говорил рабочим на заводе, слышно было, как муха пролетит...

¹⁰⁷ *Янский*. Артист-анархист.

– Откуда это у тебя, Мамонт?

– Откуда... Я, который играл все роли до царей и богов включительно, я не сумел бы говорить с рабочими... Мне внимали...

Мамонт был величествен»¹⁰⁸.

Другой современник рассказывал: «Когда ему говорили, что в его анархизме больше авантюризма, чем идейности, он мягко отвечал сочным баритоном:

– Ах, дорогой мой, Наполеон был авантюристом, Вильгельм авантюрист, почему же не может им быть Мамонт Дальский?»¹⁰⁹

Слухи о проделках Дальского доходили до властей, однако первое время попыток ограничить его деятельность не делалось, несмотря на самые невероятные газетные выдумки о его «подвигах». «В театральном же и клубном мирах ходили слухи еще более ужасные, чем сообщавшиеся в газетах. Имя Дальского стали упоминать при крупных налетах на клубы. Находились свидетели, которые уверяли, что в замаскированной фигуре предводителя налетчиков они узнали Дальского. Слухи дошли до властей имущих»¹¹⁰.

17 ноября 1917 года в квартире актера был произведен обыск, который «результатов никаких не дал»¹¹¹.

Тем не менее 23 ноября 1917 года в первом номере газеты «Век», начавшей выходить с задержкой вместо закрытой незадолго до этого «Речи», сообщалось об аресте Дальского, изобличенного «в ряде чисто грабительских походов». Среди них называли налет на квартиру «богача Александрова», а также нападение с группой красногвардейцев на матросский клуб в доме бывшего великого князя Кирилла Владимировича по адресу: улица Глинки, 13. Во время нападения на матросский

¹⁰⁸ Вечерние огни. 1918. 15 июня. № 49.

¹⁰⁹ Янский. Артист-анархист.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ В Санкт-Петербургском Государственном музее театрального и музыкального искусства сохранился документ на бланке Исполнительного комитета Районного Совета рабочих и солдатских депутатов Петроградской стороны, датированный 18 ноября 1917 г., в котором говорится: «Настоящим удостоверяем, что обыск в кв. 1, д. 44 по Офицерской ул., занимаемой Мамонтом Дальским, произведенный по ордеру Районного Совета рабочих и солдатских депутатов 17-го ноября 1917 г. с разрешения 2-го городского Районного Совета рабочих и солдатских депутатов по данным Следственной комиссии Районного Совета рабочих и солдатских депутатов результатов никаких не дал» (СПбГМТиМИ. ГИК-12023/9, ОРУ-11622).

клуб, охранявшийся матросами 2-го Флотского экипажа, шефом которого был великий князь, анархисты были встречены вооруженными матросами, которые «заставили всю банду поднять руки, спросили, кто из них старший и хотели арестовать Дальского. Последний заявил, что он член военно-революционного комитета. Тогда матросы отпустили его, предварительно установив его личность, и сообщили о происшедшем в военно-революционный комитет.

Этим и вызвано распоряжение об аресте М. Дальского»¹¹².

Один из мемуаристов писал: «Казалось бы, что могло быть общего между артистом и теми “анархистами”, которые наводняли дом Княжевича? Один барин с прирожденными барскими манерами, другие же грязные, неразвитые матросы и солдаты, плевавшие на дорогие ковры особняка, вытиравшие руки после еды о белоснежные скатерти. А вот подите же. Любили его, во всем слушались. А когда Дальский был арестован, они с риском самим быть задержанными, отправились в Смольный и требовали его освобождения»¹¹³.

На газетные публикации об участии Дальского в налетах на особняки и клубы откликнулись анархисты, заключенные в петроградской тюрьме «Кресты». В петербургском Театральном музее хранится их письмо, в котором они отрицают его причастность к экспроприациям и называют газетные заметки на эту тему «плодом низкой клеветы разваливающейся буржуазной клики, пущенной в целях провокации»¹¹⁴.

3 декабря 1917 года в газете «Петроградский листок» Даль-

¹¹² <Б. п.>. Приказ об аресте Мамонта Дальского // Век. 1917. 23 ноября. № 1. С. 6.

¹¹³ Янский. Артист-анархист.

¹¹⁴ СПбГМТнМИ. ГИК-12023/37. ОРУ-11650. Приводим текст этого недатированного документа:

«От группы заключенных в “Крестах”

В связи с арестом Мамонта Дальского в печати появились заметки о причастности Мамонта Дальского к налетам на клубы, ограблениям дворцов и т. под. актам, а равно и какому-то моральному воздействию и руководителю совершавшими указанные акты.

Мы, заключенные в “Крестах”, действительно принимавшие участие во многих вышеозначенных актах, считаем своей внутренней и душевной потребностью заявить, что Мамонт Дальский никакого прямого или косвенного участия в наших делах или руководителю ими не принимал.

ский снова поместил свое очередное письмо в редакцию, в котором заявлял: «<...> В особняке Княжевича живу по подписанному обеими сторонами договору, уплатив деньги, как обыкновенный квартиронаниматель, а не захватчик и насильник, каковым меня называют.

Ни к каким налетам на дворцы и клубы ни малейшего — прямого или косвенного — отношения не имею, им чужд, считая их отрицательными <...> как растрату <...> престижа того знамени, которое ради этого безрасчетно треплется, чей яркий и чистый свет тускнеет и омрачается.

<...> Картинами из Зимнего дворца так и не любовался всю мою жизнь, не приглашенный туда ни Николаем Романовым, ни Александром Керенским, а ко мне на квартиру, увы, — так никто и не принес ни одного полотна кисти Серова или Беласкеса»¹¹⁵.

Тем временем в Петрограде шла подготовка к намеченному на 15 января закрытому съезду анархистов-коммунистов, во главе которого, по сообщению «Новой Петроградской газеты», должен был встать среди прочих «известный трагик Мамонт Дальский»¹¹⁶. Главной темой съезда был вопрос об отношении анархистов к большевикам, особенно остро ставший после убийства бывших министров Временного правительства А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина.

Вероятно, именно в связи с подготовкой к съезду в ночь на 14 января 1918 года в доме Княжевича на углу Офицерской улицы и Лермонтовского проспекта Дальский был арестован. Та же «Новая Петроградская газета» описывала подробности ареста: «В гостях у него (у Дальского. — Ю. Г.) было несколько человек из партии анархистов. Узнав от прислуги, что в квартиру его явился вооруженный отряд с предписанием ареста, Мамонт Даль-

Его мы знаем только как артиста и не знакомы с ним, а потому появившиеся заметки есть плод низкой клеветы разваливающейся буржуазной клики, пущенной в целях провокации.

Просим товарищей, находящихся на воле и участвовавших в различных актах этого характера, присоединиться к нашему понятному чувству глубокого возмущения и гласного протеста».

¹¹⁵ Петроградский голос. 1917. 23 декабря. № 21. С. 3.

¹¹⁶ Новая Петроградская газета. 1918. 7 января. № 4. С. 3.

ский, по совету гостей, намеревался скрыться.

С этой целью он по черному ходу направился к чердаку, но в темноте наткнулся на балку и повредил ногу.

С трудом Мамонт Дальский вернулся обратно в квартиру и сдался отряду, который арестовал его и отправил в Смольный¹¹⁷.

Шутки с властью не могли быть бесконечными. Долго игра продолжаться не могла. Арест был естественным следствием поведения Дальского, с видимым удовольствием снабжавшего газетчиков колоритными подробностями своих якобы походов.

15 января петроградская газета «Наши ведомости», издававшаяся бывшими сотрудниками вездесущих «Биржевых ведомостей», опубликовала сенсационное сообщение о «загадочной истории в Смольном»: накануне из кабинета вождя революции В. И. Ленина в Смольном был вынесен на носилках какой-то человек, не подававший признаков жизни¹¹⁸. История получила большой резонанс на проходившем в это время Третьем Всероссийском съезде Советов. Был послан запрос в Смольный.

Газета «Наши ведомости» за публикацию, намекавшую на «факт убийства или ранения при неизвестных обстоятельствах в кабинете Ленина»¹¹⁹, и таким образом пытавшаяся «подорвать авторитет царствующей у нас верховной советской власти»¹²⁰, «за сообщение ряда сведений, неверно освещающих деятельность Совета народных комиссаров»¹²¹, тотчас же была закрыта. Сведений об этом инциденте в других газетах практически не было, хотя, очевидно, история эта получила большую огласку, недаром она запомнилась современникам¹²².

Лишь месяц спустя газета «Новые ведомости», издававшаяся сотрудниками той же «Биржевки» одновременно с «Нашими ведомостями», опубликовала заметку, в которой раскрыла имя та-

¹¹⁷ Там же. 16 января. № 10. С. 4.

¹¹⁸ <Б. п.>. Загадочная история в Смольном // Наши ведомости. 1918. 15 января. № 13. С. 6.

¹¹⁹ <Б. п.>. «Наши ведомости» перед судом трибунала печати // Новые ведомости. 1918. 14 февраля. № 13. С. 6.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ <Б. п.>. «Свобода печати» // Наш век. 1918. 18 января. № 12. С. 2.

¹²² См., например: <Б. п.>. Бурный темперамент. (Памяти Мамонта Дальского) // Вечерние вести. (Москва). 1918. 10 июня (28 мая). № 58. С. 2.

индивидуального посетителя кабинета вождя: «на носилках был арестованный организатор анархических налетов М. Дальский, повредивший себе ногу во время ареста»¹²³. Вероятно, огласка этого происшествия привела Мамонта Викторовича в большой восторг, добавив ему лавров незаслуженно обиженного искателя справедливости. Не случайно, как сообщалось, Дальский, когда его выносили из кабинета Ленина, не только не был похож на труп, но, наоборот, «размахивал палкой и шутил с окружающими»¹²⁴.

После ареста Дальского газета «Новый вечерний час» сообщила: «Совету комиссаров был сделан доклад о деятельности Мамонта Дальского, и последний был арестован по личному распоряжению Бонч-Бруевича»¹²⁵.

До сведения Бонч-Бруевича дошло, будто Мамонт Дальский готовит нападение чуть ли не на гос[ударственный] банк.

Вчера Дальский допрашивался в Смольном институте.

Между прочим, по распоряжению Смольного института, Дальскому было предложено очистить особняк генерала Княжевича.

Анархисты предъявили ультиматум об освобождении Дальского¹²⁶. Между прочим, Смольный не считает Дальского идейным анархистом, поэтому он не будет освобожден. Между прочим, Дальскому вменяется в вину «организация шайки грабителей», которая якобы совершала налеты на клубы и частные дома»¹²⁷.

Тем не менее вскоре Дальский был выпущен на свободу¹²⁸. Однако актер понимал, что слишком пристальное внимание властей ему не на пользу. В начале марта 1918 года он перебрался в Москву, где принимал «близкое участие в деятельности московских анархистских организаций»¹²⁹, в частности, упоминалось о его причастности к делу о реквизиции опиума на нужды издания анархистской газеты¹³⁰. В ночь с 11 на 12 апреля 1918 года в Мос-

¹²³ <Б. п.>. «Наши ведомости» перед судом трибунала печати...

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955) в 1917–1920 гг. — управляющий делами Совета народных комиссаров.

¹²⁶ См.: Новая жизнь. 1918. 18 января. № 12. С. 4; Обозрение театров. 1918. 19 января. № 3639. С. 6.

¹²⁷ Новый вечерний час. 1918. 15 января. № 8. С. 3.

¹²⁸ Новая Петроградская газета. 1918. 27 января. № 19. С. 1. См. также: *Дмитриев Ю.* Русские трагики... С. 93.

¹²⁹ Новый Вечерний час. 1918. 12 февраля. № 57. С. 1.

кве большевистским правительством были захвачены занятые анархистами особняки и клубы и арестованы несколько сотен их обитателей. Дальский в очередной раз подвергся заключению. Во время следствия комиссия по расследованию контрреволюционных действий под руководством Ф. Э. Дзержинского стремилась выяснить принадлежность задержанных к определенным анархистским группам, при этом сообщалось, что идейные анархисты будут немедленно освобождены. Вопрос о принадлежности Дальского к группе идейных анархистов, по всей видимости, вызвал сомнение в ВЧК. Но группа анархистов-коммунистов во главе с председателем этой фракции Александром Ге заявила о своей солидарности с Дальским¹³¹, и «член Всероссийской организации анархистов-коммунистов Мамонт Дальский» был снова освобожден по распоряжению Дзержинского, датированному 26 апреля 1918 года¹³².

И опять серьезное соседствовало с фарсом. Газеты сообщали, что при обыске у Дальского было обнаружено ... 600 колод карт¹³³. Видимо, не случайно в воспоминаниях Е. П. Карпова описан эпизод, как Дальский посоветовал А. М. Коллонтай, нарком государственного призрения, для увеличения партийной кассы большевиков реквизировать все имеющиеся карты и продавать их по 300 рублей за колоду (именно в годы революции, несущие разорение обеспеченным слоям населения, спрос на карты как на способ вернуть потерянное был необыкновенно велик¹³⁴). Себе же за хороший совет Дальский просил выдать несколько тысяч колод карт по обычной цене¹³⁵.

Понять, что в газетных сообщениях и слухах о Дальском

¹³⁰ Свободная Коммуна. 1918. 14 апреля. № 9. С. 4.

¹³¹ Вечерние вести. 1918. 15 апреля. № 18. С. 2.

¹³² СПбГМТнМИ. ГИК-12023 /4. ОРУ-11617.

¹³³ <Б. п.>. После разоружения анархистов // Вечерние вести. 1918. 15 апреля. № 18. С. 2.

¹³⁴ В 1917 г. Временное правительство передало фабрики игральных карт в ведение Министерства финансов. Одновременно с ростом производства карт происходило повышение их стоимости. См.: Речь. 1917. 24 октября. № 250 С. 4; Наш век. 1917. 19 декабря. № 17. С. 3.

¹³⁵ Карпов Е. Мамонт Дальский. [Некролог] // Новые ведомости. 1918. 1–12 июня, № 82, 83, 84. С. 8.

было реальностью, а что вымыслом, невозможно. Бесконечная игра в жизни заменяла ему оставленную сцену. Остановиться было трудно. Когда-то Дальский обмолвился: «Мне иногда хотелось бы умереть на сцене, хоть в поддельной, но королевской мантии. Ну, шутом королевским... Высшая смерть для актера — это на сцене. Говорить монолог Шекспира и умереть. Но смерти так неожиданны, случайны...»¹³⁶.

8 июня 1918 года в Москве, пропуская вперед в переполненном трамвае какую-то незнакомую барышню, Дальский сорвался с подножки трамвая и погиб под его колесами.

А. Н. Толстой в романе «Хмурое утро» описал гибель Дальского как смерть налетчика: из рук предводителя шайки анархистов выпал чемоданчик и бесчисленные награбленные бриллианты рассыпались по мостовой. Долго потом эти вымышленные сокровища мешали жить вдове и дочери актера.

Использование имени Дальского Толстым чуть ли не привело к высылке из Ленинграда семьи актера, продолжавшей жить в том же доме на углу Лермонтовского проспекта и теперь уже улицы Декабристов. По рассказам Л. М. Дальской, Толстой обещал ей внести в роман исправления, чтобы имя ее отца не было опорочено¹³⁷. Сделано это так и не было. Очевидно, для писателя было просто невозможно расстаться с таким многокрасочным и живым материалом, какой давала если не сама жизнь Мамонта Дальского, то его собственные рассказы, городские слухи и газетные пересуды о его проделках. Уж очень красив был этот материал, почти идеальный для авантюрного романа.

¹³⁶ Крыжицкий Г. Мамонт Дальский. С. 174.

¹³⁷ Ср.: Глинка Т. Талант, игрок, расчетливый безумец // Московская правда. 1989. 26 ноября. С. 3.

Е. А. Сухарева

Литовский замок в очерках Н. С. Лескова

Николай Семенович Лесков в Коломне не жил, свои квартиры, как известно, он снимал преимущественно в районе Таврического сада. Но существует целый ряд фактов, свидетельствующих о соприкосновениях Лескова с Коломной, коломенскими жителями, а также с обитателями и посетителями одного из самых «коломитных» заведений Коломны — тюрьмы, известной под названием «Литовский замок»¹.

В конце 1860-х годов у Лескова сложились дружеские отношения с известным писателем, публицистом и историком литературы А. П. Милюковым², который проживал на Офицерской улице. Лесков посещал «вторники» — литературно-художественные вечера у Милюкова, где читал в рукописи своих «Соборян»³. Лесков был завсегдатаем антикварных лавочек на Ново-Александровском, или Александровском, рынке, что находился на углу Садовой улицы и Вознесенского проспекта (т. е. на самой границе Коломны). У этого рынка была репутация места, где можно найти все, что и определяло особую роль его в жизни города. На Александровском рынке Лесков встречался с книготорговцем Н. И. Свешниковым. У него можно было купить очень редкие книги и документы, в которых Лесков подчас находил интересные, живые и неизбитые сюжеты

¹ Возможно, что Лесков недолго жил в Коломне, но адрес его квартиры не установлен (*Чуднова Л. Г.* Лесков в Петербурге. Л., 1975. С. 71). В Коломне Лесков поселил автора-повествователя из повести «Воительница». По его мнению, Коломна совсем не похожа на весь остальной Петербург, а скорее, это город в городе, который соотносится с остальным Петербургом как провинция с центром.

² Автор нашумевших в 1850-е гг. «Очерков по истории русской поэзии».

³ *Чуднова Л. Г.* Лесков в Петербурге. С. 80.

для своих рассказов. В 1870 году Свешников, человек весьма незаурядный, был посажен в Литовский замок и оставил его описания в своих «Воспоминаниях пропащего человека»⁴. Литовский замок часто посещала княжна М. М. Дондукова-Корсакова, жизнь которой, по словам Лескова, «гораздо удобнее назвать житием». Она оказывала посильную помощь заключенным тюрьмы. Эта сторона ее деятельности отразилась в романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» и в статье Лескова «Великосветский раскол» (1877). Она умерла в 1909 году, и отпевание, согласно ее воле, проходило в тюремной церкви Литовского замка⁵.

Поскольку далее речь пойдет о произведениях Лескова, посвященных Литовскому замку, остановимся кратко на его истории и влиянии на судьбу этого тюремного учреждения государственных преобразований. Постройке Литовского замка (на месте нынешнего дома на улице Декабристов, 29) предшествовал приезд в Россию в 70-е годы XVIII века англичанина Джона Говарда. Его книга «О тюрьмах Англии и о мерах к их устройению» подвигла Екатерину II на создание «Проекта тюремной реформы» и введение в российских тюрьмах «говардовой тюремной системы»: разделение заключенных в зависимости от тяжести преступления, сословия и пола. Для осуществления этой новой «тюремной системы» архитектор И. Е. Старов к 1787 году построил Тюремный замок — одну из первых (а по сведениям М. Н. Гернета⁶ — первую) больших петербургских тюрем. Но по целому ряду обстоятельств первые десять лет здание пустовало. С 1797 года в замке квартировал Кавалергардский полк, затем Литовский мушкетерский полк, в связи с чем замок и стал называться Литовским.

В 1817 году в Петербург, в качестве пропагандиста идей библейского общества и связанного с ним Английского тюремного общества, приехал другой англичанин — Вальтер Веннинг. Его приезд также способствовал некоторым государственным преобразованиям тюремной системы. Так, в 1819 году император Александр I учредил «Попечительное о тюрьмах общество», ко-

⁴ Свешников Н. И. Воспоминания пропащего человека. М., 1996.

⁵ Корнеева Н. М. Княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова // Из глубины времен. Альманах. Вып. 3. СПб., 1994. С. 82–88.

⁶ Гернет М. Н. История царской тюрьмы: В 3 т. Т. 1. М., 1960.

торое значительное место отводило религиозной пропаганде среди заключенных. В 1821 году предполагалось даже ввести общий архитектурный план тюрем, «приспособленный к чело-веколюбивым правилам», но до осуществления проекта дело не дошло. Однако некоторые изменения сказались и на судьбе Литовского замка. В 1820-е годы замок был перестроен архитектором И. И. Шарлеманем под городскую тюрьму: в глухих наружных стенах прорубили небольшие полукруглые окна и освятили церковь во имя Спаса Всемилоостивейшего. После переделок в 1823–1824 годах зданию было возвращено первоначальное назначение. Поначалу Литовский замок, как и большинство российских тюрем, был одновременно и следственной, и долговой, и срочной, и пересыльной тюрьмой. Здесь содержались арестанты, независимо от пола и возраста, и даже дети заключенных помещались тут же.

Реформы, проводившиеся при Александре II в 1855–1881 годах, затронули и систему исполнения наказаний. Были построены отдельные тюрьмы для должников, для тех, кто отбывал наказание или убывал по этапу, а также тюрьмы предварительного заключения. Именно этому (третьему уже в жизни Литовского замка) реформаторскому периоду и посвящен очерк Лескова «Страстная суббота в тюрьме» (1862).

Почему начинающий автор, каким был в 1860-е годы Лесков, обратился к такой теме? Убеждение в том, что предметом литературы должно быть «не что-то особенное», а то, «что всегда перед глазами»⁷, было высказано Лесковым в одной из первых публицистических статей. Еще в Киеве, где началась литературная деятельность Лескова, его стали интересоваться нужды народа. Так, одна из первых его статей называлась «Несколько слов о местах распивочной продажи хлебного вина, водок, пива и меда»⁸. В киевские же годы, совместно с выпускником медицинского института В. А. Бетсом, Лесков перевел английскую монографию «История прогресса английского законодательства по части об-

⁷ Лесков Н. С. Страстная суббота в тюрьме // Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. I. М., 1996. С. 465 (далее: ПСС. Том обозначается римской цифрой, страница — арабской).

⁸ Лесков Н. С. Несколько слов о местах распивочной продажи хлебного вина, водок, пива и меда // ПСС. Т. I.

щественной гигиены»⁹. Авторов интересовало, как учитываются естественные потребности простых людей. В 1861 году Лесков написал статью под названием «Заметка о зданиях», в которой рассматривал вопрос о том, насколько общественные здания отвечают интересам здоровья. Он «был поражен в устройстве многих зданий ужасающим пренебрежением к народному здоровью»¹⁰. Направление интересов Лескова очевидно. Этим объясняется и то, что в описании Литовского замка преимущественное внимание уделено быту заключенных.

Другой причиной обращения Лескова к этой теме была ее злободневность. В 1860-х годах ожидалась тюремная реформа, и тема тюрем, тюремного быта была актуальна. Вероятно, Лесков предполагал написать серию очерков о петербургских тюрьмах. Так, в «Северной пчеле» за 1862 год (№ 99, 101, 104) появился очерк «Страстная суббота в тюрьме» под псевдонимом М. Стебницкий, затем (№ 110) — очерк «За воротами тюрьмы», в конце которого автор обещал рассказать, «какова тюрьма в рабочий день». Но замысел не был осуществлен, и продолжения очерков не последовало.

Основное внимание в названных очерках Лесков уделил Литовскому замку. Такой интерес именно к этой петербургской тюрьме объясняется, наверное, и ее внешним видом: неправильный пятиугольник с пятью башнями, составленный из четырех флигелей (от двух до четырех этажей высотой) с круглыми башнями по углам. Внутри вел единственный проход с тремя последовательными воротами. Здание «велико, серо, мрачно и печально», — писал Лесков. Усиливало впечатление еще и то, что тюремный замок с двух сторон (со стороны реки Мойки и Крюкова канала) был окружен водой. По мнению одних, внешний вид тюрьмы, расположенной вблизи жилых кварталов и Театральной площади, маскировал ее назначение, придавая столь мрачному учреждению романтический вид средневекового замка. Но бытовало и другое мнение об этой постройке: «Литовский замок с громадными сумрачными башнями <...> портил все, — вспоми-

⁹ Лесков Н. С. История прогресса английского законодательства по части общественной гигиены // ПСС. Т. I.

¹⁰ Лесков Н. С. Заметка о зданиях // ПСС. Т. I.

нала Л. М. Дальская, проживавшая тогда на Офицерской, — и в разговорах окружающих нередко проступало такое недовольство и даже возмущение тем, что в таком хорошем месте, как наше, находится эта тюрьма»¹¹.

Очерк «Страстная суббота в тюрьме» соединяет в себе документальность описания с несомненными художественными достоинствами. В работе над ним Лесков во многом определил свой творческий метод: злободневная тема глазами независимого очевидца. Независимость суждений была для него принципиально важна. Эта удивительная способность абстрагироваться от мнения окружающих позволяла ему видеть то, что не заметили другие. В очерке «Страстная суббота в тюрьме» такому подходу к теме сопутствовал еще и взгляд на события глазами любопытствующего наблюдателя, «новичка», «человека со стороны», который посещает тюрьму вместе с членом «Комитета общества попечительного о тюрьмах». Первое, что он замечает: «у ворот привратник, стоявший 7-го апреля в меховой шинели, хотя на дворе было довольно тепло». Через глухие створчатые ворота посетители попадают в круглую камеру, впереди — вторые решетчатые ворота, а через несколько шагов — третьи¹²: в круглой камере между первыми и вторыми воротами посередине решетками отделен проход. В образовавшемся полукруге справа «сидело несколько мужчин и женщин, державших на коленях чистенькие узелки»¹³ — родственники арестованных. В образовавшемся полукруге слева — большая комната для свиданий, вдоль которой «с потолка до пола тянется частая деревянная решетка, срубленная в клетку <...>. К этой решетке плотно прилегает очень частая плетеная проволоочная сетка <...>. За этой решеткой <...> на аршин видна другая <...> за которую уже совсем почти ничего не видно»¹⁴. Из-за этой тройной решетки лица арестантов родственникам почти не видны. «Зачем же отнимать у лишенного свободы человека последнее утешение: видеть лица,

¹¹ Дальская Л. Из воспоминаний о моем отце // Нева. 1992. № 1. С. 272–889.

¹² Описание позволяет предположить, что вход был сделан в одной из башен замка, хотя «привязки» к определенным тюремным флигелям мало и точное архитектурное устройство замка из описания Лескова не извлечь.

¹³ Лесков Н. С. Страстная суббота... С. 480.

¹⁴ Там же.

сочувствующие его несчастью, и оживать с ними от гнетущего однообразия тюрьмы?»¹⁵ — задается вопросом автор. Между вторыми и третьими воротами — часовые с ружьями обыскивают всякого, входящего на тюремный двор. Слева (не выходя за третьи ворота) — длинный коридор, который не сообщался с арестантскими отделениями и где могли жить работники тюрьмы, там же — комната смотрителя и церковь.

В церковь арестованных водили под конвоем (в Литовском замке были также лютеранская церковь и мусульманская мечеть). Описание церкви позволяет предположить, что она находилась в одной из башен замка, крайней слева от входа: «Церковь внутри довольно красива; в ней светло и воздух легкий; иконостас отделан позолотою. Посредине между рядом колонн стоял дьячок, читавший очень внятно и не спеша <...>. Кругом церкви до колонн, отделяющих середину, устроены три ряда хор с решетками»¹⁶, то есть церковь была трехъярусной. «В первом ярусе полукруглые окна, а два верхних все открыты и просто загорожены решетками. В первом — никого не видно <...> во втором и в третьем ярусе, с правой стороны, стоят арестанты мужчины, с левой во втором — женщины, а в третьем опять мужчины»¹⁷. Такое необычное устройство церкви побудило директора тюремного комитета К. И. Реймера предложить в 1882 году при предполагаемом переустройстве Литовского замка «увеличить объем» церкви «с устройством хоров на одном уровне со всеми коридорами 3-х этажей»¹⁸. Для особо опасных преступников было отведено определенное место: «внизу около задних колонн сбоку главной двери отгорожены особыми решетками два угла. В углу направо стоят семь, а налево <...> пять человек арестантов, закованных в кандалы. Это убийцы <...> Все эти несчастные придерживали руками цепи, чтобы они не заглушали церковного чтения»¹⁹. На хорах слева были арестантки, а справа арестанты. Церковь, похоже, была единственным местом, где они виделись, и использовалась для переда-

¹⁵ Там же. С. 481.

¹⁶ Там же. С. 483.

¹⁷ Там же. С. 484.

¹⁸ Реймерс К. И. Некоторые заметки по тюремному вопросу вообще, а по Литовскому замку в особенности. СПб., 1882. С. 7–8.

¹⁹ Лесков Н. С. Страстная суббота... С. 484.

чи сообщений. «Молоденький арестант очень быстро и ловко делал пальцами какие-то знаки на женскую половину хора. На его знаки оттуда, вероятно, тоже телеграфировали, потому что, окончив одну телеграмму, он через несколько мгновений начинал еще проворнее посылать другую, ожидая только, пока статья обозначится там, куда она послана»²⁰. Арестанты и арестантки, находясь в одной тюрьме, могли лишь переписываться и в церкви сообщали друг другу, где и когда забрать письмо. «Чаще всего они прятали свои письма в дрова или в другое условное место, откуда тот, кому адресовано письмо, и берет его во время гулянья или идя за дровами»²¹. В книге «Жизнь заключенных» В. Н. Никитин сообщал, что когда-то (до 1860-х годов) общение арестантов противоположных полов было предельно упрощено: «Раз в неделю, по пятницам, арестанты допускались официально к арестанткам следующим порядком: заявляли, что хотят видаться якобы с родственницами. Каждому выдавался на лоскутке бумаги пропуск с обозначением имени женщины, и они отправлялись гурьбой на женскую половину, где пребывали с 2 до 5 часов дня, проводя это время в публичных, но столь интимных беседах, что в результате род человеческий размножался...»²².

Из церкви через столовую для несостоятельных арестантов и прачечную автор попал в женскую тюрьму: «У женщин очень большая и светлая комната с крашеным полом.

Комната эта, если не ошибаюсь, помещается именно в том полукруге, который выходит к месту, ведущему из Коломны к Большому театру. Ее здесь и называют круглой залой (может быть, она тоже размещалась в одной из башен? — Е. С.). Помещение это более напоминает больницу или пансионский дортуар, чем тюрьму. Со входа налево у стены помещается огромный умывальник красной меди, блестящий как зеркало; под ним соответ-

²⁰ Там же. С. 485.

²¹ Там же. С. 485. Для переписки существовали особые правила, записанные в «Инструкции смотрителю Санкт-Петербургского тюремного замка» (1852) в ст. 68, 69: «В камерах арестантам воспрещается иметь чернила, бумагу, карандаши и т. п. <...> Если арестант пожелает писать письмо или просьбу, то о сем объявляет смотрителю, который позволяет написать письмо <...>, но не иначе как в Канцелярии Замка».

²² Никитин В. Н. Жизнь заключенных. Обзор петербургских тюрем. СПб., 1871.

ствующий умывальнику полукруглый таз из того же металла и тоже вычищенный необыкновенно тщательно. Кругом стен стоят очень чистые кровати... посредине комнаты... небольшой стол»²³. Рядом — «детский приют» — просторная и светлая комната, и матерям дозволено навещать своих детей. И вход в тюрьму, и церковь, и женское отделение находятся в так называемом «казовом»²⁴ конце тюрьмы», обращенном к Большому театру. «Мужская тюрьма совершенно в противоположном конце большого, обставленного тыном тюремного двора», который «очень велик <...> вымощен камнем и обсажен прутиками (акаций. — Е. С.) <...> По сторонам идет высокий бревенчатый частокол, окрашенный желтою краскою. За этим частоколом маленькие садики. Тут есть <...> лавочки, две или три клумбы и около этих клумб дорожки. В садик входят в калитку, которая запирается снаружи железной задвижкой <...> Садики эти устроены комитетом, а прежде здесь сваливали мусор и пр.»²⁵.

Наиболее тягостное впечатление производят «простонародные арестантские камеры», которых очень много. Это большие комнаты с настолько скверным воздухом, что даже в коридорах воздух гораздо чище²⁶. Автор добавляет, что «эти камеры ничем <...> не отличаются от обыкновенных тюремных казарм в губернских острогах. Те же грязенькие деревянные бочонки с колышками для выпуска воды, ковшики и лоханочки под козелками, на которых стоит бочонок. Вместо кроватей какие-то скамьи, прикрепленные петлями у изголовья к стене, так что каждую скамью можно взять за ножки и поставить стоймя к стене»²⁷. Полный контраст представляет дворянское отделение, в котором нет больших камер, а комнаты на 2–3 кровати. «В некоторых комнатах очень чисто: занавески, покрытые столы, ковры у кроватей, даже женские портреты и пр.<...> В благородном отделении нет особенно характерных лиц, все точно с Невского проспекта»²⁸. Арестанты

²³ Лесков Н. С. Страстная суббота... С. 490.

²⁴ Казовый — чистый, приготовленный напоказ.

²⁵ Лесков Н. С. Страстная суббота... С. 495.

²⁶ За чистотой и порядком в камерах должен был следить тюремный врач, обязанный обходить камеры раз в день.

²⁷ Лесков Н. С. Страстная суббота... С. 497.

²⁸ Там же. С. 498.

дворянского отделения могли перемещаться свободно. Столовая для дворян «ни дать ни взять трапезная Киево-Печерской лавры, даже для довершения сходства в конце столов в простенке помещается большая икона с горящей лампадой и налож, на котором лежит церковная книга. Во время обеда арестантов один из них читает эту книгу, а остальные едят и хранят безмолвие»²⁹. Еда для дворян и простых арестантов готовилась отдельно³⁰, и отпускались на нее разные средства. Автор посещает кухню и замечает, что посуда там «блестит лучше, чем в кухне английского клуба. Повара (арестанты же) в чистом белье и фуражках. Лица у всех <...> такие хорошие и симпатичные, что ни один физиономист <...> не решился бы назвать этих людей преступниками <...> В общей кухне мне дали отведать постные щи из капусты с сухими грибами. Щи очень вкусные <...> в благородной кухне повар подаст картофельный суп. Отведал — проглотить нельзя; просто микстура какая-то. Взял еще ложку — та же мерзость. Черт знает, что за вкус! и кисло, и солоно, и сладко. Картофель, видно, свежий, хороший, и отвар такой чистый...

- Отчего это такой странный вкус? — спрашиваю у повара.
- Чернослив тут есть, — говорит он и сам улыбнулся.
- Чернослив! в картофельном-то супе?
- Точно так.
- Зачем же это?

...привередничают...»³¹

Автор был столь любопытен, что записал интересные рецепты приготовления хлеба и кваса в Литовском замке. Хлеб в пекарне пекли очень вкусный, а квас готовили в специальном помещении, которое называлось «квасная»: «Приготавливается он не совсем обыкновенным образом. В большую кадь накладываются рядами хлеба, приготавливаемые из солода, и перекидываются соломой, а сверху поливается кипятком, который, фильтруясь через солод, выходит квасом. Вероятно, сюда кладут и душистые травы, потому что квас слегка отдается чем-то ароматическим»³².

²⁹ Там же. С. 498.

³⁰ Еда для простых — из расчета на 600 человек, а еда для дворян — из расчета на 50 человек.

³¹ Там же. С. 502.

³² Там же. С. 503.

В коридоре замка висели «запретительные таблички». Лесков не полностью перечислил то, что было запрещено. В документальных источниках, в частности в «Инструкции смотрителя», список запретов впечатляет: запрещаются «всякие игры, в особенности же в карты, шашки и кости... петь, или играть на каких-либо инструментах... курить табак и сигары... всякого рода резвости... произносить проклятья и божбу, а также укорять друг друга... своеволие, ссоры, брань, шумные разговоры, соблазнительные песни, хохот и тому подобные поступки...»³³. К тому же «во время занятий допускаются лишь разговоры, не останавливающие занятий и относящиеся к самим только занятиям; разговоры же о посторонних предметах вовсе не должны иметь места, за чем строго наблюдают приставники; для лучшего же достижения совершенной тишины между арестантами, во время работы в мастерской, один из них читает прочим вслух духовные книги...»³⁴. Разного рода запреты особенно интересовали Лескова. Так, в 1869 году в «Биржевых ведомостях» он, высмеивая и обнажая бессмысленность многих запретов, писал о формальном их характере³⁵.

Вполне возможно, что строгость содержания узников зависела преимущественно от смотрителя. В то время, когда тюрьму посещал Лесков (1862), порядки были довольно мягкие, и часовой встретился лишь однажды у «секретных казематов», «в других отделениях вовсе не видно часовых, и где помещается тюремный караул, состоящий из 70 человек (на 860 арестантов), я не знаю. В это хорошо бы всмотреться господам, заведующим губернскими и уездными тюрьмами, где ставят часовых чуть не на каждом шагу, а все без пользы, ибо арестанты благополучно убегают...»³⁶. Книготорговец Свешников, который сидел в замке в 1870 году, писал: «В замке в то время смотрителем был капитан Н-в, и при нем было очень строго. За малейшую провинность сажали на несколько дней в холодный карцер на

³³ Инструкция смотрителю Санкт-Петербургского тюремного замка. СПб., 1852. Ст. 71–76.

³⁴ Там же. Ст. 104.

³⁵ <Б. п.>. Русские общественные заметки // Биржевые ведомости. 1869. № 229, 340.

³⁶ Лесков Н. С. Страстная суббота... С. 481.

хлеб и на воду, а за более крупные проступки надевали кожаные рукавицы»³⁷.

Тюрьма, по своему назначению, должна исправлять человека, и способствовать этому должны были труд и молитва. Директор Тюремного комитета Реймерс к своим «<...> замечкам по тюремному вопросу вообще, а по Литовскому замку в особенности» (1882) эпиграфом взял фразу: «Молись и трудись!».

Написав свои очерки в преддверии реформы, Лесков показал, что веками сложившаяся, устоявшаяся и всем кажущаяся привычной система исправления заключенных путем «труда и молитвы» далеко не так уж хороша. Не всем арестантам предоставлена возможность трудиться, и многие вынуждены просто «избывать» день за днем, когда сам ход времени становится душевной мукой. А молитва является не добровольным побуждением, а обязанностью арестантов, за исполнением которой должен следить смотритель (арестанты молились утром, перед обедом и после, затем после ужина и на ночь). Арестанты часто использовали религию и попечительные общества, деятельность которых основывалась на религиозной пропаганде, в своих целях, например, принимали христианство для смягчения наказания. Об этом писал и Гернет, рассматривая тюремные порядки XIX века: «заключенные прекрасно учли основной характер деятельности (попечительного) общества и использовали это в своих выгодах»³⁸. Он привел в пример случай, который имел место в Орловском тюремном замке, где «содержался среди пересыльных каменец-подольский житель нехристианского вероисповедания»³⁹. Он находился в тюремной больнице «в безнадежном к жизни положении»⁴⁰. Члены попечительного общества о тюрьмах «взяли его в обработку, под влиянием которой он пожелал обратиться в православие <...> и, приняв святое крещение <...> почувствовал облегчение и поправился <...> “Чудесно” исцеленный, ставший сыном господствующей православной церкви, а вместе с тем и рекламой для Попечительного о тюрьмах общества, должен был

³⁷ Свешников Н. И. Воспоминания пропадающего человека. С. 90–91.

³⁸ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 1. С. 142.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

вместе со спасением души и здоровья получить, конечно, и свободу...»⁴¹ Орловец Лесков, возможно, знал этот эпизод, который случился в Орловском тюремном замке, т. к. похожий случай лежит в основе интриги его рассказа «Два свинопаса»⁴². Вообще Лесков довольно скептически относился к деятельности в тюрьме всяких проповедников и благодетелей, которые, суля различные выгоды заключенным, легко привлекали их в свою веру.

Лесков одним из первых поднял проблему тюремных библиотек. Он утверждал, что в тюрьме должны быть не только святыцы и молитвослов, которых достаточно по одному экземпляру на целую камеру. По его мысли, «нужно непременно давать те книги, которые нравятся <...> книги, способные очищать и умиротворять встревоженный дух, а не занимать человека только процессом чтения»⁴³.

Критика мелких недостатков никогда не была для Лескова самоцелью, за ней всегда скрывается обобщение, критика всей системы. Свежим взглядом Лесков замечал такие очевидные недостатки, к которым все давно притерпелось, например, необычайная проволочка дел. Когда из-за пустяковых нарушений — бродяжничество, «неимение паспортов», «прошение милости» — человек мог ждать решения суда в течение многих месяцев, а то и лет. Были и неожиданные обвинения, например, «за утруждение Государя Императора просьбами».

Постоянно сравнивая порядки в тюрьмах России с тюрьмами Англии и Франции, Лесков завуалированно апеллировал к книге Говарда, повлекшей за собой полное изменение тюремных порядков, полагая, что и планируемая реформа не будет формальной и что тюрьма не будет представлять «безотраднейшую картину»: «горсть людей, оторванных от света и лишенных всякой тени надежд на лучшее будущее», где простой человек «спускает на волю всю свою звериную простоту, начинает глупить, издеваться над собою, над людьми, над чувством. Не особенно нежный и без того, он становится зол сугубо»⁴⁴.

⁴¹ Там же. С. 143.

⁴² Лесков Н. С. Два свинопаса // Новь. 1884. Т. 1. № 1, 2. С. 302–309.

⁴³ Лесков Н. С. Страстная суббота... С. 506.

⁴⁴ Лесков Н. С. Леди Макбет Мценского уезда // Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 1. М., 1956. С. 140.

Итак, очерк называется «Страстная суббота в тюрьме». Страстная суббота — это время перед Пасхальной литургией, время, когда совершается победа Христа над смертью. Почему Лесков пошел в тюрьму именно в этот день, когда, по его же словам, «тюрьма делается еще тяжелее и еще несноснее» и оказывает впечатление «сжимающее и гнетущее»?⁴⁵ Очевидно, чтобы глубже почувствовать контраст между жизнью и смертью, между жизнью вечной и жизнью мирской, чтобы «заставить свою душу поболеть и показаться»⁴⁶, чтобы через страдание прийти к очищению. И что, как не надежду на очищение, на избавление от страданий, на милосердие выражает легенда об ангеле Литовского замка, пересказанная А. С. Рославлевым: в церковные праздники ангел с крыши Литовского замка являлся заключенным, приносил вести от родных, благословлял и «было даже, что он <...> в Страстную субботу выломал решетку в окне одного невинно осужденного и, усыпив часовых, вывел его за ворота тюрьмы»⁴⁷.

Лесков писал: «Тюрьма ведь устраивается <...> не для того, чтобы ожесточать человека, еще не потерявшего способности любить, жалеть о прошедшем и желать вести иную жизнь в будущем»⁴⁸.

В конце XIX — начале XX века в Литовском замке содержались политические заключенные, в дни Февральской революции 1917 года он был захвачен восставшими и сожжен.

Вероятно, какая-то часть Литовского замка была не совсем разрушена. Об этом можно судить по воспоминаниям второй жены Александра Степановича Грина — Нины Николаевны о том, как их брак был зарегистрирован в ЗАГСе, который находился в... Литовском замке. «Мы вошли. Попали в очень уютную, огромную комнату, на двери которой стояло слово “ЗАГС” ничего мне не объяснившее: из сокращенных названий учреждений я тогда знала лишь самые общеупотребительные. В этой ком-

⁴⁵ Лесков Н. С. Страстная суббота... С. 465.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Рославлев А. С. Ангел Литовского замка // Стереоскоп. Антология Петербургской фантастики. [Сборник рассказов]. СПб., 1992. См. подробно: Галанина Ю. Е. Коломенские сюжеты. 1. Литовский замок: миф и реальность. Публикуется в этом сборнике. С. 10.

⁴⁸ Лесков Н. С. Страстная суббота... С. 481.

нате на скамьях, поставленных вдоль стен, сидели люди; в дальнем ее конце, перпендикулярно друг к другу стояли два стола». И им выдали документ под названием «Выпись о браке», который имел № 1010, а внизу стояла дата 20 мая 1921 года⁴⁹.

В 1929–1930 годах руины замка были разобраны. Позднее на фундаменте Литовского замка был построен дом, его адрес — Декабристов, 29.

Читая о Литовском замке в самых разных источниках, художественных или документальных, сталкиваешься со многим загадками. Одним из ярких свидетельств об этом тюремном учреждении являются очерки Н. С. Лескова. Из этих описаний Литовский замок предстает как своеобразный город в городе, где люди рождались, растили детей и умирали (действительно, были специальные тюремные коляски, в которых возили рожениц, были комната для детей и мастерская, где делали гробы)... Город, практически не зависящий от окружающего мира. Со своими мастерскими, пекарнями, различными работами, больницей и церковью. Со своими правилами, нарушение которых грозило наказанием, а соответствие — поощрялось. С любовью и ненавистью, с праздниками и буднями... Город, который настолько въедался в души и сознание тех, кто побывал в нем, что притягивал обратно.

⁴⁹ Грин Н. Н. Воспоминания // Радуга. Киев. 1990. № 8. С. 120–123.

В. И. Лелина

Адмиралтейские верфи и Коломна

Коломна — один из самых романтических районов Петербурга, сохранивший свое лицо, характер, камерность пространства. О Коломне написано много книг, краеведческих исследований. Это излюбленное место поэтов. В мансардах и дворовых флигелях издавна находились мастерские художников, и эта традиция не нарушается до сих пор. О жизни этой малонаселенной части города писал А. С. Пушкин в поэме «Домик в Коломне», здесь он поселил своего героя из поэмы «Медный всадник». В повести «Портрет» Н. В. Гоголь запечатлел характер Коломны: «Тут все непохоже на другие части Петербурга; тут не столица и не провинция <...> здесь все тишина и отставка»¹.

Театральная площадь с Мариинским театром и Консерваторией определили музыкальную и артистическую жизнь района. На Офицерской улице в начале XX века находился театр В. Ф. Комиссаржевской, где ставил спектакли В. Э. Мейерхольд.

Несмотря на долгую историю Коломны, что-то здесь остается неизменным, вечным. Именно окраинный характер местности, обилие воды — реки, каналы — привлекали сюда поэтов, художников. В июне 1905 года Александр Блок писал: «Я *приникал* к окраинам нашего города, <...>. В нем [Петербурге] *не отдохнуть, не узнать всего*, отдых краток там только, где мачты скрипят, барки покачиваются, на окраине, на островах, совсем у ног залива, в сумерки <...>»².

¹ Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 1952. С. 110.

² Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М; Л., 1963. С. 130–131.

Уже давно и далеко отодвинулась граница Петербурга от ее прежних линий — от Фонтанки, Обводного канала. Но до сих пор у Калинкина моста, в устье Фонтанки, ощущается историческая пограничность этой местности. Как годовые кольца на срубе дерева, на теле города остаются следы меняющегося пространства.

Все описания Коломны, все исследования этой части города как-то обходили стороной большое влияние на ее пространство огромной территории завода, нынешних «Адмиралтейских верфей». Как будто эти два образования существовали сами по себе и совершенно изолированно. Конечно, завод — это всегда в какой-то степени особая субстанция. Но силуэты его строений, краны, механизмы, трубы — все это формировало не только сам завод, но его ближайшее окружение. И это особенно относится к истории прославленных «Адмиралтейских верфей».

Историческое наследие одного из старейших предприятий в Петербурге — «Адмиралтейских верфей» — это не только страницы создания отечественного флота от первых линейных кораблей до новейших танкеров и субмарин, это строительство интереснейших промышленных зданий и сооружений, использование прогрессивных конструкций и передовых технологий в производственных процессах.

Территория, занимаемая современным предприятием, может быть, не так велика по сравнению с подобными заводами, например, в европейских странах. Но по сравнению с городскими кварталами, исторически примыкавшими к заводу, ее величина поражает. Как исполинские стражи на фоне закатного неба гигантские краны напоминают об одной из главных целей основания здесь столицы — создание отечественного флота. Вниз по течению Невы, потом вдоль Мойки, по реке Пряжке к старинному Калинкину мосту — где бы мы ни находились в этой части города — повсюду в просветах улиц и проспектов, над крышами домов высятся эти краны, виднеются силуэты производственных корпусов завода.

Образ промышленного Петербурга редко находил отражение в литературе и изобразительном искусстве. Лишь немногие поэты и художники начала XX века сумели почувствовать особую красоту промышленных строений, их скрытую энергию.

Известный художник М. В. Добужинский оставил замечательные литографии с изображениями эллингов и кранов Нового Адмиралтейства в панораме рек Мойки и Пряжки. А. А. Блок наблюдал заводские строения из окон своей последней петербургской квартиры на Офицерской улице (ныне Декабристов).

Историческая заводская среда во многом изменилась за XX век. Из-за расширения и модернизации предприятия, достойные сохранения исторические здания безвозвратно утрачены, например, сооружения Сального буяна и каменные эллинги на Галерном острове. Но, к счастью, многое сохранилось. И можно представить, какими величественными в панораме Невы, Мойки были строения, олицетворяющие своеобразные «морские ворота» города.

История освоения трех островов — Ново-Адмиралтейского, Матисова и Галерного — восходит к началу XVIII века, когда главная верфь Санкт-Петербурга — Адмиралтейство, — оказавшаяся в центре столицы, уже к 1712 году не имела возможности расширяться. В связи с этим производство малых судов, и, прежде всего, галер, было перенесено к устью Большой Невы. Это место стало называться Галерным двором.

Галерный двор, лоцманская деревня и многочисленные складывались с Адмиралтейством, занимавшим все обширное прибрежное пространство от Зимнего дворца до Новой Голландии.

Рост Петербурга, быстро приобретающего столичный облик, его благоустройство потребовали вывода промышленности из Главного Адмиралтейства, находившегося в непосредственной близости к царской резиденции и городскому центру. Указом Павла I в 1800 году Галерный двор получил название Новое Адмиралтейство. Здесь стала возводиться новая, более совершенная верфь. Постепенно строительство крупных военных судов переводилось на Ново-Адмиралтейский остров. На близлежащем Галерном острове стали строить фрегаты, клиперы и небольшие парусники. При этом Старое Адмиралтейство действовало еще несколько десятилетий.

Над архитектурным замыслом Нового Адмиралтейства работали известные архитекторы и инженеры. Наиболее важный этап строительства продолжался с 1825 по 1838 год и связан с работами по улучшению и развитию флота, проводивши-

мися в царствование Николая I. Архитекторы Э. Х. Анерт и И. Г. Гомзин, инженеры П.-Д. Базен, А. Карбоньер и В. П. Лебедев построили в этот период целый комплекс зданий различного производственного назначения: эллинги, мастерские, склады, чертежную и вспомогательные строения. В эти же годы в Новом Адмиралтействе был возведен первый в России каменный эллинг размерами 89,0х27,7х21,6 м. Автор первоначального замысла — выдающийся инженер Пьер Доминик Базен использовал в качестве аналога подобное сооружение во Франции. Грандиозный эллинг перекрыт высокой крышей-шатром размерами 92,0х29,0х26,0 м. Структурную основу здания составляют кирпичные пилоны, связанные продольными аркадами. Гигантская арка в торцевом портале, обращенном к Неве, была сплошь остеклена (этот стеклянный экран-витраж разбирался перед спуском корабля). Строители талантливо переработали тип деревянного перекрытия в металлическую комбинированную безраспорную конструкцию. Мощная рама с нижним арочным поясом не оказывала давления на вертикальные опоры. Строительство этого уникального сооружения, украсившего, наряду с Сальным буяном, панораму Невы напротив Горного института, было закончено в 1838 году и стало достижением инженерного искусства.

Месторасположение Нового Адмиралтейства имело большое градостроительное значение. Производственные строения доминировали в панораме Невы, и петербургские зодчие эпохи классицизма, учитывая важность этого ансамбля, разрабатывали планировку комплекса по принципам классической композиции. В конце Галерной улицы от главного входа на завод начиналась длинная аллея, которая шла параллельно Неве. Это была основная композиционная и функциональная ось комплекса. Справа от нее размещалась собственно судостроительная часть — эллинги и главные мастерские.

На береговой полосе перед зданиями были устроены пристань и дамбы с павильонами для публики, наблюдавшей за церемонией торжественного спуска кораблей. Благоустроенный вид берега и всего завода со стороны Невы во многом объяснялся присутствием царствующих особ и свиты на церемонии. Кроме того, в те годы спуск больших кораблей был со-

бытием значительным, в котором принимали участие горожане. Они толпились на противоположном берегу, размещались в лодках и яликах на Неве. Парадный вид адмиралтейских строений был очень важен в ощущении торжественности подобного события. В 1830-х годах на территории предприятия были устроены пристани, набережная, чугунные ворота с решетками и мосты. Рисунки и позднее — фотографии спусков кораблей на воду часто воспроизводились в иллюстрированных журналах. Торжественность и красота подобных зрелищ были бесспорны, особенно сам момент спуска, когда архитектура корабля еще неотделима от архитектуры эллинга.

По левую сторону от главной аллеи располагались различные мастерские — шлюпочные, литейные, меднокотельные. Доминировало среди них вытянутое вдоль главной аллеи каменное двухэтажное здание, увенчанное башней с часами. Здесь находились канцелярия, чертежная и плаз³ для разбивки судов. Это здание и башня, выполненные в классицистических формах, хорошо просматривались со стороны реки Мойки, в нижнем ее течении, и создавали характерную архитектурную среду в этой части города.

Так, уже в первой половине XIX века были заложены основы планировки старой, наиболее парадной части завода. Все деревянные строения, в том числе эллинги, металлические сараи-склады, судостроительные мастерские подчинялись строгой и упорядоченной планировке.

Новый каменный элинг (большой), построенный рядом со старым по проекту военных инженеров С. Н. Будзынского, Н. П. Дуткина и Н. Д. Куторги в 1893 году, дополнил панораму берега. Окончательно завершил ее храм-памятник русским морякам, погибшим в Цусимском сражении, — Спас-на-водах, возведенный в 1911 году по проекту М. М. Перетятковича.

Галерный остров и часть Матисова острова, где с 1792 года находился знаменитый механический и литейный завод Чарльза

³ Плаз — помещение на судостроительном (или на авиационном) заводе с гладким полом, на котором вычерчивается в натуральную величину чертеж внешних очертаний судна и отдельных его частей. В настоящее время это делается при помощи лазерной техники.

Берда, также начали осваиваться в XVIII веке. Но их строения уступали по архитектурной значимости и парадности постройкам Нового Адмиралтейства. Завод Берда (где, в частности, был построен первый русский пароход) стал отечественной школой машиностроения. Здесь изготавливались паровые машины для Санкт-Петербургского монетного двора, для Тульского оружейного завода, для Шлиссельбургских шлюзов, устройства для обточки стекла по заказу Императорского стекольного завода и многие сложные механизмы. Технические знания и практический опыт позволили Берду организовать производство по самой передовой в то время технологии.

Из сохранившихся исторических построек Матисова острова наибольшую историко-культурную ценность представляют служебное здание (предположительно дом Берда), производственные корпуса, обращенные к Неве, и производственный корпус с водонапорной башней, построенный в 1890-е годы. К этому времени завод Берда стал собственностью акционерного общества Франко-русских заводов (в наши дни здесь находится Фольгопрокатный завод). Теперь только небольшой пешеходный Бердов мост через реку Пряжку напоминает о славной истории этого предприятия.

Галерный остров осваивался менее активно. На гравюре Петра Штелина 1760-х годов остров (по различным источникам он назывался Поганый, Белый, Беличий) был вытянутым, очень низким. Здесь пасли коров, заготавливали дрова. Русло речки Кривуши (будущего Екатерининского канала) проходило через Калининскую площадь (ныне Репина).

Коломна была малоэтажной. Над всем пространством царил Никольский собор. Старый Калинин мост одним из своих пролетов опирался на Поганый остров. Перемены наступили в конце XVIII века. Гигантские работы были проведены в 1780-е годы. Было совершенно изменено русло Екатерининского канала в нижнем его течении: канал повернули и направили к Фонтанке в створе реки Таракановки. Благодаря вынужденному грунту подняли уровень Галерного острова, изменили его очертания и устроили предмостную площадь — Калининскую. Тогда же был построен новый каменный Калинин мост. До сих пор поражает рукотворность всей этой местности.

С этого времени началось промышленное освоение Галерного острова. Свое название остров получил благодаря галерам, которые здесь стояли на причале и ремонтировались.

Строения XVIII века на острове были деревянными, в основном сараи, мастерские. В 30-е годы XIX века на мысу при разветвлении двух рукавов реки Фонтанки была выстроена каменная смольня. На западной оконечности острова тогда же был возведен деревянный фрегатский эллинг, позже расширенный и перестроенный в крейсерский. Во второй половине XIX века рядом был выстроен каменный эллинг, подобный большому эллингу Нового Адмиралтейства, а на месте сгоревшего в 1901 году деревянного через пять лет построили новый каменный. В 1902 году по проекту военного инженера В. П. Апышкова на Галерном острове было выстроено здание канцелярии и чертежной.

Указом по Морскому министерству с 1 января 1908 года судостроительные верфи — «Галерный Островок» и «Новое Адмиралтейство» — были выделены из состава кораблестроительной части Санкт-Петербургского порта и объединены в одно предприятие под общим названием «Адмиралтейский судостроительный завод». Объединение повлекло реформу производства и реконструкцию строений. По экономическим соображениям и в силу градостроительных особенностей расположения развитие Нового Адмиралтейства признали нерентабельным. Основная перестройка и модернизация производства проводилась на Галерном острове.

Проектом реконструкции предусматривалось присоединение к заводу для последующей застройки территорий Большого и Малого Сальных буянов, находившихся в собственности Военного ведомства и города. Правый рукав Фонтанки был перегорожен дамбой и переоборудован под бассейн для постройки судов, углублен фарватер. В основе проекта генеральной перепланировки «Галерного Островка» и новых территорий лежала идея полного разделения завода на судостроительную часть и вспомогательную механическую. Непосредственно на Галерном острове предполагалось построить главную судостроительную мастерскую с кузницей, здания электростанции и вспомогательных мастерских. На присоединяемом участке вдоль бассейна последовательно располагались механические

кая мастерская, кузница, склады. При этом доступ к достраивавшимся кораблям был одинаково удобным с обеих частей верфи. К сожалению, это привело к засыпке Сального канала и к сносу великолепных построек Сального буяна, выполненных Ж. Ф. Тома де Томоном.

Руководство переустройством предприятия осуществлял инженер Н. И. Дмитриев, ставший главным инженером-технологом и заведующим судостроительными и механическими мастерскими Адмиралтейского завода. Архитектором завода в 1907 году назначили гражданского инженера А. И. Дмитриева. Подрядные работы выполнял архитектор Н. П. Козлов, позднее занявший должность главного архитектора. По его проектам в 1913–1914 годах возведено каркасное здание плаза и административное здание на Лощманской улице (ныне Морской технический университет; до 1990 года — Кораблестроительный институт).

Модернизация судостроительного производства, архитектурное и конструктивное решение зданий электростанции и главной судостроительной мастерской были осуществлены по тому времени на самом высоком инженерном уровне.

Судостроительная мастерская оборудована мостовыми кранами. Пролеты перекрыты специально сконструированными легкими фермами. Металлические конструкции выполнялись Северным механическим и котельным заводом (бывшим Тильманса). Все здания, построенные в 1909–1910 годах, до сих пор восхищают специалистов своим рациональным обликом, передовыми приемами организации пространства. Их автор А. И. Дмитриев, удостоенный в 1912 году «за известность» звания академика архитектуры, в дальнейшем много работал в области промышленной архитектуры. Он был одним из первых среди архитекторов, занявшихся поиском специфических средств выразительности для утилитарных сооружений.

К сожалению, два величественных каменных эллинга в западной оконечности островка были разобраны уже к 1917 году и заменены стапелями. Только по фотографиям можно судить, насколько эти строения украшали панораму со стороны залива и устья Невы.

На исторической территории Нового Адмиралтейства до наших дней сохранились старый (малый) и большой каменные

эллинги с судостроительной мастерской, два сборных металлических сарая-склада с клеймами на строительных конструкциях, на которых можно разобрать буквы и цифры: «London, 1858», караульный дом постройки 1830-х годов, расположенный при входе на главную аллею завода, кузница, мастерская, «нарядный» дом (там выписывали наряды на работу), главное корабельное здание. Все эти постройки представляют большую историко-культурную ценность, являясь уникальными образцами промышленного зодчества и памятниками истории отечественного судостроения. Кроме того, эти строения оказывают активное влияние на историко-культурную среду Коломны, которая росла, изменялась, а рядом все время существовал и работал завод.

К сожалению, великолепная панорама прибрежной части завода в советский период постепенно искажалась. В 1930-е годы был снесен храм-памятник Спас-на-водах, каменные эллинги застроены с торцов малопривлекательными зданиями из силикатного кирпича. Развивались новые технологии в судостроении, но эстетика новых построек по берегу Невы стала утилитарной. Исчезли мощные градостроительные акценты при въезде в морскую столицу. Увидеть удивительные исторические здания можно только с территории завода.

Каждый, кто попадает на Ново-Адмиралтейский остров впервые, не может не восхититься этим музеем под открытым небом. Силуэты старых каменных эллингов возвращают нас в прошлое. Они, точно седые, но еще крепкие великаны, донесли сквозь время историю завода.

Привлекательность этой территории с сохранившейся уникальной производственной архитектурной средой для города очевидна. Идеи ее переустройства выдвигались еще главным технологом завода Н. И. Дмитриевым, предлагавшим вывести производство с Ново-Адмиралтейского острова и отдать его под жилую застройку. Хочется надеяться, что в наступившем столетии Петербург вернется к этой идее, но уже на новом уровне понимания того, как сохранить историческое индустриальное наследие. С воссозданием храма-памятника и величественных порталов эллингов, с перепрофилированием наиболее интересных в архитектурном отношении построек завода

под современные нужды и функции музейно-делового центра может открыться новая страница в освоении этой ценнейшей исторической территории Петербурга*.

* В статье использована следующая литература: *Богатырев И. В.* Галерная верфь Петра I // Судостроение. 1983. № 12; *Богданов М. А.* «Адмиралтейский дом» Санкт-Петербурга // Гангут. СПб., 1995. Вып. 8; *Веселаго Ф.* Очерк русской морской истории. Часть I. СПб., 1875; *Георги И. Г.* Описание Российского Императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. 1794–1796 г. СПб., 1996; *Кириков Б. М.* Александр Дмитриев. СПб., 2004; *Лелина В. И., Штиглиц М. С.* Музей под открытым небом // Адмиралтейские верфи. Опыт трех столетий. 1704–2004. СПб., 2004. С. 203–209; *Луттов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М; Л., 1957; *Михайлов Н.* Краткий исторический очерк Нового Адмиралтейства // Морской сборник. СПб., 1893. Сентябрь. С. 51–73; *Серезина И. И.* «...Стать при море». Первые верфи и гавани Петербурга // Ленинградская панорама. 1983. № 10. С. 19–20; *Штиглиц М. С.* Промышленная архитектура Петербурга. СПб., 1996; *Штиглиц М. С., Лелина В. И., Кириков Б. М., Гордеева М. А.* Памятники промышленной архитектуры Санкт-Петербурга. СПб., 2006; *Яковлев И. И.* Корабли и верфи. Л., 1973; Адмиралтейские верфи. Корабли и годы. 1704–1925. Т. I. СПб., 1994; Адмиралтейские верфи. Люди, корабли, годы. 1926–1996. Т. II. СПб., 1996; Историческая застройка Санкт-Петербурга. Справочник. СПб., 2001.

М. М. Фокин

Как укоротили Мясную улицу (к 90-летию события)*

Эта улица на Матисовом острове известна с 1770-х годов. Сначала она называлась Большая Мясная, с 1821 года — Мясная. Она пролегла от набережной Екатерининского канала до Невы (как и параллельная ей Перевозная) и проходила по территории завода Берда (впоследствии принадлежал обществу Франко-русских заводов). В конце Мясной существовал перевоз на Васильевский остров, к 27-й линии. В 1912 году начал строиться постоянный Дворцовый мост, и появились различные предположения по поводу того, куда лучше перенести понтонный Дворцовый мост (эти предположения выходят за рамки обозначенной темы).

31 октября 1913 года полицмейстер II отделения С.-Петербурга представил градоначальнику рапорт, в котором писал: «Полагал бы желательным предложить Городскому Самоуправлению, после открытия вновь строящегося Дворцового моста, перевести старый Дворцовый мост к Мясной улице <...> Отсутствие здесь моста очень ощутительно и перевод старого Дворцового моста на это место во-первых оживил бы эту часть города, а во-вторых сильно разрешил бы движение к Николаевскому мосту». Несмотря на то, что эти слова звучат убедительно, на рапорте имеется карандашная пометка, что переписки по этому вопросу не возникало, то есть этот вопрос даже не рассматривался. Начавшаяся вскоре Первая мировая война поставила совсем другие вопросы.

* Заметка основана на следующих источниках: ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 15. Д. 932; Д. 1911.

1 ноября 1916 года общество Франко-русских заводов обратилось к градоначальнику с ходатайством по поводу того, что завод получил от Морского министерства крупные заказы, для успешного выполнения которых нужно свободное место. «В виду сего имеем честь покорнейше просить разрешения Вашего Сиятельства на закрепление теперь же, на время войны, Мясной улицы в части, проходящей через наш завод, от набережной р. Пряжки до набережной р. Невы <...> а для урегулирования сообщения с Васильевским островом, на перенос находящегося у Мясной улицы паромного перевоза и зимних переходных мостков <...> к Перевозной улице».

5 ноября градоначальнику писал помощник главного начальника Петроградского военного округа на театре военных действий по гражданской части: «<...> прошу Ваше Сиятельство сделать в удовлетворение означенного ходатайства соответствующие распоряжения, если с Вашей стороны не встретится к сему каких-либо препятствий и если сие представится возможным без нарушения интересов местного населения». Интересно, что перед словом «нарушения» было от руки вставлено «существенного».

9 ноября к градоначальнику обращался по поводу этой просьбы завода помощник морского министра по Главному управлению кораблестроения: «Считая с своей стороны просьбу завода заслуживающей уважения, прошу зависящих распоряжений Вашего Превосходительства об удовлетворении ходатайства Общества».

10 ноября градоначальник передал ходатайство завода полицмейстеру II отделения с приказанием дать «срочный отзыв по существу настоящего дела». Полицейстер направил этот вопрос на рассмотрение приставу 2-го участка Коломенской части. 12 ноября пристав выразил свое согласие, а полицмейстер в тот же день присоединился к мнению пристава.

16 ноября градоначальник разрешил удовлетворить ходатайство завода и на другой день уведомил об этом и помощника морского министра, и помощника главного начальника Петроградского военного округа.

Осталась еще такая формальность, как рассмотрение вопроса Городской управой. 21 ноября Правление общества Фран-

ко-русских заводов представило туда свое ходатайство. 13 декабря Управа рассмотрела этот вопрос и постановила: «<...> со стороны Управы не встречается препятствий к закрытию части городской Мясной улицы (без закрытия Заводской улицы), с тем, чтобы по миновании надобности в закрытии части улицы таковая была бы возвращена городу для общего всех пользования и в том же виде, в каком она находится в настоящее время, т. е. с канализациею, замощением и законными по обе стороны тротуарами».

Так вопрос был окончательно решен: Мясную укоротили.

Н. В. Антонова

Из истории дома 18 по Английскому проспекту

Дом, расположенный по адресу Английский проспект, 18, когда-то был роскошным особняком. Это ныне невзрачное здание, как и многие петербургские дома, имеет свою историю, хранит чьи-то сокровенные тайны. Когда-то особняк, с которым связаны судьбы многих людей, был молчаливым свидетелем драматических событий.

История дома началась в 1870-х годах. Первым его владельцем был архитектор, надворный советник Павел Петрович Мижуев. Ему принадлежали земля и построенный вчерне одноэтажный каменный дом и флигель для служб. Оба строения были покрыты железом. 29 января 1876 года дом с участком земли приобрела в частную собственность актриса Императорских Санкт-Петербургских театров Анна Васильевна Кузнецова. В марте 1876 года Анна Васильевна взяла кредит в Городском Кредитном обществе на перестройку одноэтажного дома¹. Кредит был полностью погашен в январе 1881 года.

Будущий особняк предназначался для совместной жизни Анны Васильевны и великого князя Константина Николаевича², которых в это время уже связывали прочные семейные узы. Проект двухэтажного особняка был заказан известному петербургскому архитектору Ивану Ивановичу Шапошникову³.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 2937. Л. 1–20.

² Великий князь Константин Николаевич (1827–1892), сын императора Николая I и Александры Федоровны. Генерал-адмирал. Управлял Морским ведомством, командовал флотом. Наместник Царства Польского. Председатель Государственного совета. В 1881 г. вышел в отставку.

³ Зодчие Санкт-Петербурга XIX — начала XX века / Под ред. В. Г. Исаченко. СПб., 2000. С. 1039.

Перестройкой здания руководил Алексей Николаевич Чикалев⁴ — военный инженер и главный инспектор по строительной части Морского технического комитета. Осенью 1876 года особняк был готов. Его полностью обстроили в «милое гнездышко», со вкусом обставили красивой мебелью, которую приобрели на сумму в 9 тысяч рублей, украсили мраморными скульптурами, картинами и фарфором⁵. На втором этаже в кабинете великого князя расположили большую библиотеку, а для Анны Васильевны обстроили изысканный будуар. Все было готово к счастливой жизни.

В ЦГИА Санкт-Петербурга сохранилось описание дома. Это был каменный лицевой двухэтажный особняк на служебном полуподвале, с кирпичными, оштукатуренными стенами, под железной крышей с обрешеткой. Наружная парадная дверь слева вела к каменной лестнице, а железные ворота справа служили проездом во внутренний дворик. В жилых помещениях окна были с зеркальными стеклами, полы мозаичные и паркетные. Особняк отапливался девятью голландскими печами и четырьмя каминами, очаги на кухне были отделаны изразцами. В доме были все удобства: три ватерклозета (один обыкновенный и два улучшенного устройства) и две ваннные комнаты⁶.

Балерина Матильда Феликсовна Кшесинская в своих воспоминаниях более живописно представила «прелестный маленький особняк на Английском проспекте в доме № 18», хозяйкою которого она стала осенью 1892 года: «Этот особняк построил великий князь Константин Николаевич для балерины Кузнецовой <...>. Особняк был двухэтажный, прекрасно обстроенный, с вместительным погребом. За домом находился небольшой сад, окруженный высокой стеной. В глубине виднелись хозяйственные постройки, конюшня и сарай. А дальше, вплоть до самого парка великого князя Алексея Александровича, простирался все тот же сад. При переезде я переделала только спальню на втором

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 2937. Л. 1–20. В это же время Чикалев руководил сооружением здания Обсерватории в Павловске. См.: *Семевский М. И.* Павловск. Очерк истории и описание. 1777–1877. СПб., 1877. С. 426; *Януш Б. В.* Неизвестный Павловск. 1850–1892 гг. Историко-краеведческий очерк. СПб., 2002.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 1747^Б. Л. 134 об.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 2937. Л. 1–20.

этаже, а все остальное осталось прежним. Электричества тогда еще не было, и дом освещался керосиновыми лампами разных форм и размеров»⁷.

Первой хозяйкой дома была Анна Васильевна Кузнецова, незаконнорожденная дочь актера, знаменитого трагика русской сцены Василия Андреевича Каратыгина. Ее мать, Татьяна Мартемьяновна Кузнецова, в 1847 году родила двойняшек — мальчика и девочку. Когда детям не исполнилось и 6 лет, отец умер. Через несколько лет Анна и Александр были определены в Санкт-Петербургское Театральное училище. На основании положения 1829 года в училище принимались дети всякого свободного состояния, в возрасте от 9 до 13 лет, причем от них требовалось только, чтобы были «здорового телосложения, благообразные, стройны, имели хорошие зубы, чистый грудной голос и ясное произношение». Ученики становились выпускниками в 18–20 лет, затем они были обязаны прослужить в театре не менее 10 лет⁸. По окончании балетного класса Анна Васильевна была зачислена в труппу Императорского Мариинского театра. Она получила блестящее по тем временам образование, была хороша собой, стройна и грациозна. Трудно сказать, когда Константин Николаевич познакомился с Анной Васильевной. Скорее всего, это произошло в конце 1860-х годов, а к середине 70-х годов у них уже была семья, собственный дом на Английском проспекте, дача в Павловске рядом с императорским дворцом. Первенец Анны Васильевны и великого князя Сергей умер во младенчестве в 1873 году. В декабре 1875 года Анна Васильевна родила девочку, которую называли Мариной. Во всех печатных источниках значително, что фамилию Князевы дети Константина Николаевича и Анны Васильевны получили в 1883 году, однако это не так. В метрической книге Никольского собора есть запись: «8 декабря 1875 года подкинут Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу и принят на его попечение младенец Марина Князева по крестном отце Константиновна»⁹.

⁷ Кшесинская М. Воспоминания. Смоленск, 1998. С. 58.

⁸ Михневич Вл. Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 194.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Ед. хр. 1220. Л. 317 об.

22 декабря 1880 года великий князь Константин Николаевич в письме своему близкому другу и поверенному во всех его делах, а также управляющему Павловском Константину Петровичу Голенко¹⁰ писал: «Любезнейший Константин Петрович! Тебе известно, что я имею на своем попечении трех малолетних детей, подкинутых ко мне и принятых мною. Марина подкинута 8-го декабря 1875. <...> Ты был ее восприемником. Анна подкинута 16 марта 1878 года. <...> Восприемником ея был Ф. В. Сарычев. Наконец, Измаил подкинут 1-го августа 1879-го года. <...> Он тоже твой крестник. Ныне, — ввиду известных тебе обстоятельств, прошу тебя этих трех моих воспитанников принять на твое попечение, считать их твоими воспитанниками и заботиться об устройстве их дальнейшей судьбы, принимая те меры, которые признаешь для них полезными. Я впредь уверен, что ты приложишь к этому всю твою любовь и старание»¹¹. По всей видимости, дело было деликатное, сугубо личное и касалось Анны Васильевны и ее детей. Требовалось какое-то время для его решения.

1881 год оказался для Константина Николаевича роковым. 1 марта был убит император Александр II. С его гибелью закончилась эпоха либеральных реформ, которые могли привести Россию к конституционной монархии. При новом императоре великий князь оказался не у дел, был отстранен почти от всех занимаемых им государственных должностей. Константин Николаевич с горечью записал: «Моя политическая жизнь этим кончается, но я уношу с собою спокойное сознание свято исполненного долга, хотя с сожалением, что не успел принести всей той пользы, которую надеялся и желал»¹². Когда-то очень влиятельный человек в империи, великий князь утратил свое положение. Теперь его ничто не связывало с прежними обязанностями при дворе, нужно было только соблюдать дворцовые церемонии, которые Константин Николаевич так

¹⁰ Голенко Константин Петрович (1822–1884), капитан 1 ранга, георгиевский кавалер, защитник Севастополя, после отставки более 10 лет был управляющим г. Павловска и мызы Стрельна.

¹¹ Письмо Константина Николаевича к К. П. Голенко от 22 декабря 1880 г. Рукопись. Хранится в частном архиве Т. Ю. Карнаковой (праправнучки Константина Николаевича и Анны Васильевны).

¹² *Гавриил Константинович*, великий князь. В Мраморном дворце. Мемуары. М., 2001. С. 348.

не любил. В жизни он был самым простым обывателем. Когда-то двадцатилетний романтик, мечтатель писал своему учителю и наставнику В. А. Жуковскому: «Это чувство, иметь собственную семью, свой собственный уголок, в котором забываешь весь остальной свет, в котором живешь только для Нее, это чувство необъяснимо. Дай Бог, чтоб оно продолжалось так долго, как возможно»¹³. А мечта, вернее, была многие годы уже владела его сердцем. Для полной идиллии и спокойствия не хватало только некоторых юридических формальностей, которые могли гарантировать прочное положение в обществе Анны Васильевны и ее детей.

В апреле 1883 года родился еще один сын Константина Николаевича. Великий князь из Парижа послал старшей дочери Мариночке очень трогательное письмо: «Надеюсь, что через неделю я буду у Вас, расцелую Вас всех, дорогих милых моих деток, которых так давно не видал. Как, чай, Вы за это время выросли! Пожалуй, и не узнаю Вас. Радуюсь познакомиться с новым Вашим братцем Левушкой, которого еще не знаю. Рад очень, что Вы все его полюбили, да как и не любить милого новорожденного братца! Ты мне задаешь очень трудный вопрос, решить ваш спор с Нютой, кому из Вас принадлежит Лева, кому Маля (Домашнее имя сына Исмаила. — Н. А.). Я думаю, что Вы все принадлежите друг другу, оба братца Вам, а обе сестрички обоим братцам, а все вместе, и сестрицы и братцы, принадлежите Папе и Маме, которые Вас одинаково горячо любят. И Вы старайтесь друг друга одинаково и равно любить, и любите Ваших Маму и Папу. Поцелуй за меня хорошенько и милую нашу Маму, и Бабушку¹⁴, и Нюту, и Малу, и Левушку, и дядю Сашу¹⁵, и тетю Веру¹⁶ и поклонись фрэйлен Элизе и Марии Федоровне¹⁷. Ужасно я радуюсь скорому моему возвращению и радости всех Вас уви-

¹³ РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 312. Л. 32.

¹⁴ Имеется в виду Татьяна Мартемьяновна Кузнецова.

¹⁵ Кузнецов Александр Васильевич (1847–?), родной брат Анны Васильевны, известный виолончелист, председатель Филармонического общества.

¹⁶ Жукова Вера, жена Кузнецова Александра Васильевича, балерина Императорского Мариинского театра, гувернантка Марины и Анны — дочерей великого князя Константина Николаевича и Анны Васильевны.

¹⁷ Мария Федоровна — гувернантка Марины и Анны, дочерей великого князя Константина Николаевича и Анны Васильевны.

дать и расцеловать. Да сохранит и благословит Вас Господь Бог. Твой старый друг Папа К.»¹⁸.

В мае 1883 года проходила коронация Александра III, в это время решилсь положительно и вопрос относительно деликатного дела. Из Москвы великий князь сообщил Анне Васильевне: «Сегодня Набоков¹⁹ меня запиской уведомил, что он получил обратно уже подписанную бумагу <...>. При этой своей записке он мне прислал и копию с подписанной бумаги, которую сам своею рукою написал. Итак, слава Богу, дело сделано!!! Надо ожидать теперь простого формального исполнения, т. е. присылки Голенки формальной, скрепленной копии. <...> Очень рад, что это дело, наконец, совершилось, хотя и не вполне в той степени, как мы имели право ожидать в 1880 году. До самой последней минуты я все боялся, чтоб что-нибудь этому не помешало, потому что оно так долго тянулось. Надо будет еще потолковать с Набоковым, как написать исполнительные бумаги, так чтоб не могло оставаться ни малейшего сомнения на счет личностей, о которых идет речь. Надеюсь, что он найдет такую форму, которая бы это вполне обеспечивала. Я потому про это говорю, что в подписанной бумаге, хотя выставлены все четыре имени, но номера, которые поименованы в бумагах тезки, в ней не прописаны. Так этого оставить, разумеется, нельзя, могут выйти путаница и недоразумение. Поэтому, необходимо мне будет с ним еще раз переговорить, чтоб решить, как это сделать. Но, несмотря на это маленькое затруднение, мы все-таки можем считать дело сделанным, и я тебя душку искренне с этим поздравляю»²⁰.

Константину Николаевичу предстояло провести без любимой семьи более двух недель. Каждый день он писал длинные письма, они проникнуты особой нежностью и любовью, из них следует, как великого князя «тянет домой к своей голубушке, к милым деткам»²¹. Он мечтает, «когда-то настанет счастливая

¹⁸ Письмо Константина Николаевича к дочери Марине Князевой из Парижа от 16 апреля 1883 г. Рукопись. Хранится в частном архиве Т. Ю. Карнаковой (праправнучки Константина Николаевича и Анны Васильевны).

¹⁹ Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904), действительный тайный советник (с 1876), министр юстиции (1878–1885), дед писателя В. В. Набокова.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 1747^Б. Л. 126.

²¹ Там же. Л. 135.

минута, когда я вас всех опять увижу, обниму, расцелую <...> дожидается этого со страшным нетерпением»²². Константин Николаевич обращался к Анне Васильевне не иначе как «моя сладчайшая голубушка», «моя красавица из красавиц». А последнее письмо закончил такими словами: «Мой Ангел, не могу сказать, как я счастлив надеждой скорого свидания с Тобой, моим сокровищем, и с милейшими детками, которых я так люблю. Храни вас всех Господь. Обнимаю вас мысленно от души. Страстно Тебя любящий Твой К.»²³.

Несколько лет в доме царило полное согласие и мир, счастье и любовь. Семья путешествовала по Европе, отдыхала в крымском имении, в Ореанде, на любимой даче в Павловске, которая была записана на имя Анны Васильевны.

Ничто не предвещало беду. В начале апреля 1886 года великий князь отправился в Ореанду. Здесь, в домашней церкви, которую он строил, велись отделочные работы. Под пристальным и строгим наблюдением Константина Николаевича решались вопросы по внутреннему убранству храма мозаиками Сальвиатти. В Ливадии отдыхали Александр III и Мария Федоровна, они часто навещали великого князя в Ореанде. Поэтому было решено, что Анна Васильевна на это время с детьми останется в Петербурге.

Но вскоре семейство Константина Николаевича постигло настоящее несчастье. Внезапно в Петербурге заболел scarлатинной Левушка. В среду, 9 апреля, князь получил телеграмму из Петербурга от Анны Васильевны. А в пасхальную ночь с 12 на 13 апреля мальчик умер. Известие пришло поздно вечером по телеграфу²⁴. Через четыре дня заболел старший сын Маля. Константин Николаевич тяжело переживал случившееся, за его здоровьем пристально следил доктор Дмитриев, который неотлучно находился в Ореанде при великом князе. Все надеялись на чудо, но вновь пришло трагическое известие: 6 мая мальчик умер²⁵.

Прошло какое-то время, и Константин Николаевич написал в письме, адресованном управляющему Павлу Петровичу Кеппе-

²² Там же. Л. 132.

²³ Там же. Л. 136.

²⁴ Там же. Л. 13 об.

²⁵ Там же. Л. 150.

ну: «Что нам пришлось перенести в это последнее время, и что за тяжкое испытание нам ниспослал Господь Бог! Мы, разумеется, стараемся безропотно покориться Его Святой и неисповедимой Воле, но Ты в то же время понимаешь, как это тяжело, как это тяжко. Теперь, по крайней мере, я более не один, и вдвоем горевать даже как бы легче. Но больно смотреть на страдания бедной матери. Она несет свой тяжкий крест с полным христианским терпением и смирением. Тот час после ее приезда мы потихоньку, совершенно по-домашнему в нашей Церкви говели и причастились 24го мая. Тут мы вполне оценили блаженство иметь здесь свою собственную Церковь! Но, несмотря на все удивительное мужество и самообладание моей дорогой Ани, бывают минуты, когда так живо приступают к ней воспоминания всего того, что она пережила и чему была свидетельницей, и тогда ее разбирает страшная тоска, слезы и рыдания почти судорожны, обращающие в чисто физическое страдание. Тогда больно на нее смотреть, тем более что все это так естественно и натурально. Помочь ей тогда ничем нельзя, уговаривать и утешать тоже нельзя, потому что она сама несет свое горе вполне покорно и по-христиански. Остается только вместе с нею тужить и плакать. Все-таки вдвоем это легче, чем одной! Одно время может этому помочь, теперь же рана слишком еще близка и жива! Боюсь очень за нее то, хотя сравнительно и короткое, время, когда во время моей предстоящей поездки в Павловск она останется здесь совершенно одна с двумя дочурками, над которыми она, разумеется, дрожит, как единственными оставшимися нам сокровищами»²⁶. Далее он поставил в известность Кеппена: «Аня моя хочет совершенно переселиться в Крым и не возвращаться вовсе в Петербург и, особенно, в тот несчастный дом, в котором мы потеряли двух сыновей. Она об этом доме и вспоминать не хочет, твердо решила и ногой в него не вступать, и потому хочет непременно от него отделаться, его продать. Я думаю, что Ты поймешь это чувство и найдешь его вполне натуральным. И я противоречить этому не могу, хотя ужасно любил это милое гнездышко, в котором мы так были счастливы, прожили почти 10 лет, в котором родились и Нюта, и Левушка. Но, потерявши в нем обоих сынков,

²⁶ Там же. Л. 49–50.

вполне понятно, что он матери опротивел и что она в него возвращаться не в силах. Но как это исполнить? Вот прошу Тебя подумать об этом вопросе теперь же, дабы мы могли окончательно столкнуться, когда я приеду в Павловск»²⁷.

Через некоторое время, когда было точно решено, что Анна Васильевна «дом свой хочет продать», Константин Николаевич писал: «Первое мое желание было возвратить по возможности то, что на него было израсходовано. Он был куплен в 1876-м году одноэтажным за 64 тысячи рублей, в том числе долга по закладной в Петербургском кредитном обществе в 22 тысячи рублей, которые в течение нескольких лет выплачены до конца. В 1876 году мы на доме выстроили второй этаж за 10 тысяч рублей. Сверх того за мебель было нами заплачено около 9 тысяч рублей. Поэтому я продажную цену определил общемою суммою 80 тысяч рублей, так как мы желали продать дом с большею частью мебели»²⁸. Великий князь настаивал на том, чтобы не продавать «ценную мебель, картины, мраморы, фарфор, книги и всякую другую движимость»²⁹. Итак, стоимость дома определил сам великий князь. По общему согласию было решено, что с «делом этим не торопиться, так как, — сообщал Константин Николаевич, — мы вообще и не спешили да, кроме того, лето есть сезон мертвый для такого рода дел, и Рерих, через которого я желал вести дело, был в отсутствии. Еще мы тогда решили никакой публикации в газетах не делать, а пустить о продаже устную молву. Я вполне сознавал, что для такого дома-особняка, покупателя на улице не найдешь, что нужно для этого особая случайность, которой такая устная молва может помочь»³⁰.

Правда, оставались еще и другие важные проблемы, которые непременно великий князь должен был тоже решить. По этому поводу он писал: «Еще два слова про наш городской дом. В нем служит у нас швейцаром некий Стахий, человек весьма для своего состояния образованный, грамотный и благовоспитанный, бывший телеграфист. Он чрезвычайно смышлен и ловок, и моя Аня

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 134.

²⁹ Там же. Л. 54.

³⁰ Там же. Л. 134 об.

не нахвалится им, какую помощь она в нем нашла в тяжелые минуты смерти обоих мальчиков. Она была тогда совершенно одна и беспомощна и не знала, что ей делать, как поступить. Тогда Стахий отыскал и гробовщика и сделал все сношения с полицією, а их было много, и надо было, например, добыть разрешение даже не градоначальника, а самого губернатора для вывоза гробиков из Питера в Павловск, так как оба мальчика умерли от заразной болезни. В эти трудные минуты Аню выручили наш почтенный Антонов из Павловска и Стахий. Поэтому этого полезного человека мы хотели бы при нас сохранить и назначить его смотрителем той дачи в Ялте, которую собираемся купить. Я сам по приезде в Питер хочу с ним про это поговорить и надеюсь, что он на это согласится. Кроме того, есть у нас в доме другой золотой человек, это лакей Петр. Мы его приобрели вместе с домом от Мижуева, у которого он уже служил лакеем и который нам его очень хвалил. Он у нас служит теперь 10 лет, и выходит редкостью в своем роде. Ты знаешь, как теперь вообще трудно найти хорошую прислугу. Этот Петр достаточно грамотный, ловкий, усердный, не знает устал, вполне трезвый и чрезвычайно богомольный. Мои собственные привычки он знает совершенно, и я был лично всегда вполне доволен его службою при мне. Теперь он остается без места, и потому я хотел бы его пристроить при себе. Лучшего камердинера я для себя не найду, потому что и я к нему привык, и он ко мне тоже»³¹.

Однако никакие хлопоты не могли отвлечь от того несчастья, которое произошло совсем недавно. Константин Николаевич с горечью писал: «Сегодня ровно месяц кончины бедного нашего Мали. Несчастливая мать была от сего натурально очень грустна и много плакала. Я ей, разумеется, не мешал в этом, в полной надежде, что слезы ее успокоят и облегчат. Но вышло не так, ей становилось все хуже да хуже, и все это обратилось, наконец, в страшный припадок не истерический, а чисто нервный, с приливом к голове и с удущением. Всю ее страшно трясло, пульс стал такой малый и слабый, что еле-еле можно было его дощупаться, и, наконец, это обратилось в потрясающий озноб. Пришлось ее положить на ку-

³¹ Там же. Л. 55–56.

шетку, закутать теплыми одеялами и класть холодные компрессы на голову. Больше часа прошло, прежде чем она стала постепенно успокаиваться, и больно на нее смотреть и не быть в состоянии ее облегчить, ей помочь! Ужасно я боюсь, чтоб это не повлияло на общее состояние ее здоровья и на всю ее конституцию! Одно время может этому помочь, а теперь рана еще слишком свежа. Головнин³² мне писал от 29-го мая, что он посетил наши три дорогие могилки, и, найдя цветы на них засохшими, распорядился, чтоб они были к Троице украшены цветами. Вчера Ек. Ал. Каншина³³ мне телеграфировала, что она тоже посетила могилки и нашла их запущенными и без цветов, и тоже распорядилась, чтоб их украсили! Это просто обидно. Чего же смотрит Рамзай³⁴ и Катцер!³⁵ Оба они не могут не знать, как нам дорого это святое для нас местечко, но не заботятся о нем, так что этим занимаются совершенно чужие, но любящие нас лица. Скажи, пожалуйста, Рамзаю, чтоб он приказал Катцеру прилично обсадить могилки цветами и иметь за ними постоянный уход и присмотр. Если им для этого нужны деньги, а неимение их их останавливало, то я готов платить необходимую сумму из моего кармана. Прикажи приготовить и для Левы, и для Мали такие же точно монументики, какой над Сережкой³⁶, но не делать пока надписей. По приезду я сам укажу, какие надписи должны быть сделаны»³⁷.

Через некоторое время стали поступать предложения по поводу продажи дома. Но как всегда, многие желали воспользоваться тем, что хозяйка дома была совсем далека от того, чтобы продать его на очень выгодных условиях. Вокруг дома стали крутиться всякого рода покупатели с очень невыгодными предложениями, «разные неизвестные личности осматривали дом»³⁸. Констан-

³² Головнин Александр Васильевич (1821–1886), член Государственного совета, статс-секретарь, биограф Константина Николаевича.

³³ Личность не установлена.

³⁴ Рамзай, адъютант Константина Николаевича

³⁵ Катцер Франц Карлович (?–1912), садовник, член Императорского общества садоводов, с 1858 г. заведовал оранжерейным хозяйством Павловска, вел научную работу.

³⁶ Имеется в виду первенец великого князя Константина Николаевича и Анны Васильевны.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 1747^Б. Л. 61–62.

³⁸ Там же. Л. 135.

тин Николаевич сетовал: «Непосредственный сосед наш Борман, хозяин известной конфетной фабрики³⁹, боится, чтоб кто-нибудь не купил бы наш дом, не надстроил бы лишние этажи и тем не отнял бы свет от его собственного дома. Потому он желал бы купить наш дом, но находит что 80 тысяч рублей слишком для него дорого, в особенности потому, что он в мебели не нуждается и приобретать ее не намерен. Предлагает он 45 тысяч рублей и купчую не на свой, а на наш счет!!! Это просто звучит насмешкой! Как за дом, купленный одноэтажным за 64 тысячи рублей и на который выстроился второй этаж за 10 тысяч рублей, предлагать теперь за 45! Да это ни на что не похоже. Мы ответили Антонову⁴⁰, чтоб он обратил Бормана к Рериху⁴¹, которому поручено дело продажи дома, и что о подобных условиях о продаже и речи быть не может. Рериху же можно сказать, что дешевле 70 тысяч мы не согласны уступать дома и в противном случае готовы ждать сколько времени угодно. Очень я бы был рад, если бы кто-либо другой купил дом и надстроил лишний этаж, действительно этим затемнил бы Бормана. Это было бы ему очень здорово!»⁴² Хозяева особняка поняли, что торопиться с продажей дома не стоило. Для выгодной сделки должно было пройти время.

Анна Васильевна понемногу приходила в себя, вместе с великим князем посетила Павловск и могилы горячо любимых и безвременно ушедших сыновей. По просьбе родителей академик архитектуры Д. И. Grimm доработал первоначальный план небольшой одноглавой деревянной церкви архитектора И. Я. Потолова, которую расположили на городском кладбище Павловска. Храм скорби был заложен во имя святых и праведных Иоакима и Анны⁴³.

³⁹ По соседству, в доме 14–16, находились особняк и конфетная фабрика Г. Н. Бормана; его сын, Г. Г. Борман, продолжил дело отца, при нем фабрика была расширена и стала называться по имени владельца — торгово-промышленная фирма «Жорж Борман».

⁴⁰ Антонов Василий Ильич (?), надворный советник, депутат Правления Павловска.

⁴¹ Рерих Константин Федорович (1837–1900), владелец нотариальной конторы в Санкт-Петербурге, отец художника Н. К. Рериха.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 1747^Б. Л. 109–110.

⁴³ Несин В. Н., Сауткина Г. Н. Павловск императорский и великокняжеский. СПб., 1996. С. 181.

Оставалось только найти покупателя на особняк, с которым более ничего не связывало, кроме грустных воспоминаний. «Я должен отдать справедливость, что Аня к этому делу относится гораздо разумнее и хладнокровнее меня самого и она считает мои же цены (70–80 тысяч рублей) преувеличенными», — говорил Константин Николаевич⁴⁴. Анна Васильевна посчитала вполне справедливым, «как не жалко было», согласиться отдать дом примерно за 50 тысяч рублей и навсегда расстаться с особняком на Английском проспекте, где произошли столь печальные для нее события. Весной 1877 года роскошный особняк приобрела новая хозяйка Мария Уклеевских⁴⁵.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 1747^Б. Л. 110.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 2937. Л. 1–20.

К. Ф. Чистов

Из истории дома Голидея в Коломне¹

Жильцы и посетители дома Голидея

В 10–20-х годах XIX века четырехэтажный дом, который ныне значится по улице Декабристов под № 26, по Львиному переулку — под № 2, по набережной канала Грибоедова — под № 97, принадлежал купцу Георгу Голидею (или Голидаю)². Тогда трехэтажные жилые корпуса объединяла аркада, протянувшаяся вдоль Львиного переулка³. Современный вид дом приобрел в результате капитальной перестройки, произведенной по проекту архитектора В. И. Шауба в начале 1880-х годов. Все три фасада дома оформлены одинаково.

В те годы дом, который нанимала театральная дирекция для проживания в нем актеров и других театральных служащих и их семей, был одним из культурных и общественных центров Петербурга. Дом населяли интересные люди, которые оставили след в художественной жизни города.

Здесь проживала актерская семья Каратыгиных: выдающийся трагик Василий Андреевич и его брат Петр Андреевич,

¹ Два доклада, объединенные в одной статье, были прочитаны в 2002–2003 гг.

² См.: *Фомичев С. А.* Грибоедов в Петербурге. Л., 1982. С. 52; *Зажурило В. К., Кузьмина Л. И., Назарова Г. И.* «Люблю тебя, Петра творенье...» / Пушкинские места Ленинграда. Л., 1989. С. 99; *Куликова К.* Российского театра первые актеры. Л., 1991. С. 292–293, 330; *Панаева А. Я. (Головачева).* Воспоминания. М., 1972. С. 19–31.

³ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3450. Л. 24–25, 46–48, 50–59, 77–86; Ф. 515. Оп. 1. Д. 5578. Л. 2. См. также: Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. Справочник под общей редакцией Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 328.

исполнитель преимущественно комедийных ролей и автор во-девилей. Петр Андреевич оставил «Записки»⁴, в которых поведал о жизни в доме Голидея.

Среди жильцов дома особое место занимала семья Зотовых. Глава семьи — Рафаил Михайлович Зотов⁵ — известен ныне немногим специалистам. Сын псковского помещика и крепостной крестьянки, он окончил гимназию в Петербурге, а в начале 1812 года был определен на службу в качестве секретаря директора театров Нарышкина. Во время Отечественной войны юный Рафаил Зотов поступил в Петербургское ополчение, участвовал в боевых действиях. Вернувшись в Петербург, продолжил службу в театральной дирекции, где занимал разные должности.

Служебную деятельность Зотов сочетал с творческой: он сочинял и переводил пьесы, писал популярные работы по истории, астрономии, разрабатывал разные проекты улучшения жизни, в частности предложил проект освобождения крестьян. Зотов оставил интересные «Записки»⁶ о своей жизни и деятельности, однако наибольшую известность он приобрел как автор историко-приключенческих романов. В советское время его сочинения не издавали, и он был забыт, только в 1990-х годах было выпущено пяти-томное собрание его сочинений, тогда же появились издания отдельных произведений.

В семье Зотовых было шестеро детей, из них известность снискал старший сын Владимир, выпускник Царскосельского лицея, литератор, журналист, общественный деятель. Владимир Рафаилович родился в 1821 году, его детство прошло в доме Голидея. В. Р. Зотов вспоминал, как в детстве он играл во дворе

⁴ Каратыгин П. Записки. Л., 1970. С. 45–46, 137, 292.

⁵ О Р. М. Зотове см.: Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 356–358; Русские писатели. XIX век. Биобиблиографический словарь. Ч. 1. М., 1996. С. 304–306; Чистов К. Ф. Петербуржец Рафаил Михайлович Зотов. 1796–1871 // Топонимический журнал. Июль-декабрь 2001. № 3 / 4. С. 52–54; *его же*: «Русский Дюма» Рафаил Михайлович Зотов // Университетские Петербургские чтения. Под ред. Ю. В. Кривошеевой, М. В. Ходякова. СПб., 2003. С. 402–406; Л. Уварова. Рафаил Михайлович Зотов (1795–1871) // Псковский букет. Альманах. Выпуск 2 (5). Псковичи в Петербурге. 2004. С. 59–73.

⁶ Записки Рафаила Михайловича Зотова // Исторический вестник. 1896. Т. 65. С. 38–39.

дома с детьми актера Якова Григорьевича Григорьева, выступавшего под фамилией Брянский, исполнителя в основном трагических ролей. Зотов писал, что мальчики относились к нему дружелюбно, а доставалось ему во время игр от младшей девочки⁷. Эта девочка стала известна: Авдотья Яковлевна, впоследствии супруга литератора И. И. Панаева (во втором браке Головачева), занималась литературой и оставила воспоминания, в которых ряд страниц посвятила жизни в доме Голидея, квартиру в котором тоже имела семья Брянских.

Панаева вспоминала о том, как в кабинете ее отца Якова Григорьевича Брянского проходили считки ролей. Детям в это время запрещалось входить в кабинет отца, но Авдотья заранее забиралась в укромный уголок и оттуда наблюдала за всеми. Главным действующим лицом становился известный театральный деятель того времени, драматург, режиссер, театральный педагог, князь Александр Александрович Шаховской. У Брянских бывал и другой великий подвижник театра, знаменитый балетмейстер Шарль-Луи Дидло, мастер балетных постановок и педагог. Мать Авдотьи Яковлевны принимала Дидло с особенным почетом. К обеду для него готовился какой-то французский суп, покупалось дорогое белое вино. Чаше других в доме появлялся капитан Нижегородского драгунского полка Александр Иванович Якубович, впоследствии участник восстания на Сенатской площади. Бывал здесь и герой войны 1812 года и других кампаний, генерал-губернатор Петербурга, граф Михаил Андреевич Милорадович. Он водил знакомства с литераторами и актерами, к одной хорошенькой танцовщице, проживавшей в доме Голидея, — Е. А. Телешовой был неравнодушен. С Брянским Милорадович проводил время за биллиардом⁸.

14 декабря 1825 года по случаю именин директора театров Аполлона Александровича Майкова в одной из квартир дома Голидея устроили завтрак. Среди приглашенных на него был Р. М. Зотов, прибыл и генерал-губернатор Милорадович, благоволивший к Майкову. По воспоминаниям Р. М. Зотова, Майков

⁷ Зотов В. Р. Петербург в сороковых годах // Исторический вестник. 1890. Т. 40. Апрель. С. 95–96.

⁸ Панаева А. Я. Воспоминания. М., 2002. С. 14, 16–17, 24, 50.

встретил Милорадовича на лестнице. Генерал-губернатору завтракать не пришлось. За ним явился посланный, и он вынужден был срочно отправиться в Зимний дворец, так как в Петербурге начались беспорядки. После отъезда Милорадовича прибежал капельдинер и сообщил, что «на площадь ко дворцу пошли солдаты и бунтуют». Все гости немедленно разошлись⁹.

Миновало 14 декабря, миновал 1825 год, по-прежнему театральная дирекция нанимала дом Голидея. В 1828 году финансовое положение домовладельца резко изменилось. В какой-то степени этому способствовало то, что дирекция задерживала выплаты денег за наем дома. Наем дома стоил 18 тысяч рублей в год, эти деньги дирекция должна была выплачивать по частям в течение года. На 1 октября долг дирекции составил 16 тысяч рублей: вместо денег Голидею выдавали долговые свидетельства на разные суммы, но такие свидетельства денег заменить не могли. В августе 1828 года газета «Санкт-Петербургские ведомости» сообщила об объявлении Голидеем себя несостоявшимся должником. По делам Голидея учредили конкурс (так называлась система мероприятий по удовлетворению кредиторов. — *К. Ч.*), а в августе 1829 года дом продали с публичного торга. Купил дом доктор медицины Андрей Мартынович Вольф¹⁰.

Театральная дирекция заключила контракт на наем дома с Вольфом сроком на три года, с той же платой — 18 тысяч рублей в год. По истечении срока контракт был возобновлен (в августе 1832 года)¹¹.

Жизнь продолжалась, и вдруг случилось чрезвычайное происшествие. 27 апреля 1833 года в квартире, занимаемой актрисой Азаревичевой, был замечен идущий из-под пола дым. Огонь распространиться не успел. Место быстро залили водой, а пол вскрыли, чтобы выяснить причину возгорания. Обследовав, пришли к выводу, что начала тлеть трещина, образовавшаяся в кухонной печи из-за того, что находившаяся над печью балка осела, так как один конец у нее подгнил. Сообщения о разных неисправностях в доме и

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 548. Оп. 1. № 2. Л. 90–90 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 4079. Л. 2–10, 29; Д. 4533. Л. 1, 4; «Первое прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям № 66. Пятница, августа 17 дня 1828 года...». С. 928.

¹¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 4079. Л. 86, 94, 96.

до этого случая поступали в дирекцию, теперь же на состояние дома обратили самое серьезное внимание. Обследования, проведенные в мае–июне 1833 года, показали, что дом нуждается в серьезном ремонте. В итоге театральная дирекция решила до истечения срока контракта отказаться от найма дома Вольфа, мотивируя это тем, что продолжение найма «не только невыгодно, но и совершенно неблагонадежно»¹². Жильцам предложили к 25 июля освободить квартиры, а имевшим право на казенную жилплощадь решили выдавать квартирные деньги «до того времени, когда дирекция будет иметь для них другое удобное помещение»¹³.

Театральная типография в доме Голидея

Дом Голидея примечателен и тем, что в нем в начале XIX века располагалась театральная типография, печатавшая афиши, билеты, объявления, тексты пьес. Типографией владели частные лица; они заключали с дирекцией контракты¹⁴ сроком на четыре года, определявшие взаимные обязательства и условия содержания типографии.

Из контрактов следует, что типография находилась на самокупаемости: владельцы обязывались выплачивать дирекции ежегодно значительную сумму, однако согласно условиям контрактов они имели право увеличивать доходы. В свою очередь дирекция обязывалась обеспечить монополию театральной типографии на печатание афиш.

Одним из первых содержателей типографии стал актер Василий Федотович Рыкалов, заключивший контракт в июле 1811 года¹⁵. Его деятельность продолжалась недолго: в январе 1813 года Рыкалов скончался на сорок втором году жизни. Его смерть повлекла неприятности для его поручителей, которыми были Алексей Николаевич Оленин и Иван Андреевич Крылов — с них потребовали невыплаченную покойным сумму в

¹² Там же. Д. 4434. Л. 25–29; Д. 4754. Л. 1–2; Д. 5917. Л. 32–33 об.

¹³ Там же. Д. 5802; Д. 6118. Л. 7–8, 17–18 об., 19, 24, 30, 31, 38, 43–43 об., 44; Д. 6230.

¹⁴ Тексты контрактов см.: РГИА. Ф. 497 (фонд Дирекции императорских театров).

¹⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 102. Л. 4–9; Д. 917. Л. 11–18.

4132 рубля 20 копеек. Из документов следует, что поручители платить не спешили, но в итоге им пришлось уступить, точнее, уступил Оленин, который весь платеж взял на себя. Окончательно он расплатился весной 1818 года¹⁶.

Неприятности, однако, не заставили Оленина порвать с типографией. По свидетельству Р. М. Зотова, Оленин сотрудничал и с новым владельцем Александром Федоровичем Похорским, известным в культурных кругах Петербурга.

Из формулярного списка, имеющегося в фонде Дирекции императорских театров, следует, что Похорский происходил из «приказнослужительских детей», родился в конце 70 — начале 80-х годов XVIII века (в списках за разные годы указан только возраст). Он начал службу в 1797 году в Московской университетской типографии копиистом, дослужился до канцеляриста, в 1805 году службу оставил. Через два года приступил к работе в театральной типографии. В 1816 году Александр Федорович получил чин титулярного советника, а в 1818 и 1819 годах ему были пожалованы бриллиантовые перстни¹⁷. По некоторым сведениям, Похорский выведен под фамилией Прохорова, содержателя типографии, в пьесе «Студент», написанной А. С. Грибоедовым совместно с П. А. Катениным¹⁸.

Как человека честного, сумевшего основательно поставить дело, охарактеризовал Похорского в своих «Записках» Р. М. Зотов. По его сведениям, Александр Федорович взялся печатать произведения видных литераторов: Н. И. Гнедича, В. А. Озерова, И. А. Крылова — «и доставил им сбыт в Москве и Петербурге, так что вскоре успел нажить себе порядочное состояние»¹⁹. А. Н. Оленин стал помогать Похорскому, «выгородив и себе частичку барыша»²⁰. Каков был размер «частички», Зотов не уточнил, не сообщил он и подробностей о деятельности Похорского как содержателя типографии и о содействии ему Оленина. Зотов близко знал Похорского — оба жили в доме Голидея. Похорский стал воспри-

¹⁶ Там же. Д. 102. Л. 12–122.

¹⁷ Там же. Д. 3727. Л. 4–7, 17–18.

¹⁸ См.: *Фомичев С. А.* Грибоедов в Петербурге. С. 52.

¹⁹ Записки Рафаила Михайловича Зотова. С. 38–39; РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 1445.

²⁰ Записки Рафаила Михайловича Зотова. С. 38.

емником при крещении сына Рафаила Михайловича²¹. «Через Похорского познакомился я и с Лениным, — сообщил Зотов. — Однажды ему нужны были какие-то стихи для праздника, назначенного в Академии художеств, где он был президентом, и я тотчас же написал их. Они ему понравились, и я с тех пор стал часто ходить к нему, знакомясь с тем литературным кругом, который собирался у него»²².

Свидетельство Зотова о том, что в театральной типографии печатались произведения некоторых видных литераторов, подтверждается документами. Из них следует, что в марте 1819 года Александр Федорович обратился к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну с просьбой принять в дар для подведомственных ему учебных заведений 500 экземпляров сочинений И. А. Крылова и 50 — сочинений В. А. Озерова на общую сумму в 6000 рублей. Просьба была уважена, и в том же году Похорский удостоился благодарственного рескрипта Александра I²³.

Об успешной деятельности Похорского как содержателя типографии свидетельствует текст наградной грамоты, копия которой сохранилась в фонде Дирекции императорских театров. В ней сказано: «В воздаяние ревностной службы вашей, отличного усердия и деятельности, как по настоящей должности, так и по другим поручениям на пользу казны оказанным и начальством засвидетельствованным всемилостивейше пожаловали мы вас в 13 день ноября 1824 года кавалером ордена Святого Владимира четвертой степени»²⁴.

Но заслуги и награды мало помогли Похорскому, когда в ноябре 1824 года в его жизни наступил тяжкий период. Во время наводнения 7 ноября типография сильно пострадала, и для возмещения ущерба понадобилась сумма в 10 тысяч рублей. До ноября 1825 года Похорский, как сообщается в документах, дважды обращался с просьбами о предоставлении ссуды, по его прошениям вносились представления в Комитет министров, но там

²¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 1271. Л. 69.

²² Записки Рафаила Михайловича Зотова. С. 39.

²³ РГИА. Там же. Д. 3727. Л. 3; Ф. 734. Оп. 1. Д. 73.

²⁴ Там же. Ф. 497. Оп. 1. Д. 3727. Л. 2.

дело застревало. Не успело решиться это дело, последовал новый удар — смерть Александра I в ноябре 1825 года. Траур и в связи с этим закрытие театров лишили Похорского ожидаемых доходов. Комитет министров, между тем, медлил с решением, и Похорский, по его словам, «старался изворачиваться в делах... разными займами и долговыми обязательствами». Лишь в апреле 1827 года Комитет министров постановил: в испрашиваемой ссуде «заимообразно 10 т.р. по неимению сумм на подобные предметы отказать»²⁵. Такое решение по существу предопределило конец деятельности Похорского как содержателя типографии. 3 декабря 1827 года — за шесть месяцев до истечения срока очередного контракта — он письменно уведомил дирекцию, что возобновить контракт на существующих условиях не может²⁶. Дирекция предпочла найти другого содержателя, каковым стал известный Адольф Александрович Плюшар. При нем театральная типография обрела новый адрес — дом купца Косиковского на Большой Морской улице²⁷. В начале июня 1828 года по истечении срока контракта Похорский оставил театральное ведомство и квартиру в доме Голидея²⁸. В феврале 1829 года Оленин запросил у театральной дирекции аттестат о службе и поведении Похорского²⁹ и взял его на службу в Академию художеств. Похорскому довелось послужить в Академии недолго: согласно «Петербургскому некрополю» Похорский скончался 16 июля 1829 года на 51-м году жизни. Его похоронили на Смоленском православном кладбище, там же похоронена и его жена, умершая в апреле 1827 года³⁰.

Итак, дом Голидея и театральная типография стали свидетелями трагедии одного из способных предпринимателей первой трети XIX века. Сам хозяин дома тоже вынужден был его оставить и продать другому лицу, о чем сказано выше. Так завершился, вероятно, наиболее интересный период в истории дома у Львиного моста.

²⁵ Там же. Д. 2915.

²⁶ Там же. Д. 3413. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 20–29, 31; Д. 3947. Л. 1; Д. 3996. Л. 2–4.

²⁸ Там же. Д. 3947. Л. 1; Д. 2915.

²⁹ Там же. Д. 3727. Л. 10.

³⁰ См.: Петербургский некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 493.

О. Л. Фетисенко

Из области таинственных совпадений (забытый обитатель дома 57 по Офицерской)

Дом 57 по Офицерской улице прославлен тем, что в нем прошли последние годы жизни А. А. Блока. Имена целого ряда жильцов этого дома, оставивших след в истории Петербурга и России, установила Ю. Е. Галанина. Наиболее часто, говоря о «до-блоковской» истории дома 57, вспоминают И. Ф. Анненского, жившего здесь еще в студенческие годы, вскоре после постройки здания; особенно интересно то, что Анненские снимали квартиру в том же подъезде, где позднее поселился Блок. Однако изучение истории дома еще далеко не завершено.

Как нам удалось выяснить, в этом же доме (но в соседнем подъезде) в конце 1870-х годов жил писатель и литературный критик Всеволод Сергеевич Соловьев (1849–1903), старший брат философа и поэта Владимира Соловьева, известный в настоящее время главным образом как автор исторических романов. А узнать это помогло сообщение самого Вс. Соловьева в письме к писателю и публицисту К. Н. Леонтьеву¹.

28 марта 1877 года Леонтьев писал из Оптиной пустыни: «Дорогой и многоуважаемый Всеволод Сергеевич, я все ждал от Вас письма и к тому же никак не мог представить себе — где Вы теперь? — Ведь около Масляницы вы собирались быть у родных Ваших в Москве и читать что-то о Русской Литературе в обществе Любителей? <...> я не знал куда писать; тем более что в

¹ Леонтьев и Вс. Соловьев познакомились, вероятно, через их общего приятеля Ф. Н. Берга. К моменту личного знакомства Вс. Соловьев написал уже несколько рецензий на восточные повести Леонтьева и роман «Одиссей Полихрониades», они печатались в газете «Русский мир», где Соловьев вел раздел «Литературная летопись».

Петербурге часто меняются квартиры. <...> Я решил поэтому, наконец, — писать на имя Вашего отца в Москву для доставления Вам. — Самое лучшее, если бы Вы потрудились дать мне какой-нибудь более постоянный и верный Ваш адрес. <...> Порадуйте меня Вашим письмом»².

В ответном письме, от 12 апреля 1877 года, Вс. Соловьев напоминал свой «прежний» адрес: «Пожалуйста, пишите мне — до конца мая я во всяком случае на прежней квартире, т. е. “Офицерская, у Английского Проспекта, д. № 57, кв. 8”». А когда передеу — извещу»³.

В январе 1878 года Леонтьев приехал в Петербург и побывал на Офицерской. О своем приезде он сообщал в письме от 3 января: «Всеволод Сергеевич, я думаю, Вы не сомневаетесь, до чего мне хотелось бы *не визит* Вам сделать, а провести с Вами *несколько часов*. — Я здесь, может быть, не надолго; болею, как всегда, тягущу поэтому дальними расстояниями и часы у меня сочтены. — Как быть, чтобы вполне насладиться Вами? — Мне ли приехать к Вам завтра (воскресенье) или еще лучше в понедельник на целый вечер? — Или Вы приедете ко мне завтра или послезавтра просидеть, напр<имер> от 7 хоть до 12 часов вечера?

Я и тому и другому буду одинаково рад.

Ответьте, пожалуста, на следующий адрес:

На Большой Морской; дом *Лауферта*⁴; кварт[ира] № 5.

Сердечно любящий и уважающий Вас К. Леонтьев»⁵.

Вс. Соловьев ответил, прислав свою визитную карточку, на которой написал: «Ужасно сожалею, что не застал Вас. Только что получил письмо Ваше и поспешил к Вам, хотя совершенно болел вот уже третий день. Пожалуйста, приезжайте к нам сегодня (в воскресенье) обедать. Будем ждать Вас до половины шестого.

Ваш Вс. Соловьев»⁶.

Вс. Соловьев недолго прожил на Офицерской. О своих перемещениях он сообщал в письме Леонтьеву от 6 января 1879 года: «<...> прошлую зиму и весну я провлячился в Петербурге,

² РГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 17–17 об.

³ ОР ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 3 об.

⁴ Современный адрес дома: Большая Морская, д. 27.

⁵ РГИА. Там же. 47–47 об.

⁶ ОР ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 12.

лето в Ораниенбауме, а осенью перебрался на житье в Царское — убегая от убийственной для меня петербургской сырости»⁷.

В письме из Козельска от 14 декабря 1878 года Леонтьев вспоминал о «восхитительных вечерах», которые он «проводил на *Офицерской улице*»⁸. «Мне так захотелось вообразить себя в Вашей молодой семье, в Вашей веселой маленькой гостиной с голубыми гардинами... Я помню даже Ваши пироги и Ваши супы и Ваш херес хороший; т. е. с *чувством* помню... <...> прошу передать мое уважение всем членам Вашего милого и, как я выразился выше, именно молодого семейства, *розового на фоне голубых занавесок*»⁹. В этом же письме он осведомлялся: «Что делает Владимир Сергеевич? Вероятно — он в Москве?» — и приглашал братьев приехать вместе в Оптину (летом 1878 года Вл. Соловьев уже побывал там с Достоевским)¹⁰.

По воспоминаниям К. М. Ельцовой, Всеволод Соловьев «казался <...> как бы другого типа, чем все Соловьевы <...>»¹¹. В описываемый момент братья еще не были в состоянии вражды, но устойчивая антипатия существовала меж ними уже давно¹². Во второй половине 1870-х годов в отношениях братьев наступило некоторое «перемирие», и можно предположить, что Вл. Соловьев бывал на Офицерской у старшего брата. А это, возможно, означает, что его «присутствие» в доме 57 по Офицерской улице каким-то мистическим образом «предопределило» выбор Блоком последнего земного жилища.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ РГИА. Ф. 1120. Ед. хр. 98. Л. 44.

⁹ Там же. Л. 46–46 об.

¹⁰ С Вл. Соловьевым Леонтьев познакомился в феврале 1878 г. в Петербурге. На вопрос о младшем брате Вс. Соловьев отвечал 6 января 1879 г.: «Брат мой теперь в Москве, работает над своей докторской диссертацией, которая Вам известна из Рус<ского> Вестника, и порхает в московских гостиных, где его, кажется, изрядно балуют. Единственная новость, которую могу сообщить Вам о нем — это, что на праздниках он вдруг, после полугодового поста, накинулся на мясное, да так, что пришлось его удерживать, чтоб не обкушался». ОР ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 5–5 об.

¹¹ Ельцова К. М. Сны нездешние // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 115.

¹² Полный же разрыв, ставший и «достоянием общественности», произошел после публикации Вс. Соловьевым фрагментов записок отца (Из неизданных бумаг С. М. Соловьева // Русский вестник. 1896. № 2).

А. А. Лопатин

Зрелищно-развлекательная жизнь Коломны и Александр Блок¹

1. Атракционы Луна-парка в поэзии Александра Блока

Офицерская, 39... По этому адресу в Коломне находился знаменитый Луна-парк. Он просуществовал около шести лет, с 1912 по 1918 год. В истории городской культуры Луна-парк оставил заметный след. Но главное — его обессмертил в своей поэзии Александр Блок, живший по соседству (Офицерская, 57) и часто посещавший это популярное у горожан увеселительное предприятие столицы. Об этом не раз писали в своих трудах о Блоке известные литературоведы, занимавшиеся проблемой влияния городской культуры на его поэзию. Однако при всей солидности этих исследований в них допускаются, порой, и досадные неточности, иногда приводящие к ошибочному восприятию блоковского текста. Эти ошибки с легкостью перекочевывают из одного исследования в другое, что и побудило автора написать данную статью.

Непосредственным поводом к этому исследованию стала статья выдающегося советского литературоведа Григория Александровича Гуковского «К вопросу о творческом методе Блока». У этой работы была несчастливая судьба, как и у самого Гуковского. Она была написана в 1946 году для предполагавшегося тогда блоковского тома «Литературного наследства», но опубликована только в 1980 году в 92-м томе «Литературного наследства» («Александр Блок. Новые материалы и исследования») по единственному сохранившемуся экземпляру статьи, найденному в архиве И. Г. Зильберштейна. Одно из основных положений этой статьи Гуковского следующее: «Идейные принципы или, точнее, основы *метода* Бло-

¹ Доклады прочитаны в 2002–2003 гг.

ка обусловили еще одну характерную черту его поэзии: величайшую ее *объективность* <...> Вероятно, лирика Блока — это самая объективная лирика в дореволюционной русской поэзии <...> Для *лирики* у него относительно мало речи о “я”, рассказа о себе, и много речи о мире, его явлениях, моментах и состояниях <...>². Опираясь на это положение, Гуковский и строит свое исследование творческого метода Блока.

Объективность поэта действительно была поразительной и по своей достоверности граничила с документальностью делавшего тогда свои первые шаги кинематографа. Эту особенность подметила известный искусствовед Н. М. Зоркая, выступившая в 1998 году в Музее-квартире А. А. Блока с докладом на ежегодной научной конференции, затем опубликованном в очередном выпуске «Трудов Государственного музея истории Санкт-Петербурга»³. Она заключила свою статью следующими словами: «Думаю, настало время изучать Блока-реалиста, поэта, чье наследие может служить поистине энциклопедией жизни российской столицы в начале XX века, своего рода хроникой, кинопанорамой. И не только в общеизвестных, “документальных” деталях и подробностях, таких, скажем, как “крендель булочной” в “Незнакомке” <...> Не только в “сюжетных” стихотворениях, где рассказаны целые людские судьбы <...> Речь идет не об отдельных произведениях, но об универсуме поэта, о его поэтике в целом»⁴. Точность Блока в передаче реалий его времени всегда абсолютно безошибочна. Поэт документально фиксирует явления, факты, события окружавшей его жизни. Лирика Блока может служить в этом смысле правдивейшим источником для воссоздания образа эпохи. Поэт сам очень емко определил свой художественный метод: «Я художник, т. е. свидетель»⁵. С этой точки зрения мы и постараемся подойти к проблеме отражения зрелищно-развлекательной жизни Коломны и ее реалий в лирике Блока, а

² Гуковский Г. А. К вопросу о творческом методе Блока // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1980. С. 83.

³ Зоркая Н. М. Блок-ярмарка-кинематограф (три стихотворения Блока) // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Музей-квартира А. Блока: Материалы научных конференций. Вып. IV. СПб., 1999. С. 158–171.

⁴ Там же. С. 168.

⁵ Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 316. (Далее — ЗК с указанием страниц.)

именно: аттракционов Луна-парка и дивертисментных программ «миньятур» (так обозначал Блок кинематографы с эстрадным дивертисментом), которые так любил посещать поэт.

Итак, Гуковский, определяя метод Блока, обращается к стихотворению «Миры летят. Года летят. Пустая...» (1912) из цикла «Страшный мир». Приведу его полностью:

*Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастье твердишь, — который раз?*

*Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные порочные улады
Вина, страстей, погибели души?*

*Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...*

*Вдохнул, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!*

*И уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен...*

*Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно все! Как дико! — Дай мне руку.
Товарищ, друг! Забудемся опять⁶.*

⁶ Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20-ти т. Т. 3. М., 1997. С. 25.

«Спросим себя, о чем это стихотворение? — задается вопросом Гуковский. — Разумеется, о жутком полете в неизвестность всего мироздания, о круговращении космических тел, в котором потерялся человек; а это вихревое движение миров конкретизируется в сознании как ощущение мощного и жуткого бега истории, неудержимого стремления страны, родины — куда, Блоку это неизвестно»⁷. Однако такое глобальное прочтение данного стихотворения не совсем устраивает Гуковского. Он ищет реальную основу этого стихотворения: «Такое осознание содержания этого стихотворения и верно, и неверно; во всяком случае, оно неполно и потому неточно. Стихотворение повествует о гораздо более простых, обыденных и вполне реальных вещах. Прочитайте его внимательно, и вы увидите, что в нем рассказано об обыкновенном “Луна-парке”, и в частности о довольно ходком развлечении на вечерних гуляньях в увеселительных садах; развлечение это называлось “чертовое колесо”; заключалось оно в том, что желающие располагались (просто лежа или сидя “на полу”) на большом круге, а затем этот круг неожиданно начинал вращаться, причем публику центробежным движением сдувало с него в самых непредвиденных позах; кто мог, удерживался, уцепившись за край круга; вся операция вызывала “гомерический хохот” присутствующих и участвующих; вдруг круг останавливался, затем вновь начинал кружиться, и так далее. Блок описал поездку на чертовом колесе в “Луна-парке”, модное и довольно вульгарное развлечение, и описал точно, реально, точными и вполне объективными штрихами, описал и психологию и даже как бы физиологию катания на этом колесе; у него названы прямо все ощущения всех моментов этого катания, названы без всякой “символики” совершенно вещественно. А в то же время это все-таки стихи о страшном беге космоса в истории. Что же — само чертовое колесо стало для Блока символом круговращения миров и бега годов? Конечно, нет. Чертовое колесо так и осталось чертовым колесом, и ничем больше, вполне вещественной и во всех отношениях плоской вещью. Но Блок мыслит каждую конкретность бытия, пережитую человеком, как конкретный момент общей жизни природы и истории <...> Чертовое колесо не имеет

⁷ Гуковский Г. А. К вопросу о творческом методе Блока. С. 72.

и у Блока никакого отношения к платоновым или пифагоровым сферам космоса; но *увлечение* “публики” да и поэта (вместе) вращением, полетом, безумным вихрем движения, смутное и все же властное стремление к этому вихрю — на чертовом колесе — это для Блока — выражение живого и реального чувства движения истории страны, а за нею движения истории мира»⁸.

На первый взгляд, все, подмеченное Гуковским, кажется вполне убедительным. Однако, внимательно вчитываясь в строки стихотворения Блока и соотнося их с блистательным литературоведческим комментарием Гуковского, сомневаешься в точности высказанных им смелых предположений. Блок, безусловно, описывает один из аттракционов Луна-парка. Но какой? Чутье талантливого литературоведа, однако, подвело: он неправильно определил конкретный аттракцион Луна-парка, который мог вызвать в поэте столь глубокие лирические обобщения.

Известно, что Блок бывал в Луна-парке буквально со дня его открытия в Коломне в 1912 году. Наиболее часто поэт посещал парк аттракционов в 1913 году и весной и летом 1914 года, т. е. в пору бурного увлечения Любовью Александровной Дельмас. Из «Записных книжек» поэта становится ясно, что его любимым аттракционом в это время было совсем не «чертово колесо», а «американские горки». Приведу записи Блока этого времени: «6 мая [1913]. Днем мы в Зоологическом саду...— Приходит Гуцин⁹. Телефон к ней [к Л. А. Дельмас] — она дома. Ночью я прохожу мимо окна (с Гуциным), проезжаю три раза с горы в “Луна-парке”, опять смотрю: окно светлое — она никуда не пошла сегодня, моя радость»¹⁰; «7 мая <...> Ночью — в «Луна-парке» (горы). Возвращаюсь — она уже спит»¹¹; «15 мая <...> “Луна-Парк”. Она. Мы на горах, — пустая нервность и страшная тревога»¹²; «16 мая <...> “Луна-Парк” (горы и “аэропланы”)»¹³; «23 мая <...> Обед-

⁸ Там же. С. 72–73.

⁹ Гуцин Борис Петрович (1874–1936), библиограф, библиотекарь Института инженеров путей сообщения в Петербурге, заведующий русским отделом Библиотеки АН СССР.

¹⁰ ЗК. С. 226.

¹¹ ЗК. С. 227.

¹² ЗК. С. 228.

¹³ ЗК. С. 229.

ет А. В. Гиппиус¹⁴, с ним вечером в “Луна-Парке”. Возвращаюсь в 1 час ночи — окно Любви Александровны уже светлое <...>¹⁵; «2 июня <...> После обеда мы с Любовью Александровной гуляем и заходим в кинематограф. Потом я брожу тоскливо, катаюсь с горы в “Луна-Парке”»¹⁶. Приведу также записи из «Дневника» Блока: «2 мая [1913] <...> Вечером у мамы, потом зашел в Луна-Парк. Холод»¹⁷; «4 мая <...> Вечером, после прозрачной прохлады на Стрелке я застал у мамы Бычковых¹⁸ и увлек их в Луна-Парк, где мы катались по горам. Какая прелесть! Они ушли, а я катался до 1 часу ночи, до закрытия кассы»¹⁹; «8 мая <...> После обеда пришел Женья²⁰ я прокатил его по горам, в Луна-Парке. Потом пошел к М. И. Терещенке²¹ и уговорил их с его двоюродным братом и А. М. Ремизовым кататься <...> Вечером я катался один — опять до закрытия кассы. Всего в день — 21 раз»²²; «9 мая. Разбитость от катания по горам, шлюсь в Шувалове и в Зоологическом саду»²³; «10 мая. <...> Позже мы с Михайлом Ивановичем [Терещенко] катаемся по горам в Луна-Парке»²⁴. Приведенного вполне достаточно, чтобы сделать однозначный вывод, что поэт никогда не увлекался «чертовым колесом», которое ни разу не упоминается ни в записных книжках, ни в дневнике, но предпочитал рискованные «американские горы».

Аттракционов в Луна-парке было не так уж и много. В журнале «Артист и Сцена» сообщалось: «В программу “Луна-парка” входят: электрическая железная дорога с туннелем, озеро с

¹⁴ Гиппиус Александр Васильевич (1878–1942), юрист, поэт-дилетант, товарищ Блока по университету, один из его ближайших друзей.

¹⁵ ЗК. С. 229.

¹⁶ ЗК. С. 231.

¹⁷ Блок А. А. Дневник. М., 1989. С. 206. (Далее — *Дневник* с указанием страниц.)

¹⁸ Николай Павлович Бычков, инженер, и его жена актриса Валентина Петровна Веригина.

¹⁹ Там же.

²⁰ Иванов Евгений Павлович, литератор, близкий друг Блока.

²¹ Терещенко Михаил Иванович (1886–1958), чиновник Дирекции императорских театров, один из владельцев издательства «Сирин», министр финансов и иностранных дел Временного правительства, после революции уехал в эмиграцию, близкий приятель Блока.

²² *Дневник*. С. 207.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

моторными лодками, ипподром, карусели, выставка племен с их промышленностью и бытовой жизнью, игры и пр. В летнем театре предложена оперетта-феерия, в зимнем же театре во время лета электрический театр (т. е. кинематограф. — А. Л.) и паноптикум»²⁵; «Кроме обычных для “Луна-парков” увеселений как то: катания с гор, феерий, всевозможных электро и оптических театриков и различных трюков с движущимся полом, лестницей и т. п., по вечерам с 8 1/2 часов будут ставиться опереточные спектакли с прежним “буффским” ансамблем»²⁶; «“Луна-парк” наподобие заграничных учреждений подобного рода оборудован всевозможными трюками и развлечениями: тут к услугам публики железная дорога протяжением около 5 верст, зал смеха, деревня негров Сомали, вертящийся круг, лодки с озером и т. д.»²⁷. Катания с гор, трюки с движущимся полом, вертящийся круг — такими разными были аттракционы Луна-парка. Журнал «Дивертисмент» анонсировал следующие развлечения: «Петербургский Луна-парк предлагает своим гостям немало интересного. Путешествие по горным дорогам. Исполинское чертовое колесо, разбрасывающее в разные стороны смельчаков, рискующих остаться на движущемся полу. Сомалийская деревня, “Пьяная” лестница и мн. др.»²⁸. Журнал «Театр и искусство» в конце 1911 года писал: «Говорят об открытии нового грандиозного увеселительного заведения по образцу лондонского Луна-парка со всеми техническими увеселениями для любителей сильных ощущений: головокружительные железные дороги; катание на лодках, падающих с высоты гор в озеро; вертящаяся подъемная машина...»²⁹. Наиболее подробное описание этих и других аттракционов оставил в более поздней публикации за подписью «Альфа» журнал «Артист и Сцена»: «Вслед за прочими столицами обзавелся Луна-парком и Петербург; та же компания для эксплуатации этого рода увеселений, которая раскинула сеть своих грандиозных парков по Западной Европе, обратила свое внимание и на

²⁵ Артист и Сцена. 1911. № 15. С. 6.

²⁶ Артист и Сцена. 1911. № 20. С. 3.

²⁷ Артист и Сцена. 1912. № 7. С. 1.

²⁸ Дивертисмент. 1912. № 5–6.

²⁹ Театр и искусство. 1911. 21 дек. С. 678.

Северную Пальмиру. Но странное дело, то, что за границей устроено в широком масштабе, у нас выглядит довольно-таки убого и отнюдь не производит того впечатления, которое ожидалось от “грандиозной американской затей”. Прежде всего, для всех этих, так называемых “новейших американских аттракционов”, начиная с “горной железной дороги” и кончая деревней сомалийцев, нужен простор, нужно место, а его-то в петербургском “Луна-парке” нет, все удивительно скученно. Да, оно и понятно, на том месте, где был “летний Фарс”, да открытая веранда при нем, нельзя уместить как следует и “*чертового колеса*”, и “пьяную лестницу”, и “кухню любви”, и деревню, и дорогу и еще Бог весть что. Для того чтобы попасть в аттракцион, нужно пройти рогатку и заплатить соответствующую мзду; рогаток этих довольно много и платить приходится не менее двух рублей для того, чтобы насладиться всеми прелестями *вертящегося пола*, чернокожих сомалийцев и пр. Тут же помещается и оперный полузакрытый театр, в котором идет не совсем удачная, как в сценическом, так и в музыкальном отношении опера Нугеса “Quo vadis?”. Шум и визг от аттракционов мешает слушать и раздражает публику и артистов <...> Из исполнителей на первое место следует поставить новую для Петербурга артистку г-жу Ростову³⁰, прекрасно ведущую ответственную роль Лигии, г-жу Борину (Эвника) и г-жу Андрееву-Дельмас³¹ (Поппея) <...>³². Наконец, еще одним ярким свидетельством о наличии различных аттракционов в Луна-парке является немой фильм, снятый в Петрограде в 1916 году на студии А. Дранкова и А. Хохловкина «Дядя Пуд в Луна-парке». В этой комедийной ленте представлены забавные приключения комического толстяка Дяди Пуда (его сыграл актер Виктор Авдеев). Одной из самых смешных сцен этого фильма был как раз эпизод на вертящемся колесе. Картина пользовалась большим успехом у зрителей столичных кинематографов. Приключения Дяди Пуда в Луна-парке вызывали у них дружный смех. Фильм «дожил» до наших дней не полностью и зафик-

³⁰ Ростова (урожд. Варварина) Наталья Владимировна, актриса.

³¹ Любовь Александровна Андреева-Дельмас (1884–1969), оперная певица, которой был увлечен Блок. Ей посвящен цикл стихотворений «Кармен».

³² Артист и Сцена. 1912. № 8. С. 11.

сирован в «Каталоге сохранившихся игровых фильмов России»³³. Там же в аннотации к фильму приведена и выдержка из журнала «Сцена и арена»: «В картине “Дядя Пуд в Луна-парке» очень комична фигура знакомого публике толстяка на разных аттракционах. Особенно он смешон на “чертовом колесе”, в “лабиринте”, на аэроплане и др.»³⁴.

Безусловно, в стихотворении «Миры летят. Года летят. Пуస్తая...» Блок отталкивался от несколько иных впечатлений, нежели вертящийся пол аттракциона «чертово колесо». Сползание людей с плоской поверхности вращающегося круга этого аттракциона не могло вызвать никакую другую реакцию, кроме одной — гомерического смеха (о чем упоминает Гуковский). Это отмечают практически все, кто вспоминает о данном аттракционе в Луна-парке. Символично об этом написал граф Валентин Платонович Зубов, основатель Петербургского института истории искусств (на Исаакиевской площади) в своих мемуарах: «Как известно, все остальные чиновники низложенного правительства ответили на переворот забастовкой (речь идет о Февральской революции. — *А. Л.*); только музейные служащие к ней не присоединились, вследствие чего мы стали у новых властей *personae gratae*, и многие из нас оставались таковыми довольно долго, хотя наше число постепенно и уменьшалось. Казалось, будто находишься на том большом плоском колесе в Луна-парке, которое, вертясь, скидывает сидящих на нем; одни слетают в первую же минуту, другим удается удержаться более или менее долго, но под конец сметаются все»³⁵. Мог ли этот аттракцион вдохновить Блока на создание «стихов о страшном беге космоса в истории», а возникшие впечатления стать «символом круговращения миров и бега годов»? Сам Гуковский отвечает отрицательно, подчеркивая, что аттракцион «чертово колесо», прежде всего, был вульгарным, однако, по мысли исследователя, «Блок описал поездку на чертовом колесе». Вращающееся колесо не предпола-

³³ Великий кинемо. Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908–1919. Сост.: *В. Иванова, В. Мыльникова, С. Сковородникова, Ю. Цивьян, Р. Янгиров*. М., 2002. С. 242.

³⁴ Сцена и арена. 1915. № 13. С. 15.

³⁵ *Зубов В. П.* Страдные годы России. Воспоминания о Революции (1917–1925). München, 1968. С. 38.

ло никакой поездки, но Гуковский невольно применяет нехарактерный для этого аттракциона глагол. Он приходит к окончательному выводу о том, что именно эти мимолетные впечатления, полученные в Луна-парке от «чертова колеса», вызвали в поэте «выражение живого и реального чувства движения истории страны, а за нею движения истории мира».

Попробуем проанализировать это стихотворение Блока, исходя из нашего предположения, согласно которому поэт отталкивался от впечатлений, полученных при непрерывном катании на «американских горах», так понравившихся ему, что на протяжении двух летних сезонов он не переставал посещать именно этот аттракцион Луна-парка.

Итак, определяющим словосочетанием, которое является ключевым для всего стихотворения, можно назвать его первые слова — «миры летят». С них начинается «космический полет» поэтического воображения Блока. Однако этот полет все-таки вполне реален и никак не соотносится с расползанием зрителей по вертящемуся кругу, как воспринял это стихотворение Гуковский. Поэт, начиная этот «полет», размышляет о смысле жизни, о счастье: «О счастье твердишь, — который раз?»; «Что счастье? Короткий миг и тесный, забвенье, сон и отдых от забот?...» Эти риторические вопросы, подобно призраку, мгновенно улетучиваются, так как сам бешеный ритм жизни не позволяет долго останавливаться на них. Но это не только «центробежный» ритм жизни и «чертова колеса» (как определяет его Гуковский). Это — сам «безумный, неизвестный и за сердце хватающий полет...» О каком полете говорит Блок? Безусловно, речь идет вовсе не о полете вокруг оси, как это было на аттракционе «чертова колеса». От него сердце совсем не захватывает. Далее Блок сразу же уточняет характеристику этого полета. Он отмечает миг, когда «опасность миновала». Блок любил острые ощущения и получал от них удовольствие. Вертящийся круг никогда не назывался в числе захватывающих дух аттракционов Луна-парка. Но к таковым всегда причисляли именно «американские горы». Итак, в словах «полет», «опасность» выразились сильные впечатления от аттракциона. Но, едва «вздыхнул, глядишь — опасность миновала» — «в этот самый миг опять толчок!». Никаких толчков «чертова колеса» просто не предполагало. А вот в аттракци-

оне «американские горы» эта неожиданность как раз была заложена в его суть. Вагончик мчится по наклонной плоскости, с силой проносится, вздыбливается, резко поворачивает, трясет, грозит скинуть с сиденья. Блоку по душе была та эмоциональная напряженность, которую он испытывал, катаясь на «американских горах».

В Отделе эстампов Российской Национальной библиотеки хранится множество фотооткрыток начала XX века, зафиксировавших ландшафты Луна-парка. На одной из них как раз и запечатлен аттракцион «американские горы». Снимок сделан сверху, и поэтому виден практически весь замкнутый маршрут аттракциона. Создается впечатление некой «кольцевой дороги». Тот, кто катался на американских горах, отмечает, что это ощущение замкнутости круга еще более усиливалось и обострялось, создавалось впечатление однообразного движения по кругу. Вот почему у Блока и возникло это неожиданное словосочетание «торопится волчок». Очевидно, Гуковский не обратил внимания на следующие строки: «Запущенный куда-то, как попало летит, жужжит, торопится волчок!». «Чертово колесо» при всей его быстроте движения не могло «лететь», «жужжать» и «торопиться». Блок был предельно точен, передавая стремительное движение, динамику, ритм тремя разнообразными глаголами, идущими следом, друг за другом, и обозначающими стремительность полета. Даже самые завзятые смельчаки испытывали на аттракционе «американские горы» настоящий страх. И это ощущение неподдельного страха Блок передает удивительно точно. Лирический герой, «уцепясь за край скользящий, острый, и слушая всегда жужжащий звон», продолжает свой «полет» «в смене пестрой придуманных причин, пространств, времен». И эти определения «острый», «скользящий» при слове «край» привели Гуковского к ошибочному выводу: он принял его за край «вертящегося круга» — «чертова колеса». Александр Блок, так жаждавший остроты впечатлений, многократно катавшийся в вагончике «американских гор», передает состояние после завершения катания на аттракционе, когда «назойливому звуку не станет сил без отдыха внимать». Но как истинный любитель острых ощущений он предлагает своему воображаемому другу: «Товарищ, друг! Забудемся опять». И это забытье, как сильный наркотик, вновь влечет к себе, притягивает, как магнит. «Чертово

колесо» не доставляло таких ощущений, оно вызывало лишь гомерический хохот.

Состояние полета очень сильно влекло Блока. Его интерес к первым авиационным показам в России на Комендантском аэродроме в Коломнях отчасти объясняется появлением нового «музыкального напора», который поэт остро ощутил еще раз в своей жизни, когда произошла революция («Слушайте музыку революции!»). Тема авиации в поэзии Блока изучена основательно и подробно. Мы не будем касаться ее. Вспомним лишь о том, что среди аттракционов Луна-парка Блок упоминает и «аэроплан» (в комедии о дяде Пуде он назван в числе любимых аттракционов этого киноперсонажа). О его существовании в Луна-парке нет никаких точных свидетельств. Есть только записи Блока в его книжках: «22 мая [1914] <...> После обеда приходит Женья³⁶. Мрачный, печальный, лицо дрожит. Горбова — в больнице Николая Чудотворца³⁷. Чувствует он свою вину (“уронил с аэроплана”). Ушел в полном отчаянии»³⁸. Скорее всего, этот несчастный случай произошел в Луна-парке, где, судя по более ранним записям Блока, он катался на аттракционе «аэроплан». Но он не стал для поэта столь же захватывающим, как «американские горы», которые помогали ему отвлечься от постоянной напряженной духовной работы — поэту необходим был энергетический «сброс». Любовь к Дельмас, певицей в театре Луна-парка и жившей неподалеку, околдовала его. Она привнесла в жизнь новые неизведанные ощущения. Блок в записях часто упоминал именно этот аттракцион Луна-парка в связи со своим увлечением Дельмас. Катаясь на американских горах, он мог наблюдать за тем, горит ли свет в ее окне, что означало ее возвращение домой, в квартиру на Офицерской, 53, после вечернего спектакля в театре.

Но не только Луна-парк с его довольно примитивными аттракционами привлекал внимание Блока в Коломне. Он находил здесь и другие развлечения, а именно: посещение местных кинематографов и театров миниатюр, которые он называл ко-

³⁶ Е. П. Иванов. См. сноску 20.

³⁷ Психиатрическая больница Св. Николая Чудотворца на набережной реки Пряжки, 2. Горбова Александра Фаддеевна, в замужестве Иванова.

³⁸ ЗК. С. 227.

ротко «миньятюрами».

2. «Миньятюры» — любимое зрелище Александра Блока

Театры миниатюр и кинематографы многими зачастую воспринимались как нечто целое. Современники путались с названиями, именую их то театрами миниатюр, то кино-миниатюрами (такого написания придерживалась и пресса тех лет). Не избежал такой «путаницы» с названиями данного развлечения и Александр Блок, который свои впечатления от диверτισментов в кинематографе невольно переносил на программы театров миниатюр, где он практически не бывал. Общеизвестно, что любимым зрелищем поэта был кинематограф. Только дважды Блок побывал в театре «Кривое зеркало», о чем оставил довольно резкую и язвительную запись в дневнике: «11 ноября [1912]. <...> Вечером пошел в “Кривое Зеркало”, где видел удивительно талантливые пошлости и кощунства г. Евреинова. Ярчайший пример того, как может быть вреден талант. Ничем не прикрытый цинизм какой-то голой души»³⁹. Менее чем через месяц Блок опять посетил этот популярный в Петербурге театр-кабаре. И он опять разочарован: «7 декабря [1912]. Вечером с Любой в “Кривом Зеркале”, которое расстроило нас обоих»⁴⁰. Знаменательно, что между этими датами в записях поэта отражены следующие впечатления: «5 ноября [1912]. Вечер — кинематограф с “Миньятюрой” на Петербургской стороне»⁴¹. А через месяц — еще одна запись: «6 декабря [1912]. <...> Вечером — и вчера и сегодня — уличные “миниатюры” с кинематографом — живее многого театрального»⁴². Далее, отмечая свои походы в кинематографы, Блок без лишних уточнений записывает: «11 декабря [1912]. <...> Обедал я у мамы, вечером с ней — в “миньятюре”»⁴³. Блок, скорее всего, имеет в виду кинематографы, которые под влиянием моды преобразовались в театры миниатюр, оставив в программах своих сеансов показ кинолент и эстрадный

³⁹ Дневник. С. 151.

⁴⁰ Там же. С. 161.

⁴¹ Там же. С. 148.

⁴² Там же. С. 160.

⁴³ Там же. С. 161.

дивертисмент, который и предполагал демонстрацию эстрадных миниатюр. Но в то же время это могли быть и вновь возникшие театры миниатюр, которые из-за невиданной популярности кинематографа ввели демонстрацию кинолент в свои эстрадно-театральные программы. «Миниатюрные» пьесы в них обязательно соседствовали с демонстрацией кинематографа и с показом дивертисмента. Столь необычным названием — «миньютюра» — Блок обозначает кино-миниатюру. Он не вкладывает в это слово уничтожительного смысла, как может показаться на первый взгляд. Это смягчение слова «миниатюра» означало любовно-ироничное отношение поэта к кино-миниатюрам, которые он предпочитал претенциозным театрам миниатюр. Свое обозначение Блок избрал и для кинематографа: дважды поэт называет его «кумаграфом». Комментаторы посчитали этот «неологизм» опiskeй Блока. Однако повторяемость такого названия исключает всякую ошибку. Нет ошибки и в том, что Блок называет «миньютюрами» — кинематографы, а кинематографы — «миньютюрами»⁴⁴. Не это было главным для поэта. Гораздо важнее для него было то, что «уличные “миниатюры” с кинематографом — живее много театрального». Здесь нет ни оговорки, ни описки. Сравним высказанное Блоком в письме к матери от 26 октября 1908 года подобное же суждение: «<...> Кинематограф занимает тоже — лучшая замена покойного театра»⁴⁵.

Поэт искал в Коломне, в других частях города искусство «живое» и находил его в кинематографах, «миньютюрах». «Уличные» театры с их легкими и не всегда высокого вкуса разнообразными дивертисментами были Блоку ближе и интереснее. Еще в 1908 году в драматической поэме «Песня судьбы» поэт выстраивает всю третью ее картину в виде такого дивертисмента. Открытие всемирной промышленной выставки представлено так: «Клоуны, акробаты, разнообразный дивертиссемент!». Демонстрируемые на выставке чудеса «летательного снаряда» и «крыльев летательной машины», следующий за ними номер акробатов и клоунов «семьдесят седьмая летательная пощечина» завершаются ключевым выступлением «Всемирно известной Фаины!», «каскадной певич-

⁴⁴ *Дневник*. С. 160.

⁴⁵ Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 256.

цы», «сумевшей привлечь к себе толпу». Далее ремарка Блока предваряет исполнение Фаиной «Песни Судьбы»: «Фаина поет Песню Судьбы — общедоступные куплеты, — сузив глаза, голосом важным, высоким и зовущим»⁴⁶.

Позднее Блок как незаменимый специалист в области современного театра был привлечен молодой советской властью для анализа бурного театрального процесса. В статье «О репертуаре коммунальных и государственных театров» он обобщил все свои соображения о театрах миниатюр и программах дивертисментов: «Я много лет слежу за театрами миниатюр, которые занимают огромное место в жизни города; здесь давно есть свои приемы, свои отношения, свои ранги, свои любимцы, свои звезды и звездочки. Это — целый мир, в котором кипит своя разнообразная жизнь, и здесь — среди жестоких нравов, диких понятий, волчьих отношений — можно встретить иногда такие драгоценные блески дарований, такие искры искусства, за которые иной раз отдашь с радостью длинные “серьезные” вечера, проведенные в образцовых и мертвых театрах столицы. Тут есть много своего, разъевшегося, ожиревшего, потерявшего человеческий образ, но есть и совершенно обратное — острое, стройное, оригинальное, свежее. Только все это — случайно, не приведено в систему; неустроенный организм»⁴⁷. Блок не называет ни один из известных тогда театров миниатюр. Биограф Блока М. А. Бекетова в «Воспоминаниях об Александре Блоке» сообщает, что именно в 1918 году «он особенно часто посещал кинематографы и театры “миниатюр”, <...> любил забираться в какое-нибудь захолустье на Петербургской стороне или на Английском проспекте (вблизи своей квартиры). <...> Театры “миниатюр” он полюбил, кажется, еще больше кинематографов. Он особенно увлекался куплетистами. На Английском проспекте оказался театр “миниатюр”, который ему особенно полюбился. Он находил какую-то особую прелесть в убогоści обстановки захолустных театриков, не говоря уже об их публике. Его любимцами были два талантливых куплетиста — Савояров и Ариадна Горькая. Ал. Ал. совершенно серьезно считал их самыми талантливыми артистами в Петербурге <...> Это было настоящее, живое искусство, непосредственное и сильное.

⁴⁶ Там же. Т. 4. С. 127.

⁴⁷ Блок А. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Л., 1982. С. 297–298.

Оттого оно так и нравилось Ал. Ал.»⁴⁸. Упоминал свои посещения театров «миниатюр» на Английском проспекте в Коломне и на Петербургской стороне и сам Блок, правда, значительно ранее того времени, о котором пишет Бекетова. В дневнике поэта находим записи по этому поводу: «29 января [1913]. <...> Вечером — в “миниатюре” на Английском проспекте <...>»⁴⁹. Но в какой «миниатюре» — Блок не уточняет. И в записных книжках поэт также фиксирует свои походы в «миниатюры»: «1 мая [1914]. <...> Мы в миниатюре на Английском проспекте <...>»⁵⁰; «17 мая [1914]. <...> Я заходил в “Ниагару” на Петербургской»⁵¹.

Какие театры миниатюр находились на Английском проспекте и на Петербургской стороне? «Ниагару» Блок называет сам и даже упоминает о знакомстве с директором этого кинотеатра Шурыгиным⁵². А с театром миниатюр на Английском проспекте — сложнее. Дело в том, что это мог быть и «Рояль Стар» (Английский проспект, 41), и «Фантази» (Английский, 46), и «Феникс» (Английский, 28), и «Хризантема» (Английский, 58)⁵³. Все названные залы обозначаются в адресном справочнике «Весь Петербург» как кинематографы. Следовательно, современники не зря путались с определением названия — «кино-миниатюра», «миниатюра» или кинематограф. С большой долей вероятности можно предположить, что Блок и его близкие, называя театр миниатюр на Английском проспекте, скорее всего, имели в виду театр «Рояль Стар». Открылся он в 1911 году и с самого начала считался кинематографом: «“Рояль Стар” — это семейный и один из лучших кинематеатров в Коломне. Программа преимущественно из выходящих новых картин. Публики посещает много»⁵⁴. Позднее под влиянием модного поветрия той поры — «миниатюрной лихорадки» «Рояль Стар» стал больше походить на

⁴⁸ Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 174–175.

⁴⁹ Там же. С. 178. См. также упомянутую выше запись от 5 ноября 1912 г.

⁵⁰ ЗК. С. 225.

⁵¹ Там же. С. 227.

⁵² «13 июня [1917]. <...> Знакомство с директором “Ниагары” Шурыгиным, который просил у меня чертежника для проекта изобретенного им большого плуга». — *Дневник*. С. 215.

⁵³ *Весь Петербург на 1913. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга*. Изд. А. С. Суворина. С. 1190.

⁵⁴ *Новости театров, скэтинг-рингов и кинематеатров*. 1911. 12 ноября. С. 5.

театр миниатюр. Об этом свидетельствуют публиковавшиеся в печати программы театра⁵⁵. Кинематограф в программе «Рояль Стар» был почти на равных правах с «миниатюрами». Отдельно в программе стоял «разнохарактерный дивертиссемент», т. е. эстрадный дивертисмент, в котором выступали так высоко чтимые Блоком куплетисты. Единственным куплетистом, имя которого упоминается несколько раз в дневнике и записных книжках Блока, был Михаил Николаевич Савояров: «*19 марта* [1918]. <...> Люба, наконец, увидела Савоярова, который сейчас гастрوليрует в “миниатюре” рядом с нами. Зачем измерять унциями дарования александринцев, играющих всегда после обеда и перед ужином, когда есть действительное искусство в “миниатюрах”. Еще один кол в горло буржуйам, которые не имеют представления о том, что под боком»⁵⁶.

Что же вкладывал в понятие «миньятюры» поэт Александр Блок? После начала Первой мировой войны, когда «миниатюры» все больше стали напоминать дивертисменты, Блок бесстрастно констатировал этот факт из жизни «театров улиц» в своих записных книжках: «*12 сентября* [1914]. <...> Вечером сiнема: “Revue” по-“парижски” на военные темы, и какой-то молодой человек исполнял *номер* о Мейерхольде и поэте Александре <sic!> Белом»⁵⁷. Итак, Блок замечает важный переход в программе кинематографа от «миньятюры» к «“Revue” по-“парижски”». Но он продолжал, видимо, по инерции, называть дивертисмент «миньятюрами». Но это обозначение можно легко применять и ко всему комплексу театрального развлечения так называемого миниатюрного характера: и к небольшим пьескам, и к разнообразному дивертисменту. И ту, и другую части программы Блок идентифицировал с одним общим понятием — «миньятюры»⁵⁸. Историк отечественной эстрады Е. М. Кузнецов также был склонен именно к такой трактовке

⁵⁵ См.: Столичные миниатюры и кинематеатры. 1913. 22 ноября. С. 5.

⁵⁶ ЗК. С. 396.

⁵⁷ Там же. С. 239.

⁵⁸ Такой же дифференциации придерживался известный балаганный деятель А. Я. Алексеев-Яковлев. Он «назвал небольшие балаганы на народных гуляньях, в которых шла дивертисментная программа, своеобразными театрами миниатюр». — *Тихвинская Л. И.* Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995. С. 198.

понятия «театр миниатюр». Он цитирует в своей книге заметку журнала «Театр и искусство»⁵⁹: «В этих театриках публике дают куплетистов, рассказчиков, гимнастов, танцовщиц, фокусников, небольшие пьески, картины кинематографа, и все представление носит характер дивертисмента, самого разнообразного и способного удовлетворить всякие вкусы, но преимущественно веселого характера. Пьесы ставятся больше “для фирмы” невысокого достоинства и отнюдь не тонкой игры. Главное — дивертисмент»⁶⁰. И тогда действительно многие содержатели театральных и кинематографических залов, желая избавиться от промыслового налога, который распространялся на кинематографы, прекращали демонстрацию картин, оставляя в своих программах только лишь дивертисмент и немного пьес-«миниатюр». Немудрено, что современники путали кинематографы с этими «театрами улиц», именую их то «миньятюрами», как Блок, то «кино-миниатюрами», как пресса тех лет. Эти театры, безусловно, были близки как к кинематографу с дивертисментом, так и к миниатюрам. Блок в названной выше статье практически фиксирует репертуар дивертисмента садовой эстрады, соотнося его опять с «миниатюрами»: «В саду [Народного дома] обыкновенное исполнение в духе “Театра миниатюр” — “Маленькой Клотильды” (с французского, с пением). Потом любимый и известный по миниатюрам певец поет “Эй, вы, залетные”; потом карлики, подражая детям, поют не совсем различные куплеты в китайских костюмах. Это особенно нравится. На открытой сцене — жонглеры. Главная масса глазающих — конечно, как всегда было, бесплатная, то есть заплатившая только за вход в сад. Вот все, что я видел пока; это — то же, что было прежде»⁶¹. «Миньятюры» были привлекательны для Блока потому, что в их программы обычно входил его любимый кинематограф. Здесь поэт мог наслаждаться специфичным искусством толпы, улицы, которое его с некоторых пор стало очень интересовать. Не частушечный, а куплетный ритм поэмы «Двенадцать», возможно, был найден поэтом в недрах этих «театров улиц». Бекетова вспоминала: «Он [А. А. Блок] нарочито повел на Английский пр. Люб. Дм.

⁵⁹ Театр и искусство. 1914. № 42.

⁶⁰ Кузнецов Е. М. Из прошлого русской эстрады. М., 1958. С. 270.

⁶¹ Блок А. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. С. 297.

[Л. Д. Блок], чтобы показать ей, как надо читать “Двенадцать”. И слушая Савоярова, Люб. Дм. сразу поняла, в каком направлении ей надо работать, чтобы хорошо прочесть поэму»⁶². Блок и сам искал необычную интонацию чтения поэмы. Одна из его последних записей в дневнике такова: «*17 января* [1921]. <...> Научиться читать “Двенадцать”. Стать поэтом-куплетистом. Можно деньги и ордера иметь всегда...»⁶³.

Во время Февральской и Октябрьской революций Блок живо интересовался искусством толпы: «*1 июня* [1917]. <...> Вечера в Миниаюре — представление Распутина и Анны Вырубовой. Жестокая улица. Несмотря на бездарность и грубость — доля правды. Публика (много солдат) в восторге»⁶⁴; «*2 июня* [1918]. Весь день писал (почему беден русский репертуар). — Вечером в Народном доме (Невежин, “Вторая молодость”, миниатюры)»⁶⁵. Известно, что в Народном доме в ту пору не было никакого театра миниатюр, а Блок, конечно же, имел в виду дивертисментную программу. Как бы в подтверждение этого через некоторое время он сделал такую запись: «*31 июля* [1918]. Проба нового дивертисмента в большом театре Народного дома»⁶⁶.

Александр Блок невольно отразил в своих личных записях близость кино-миниатюр к кинематографам с дивертисментом, зафиксировал важнейший факт бытования той зрелищной формы городской культуры, когда кинематограф и театры миниатюр были одним целым. Из данного соединения время выделило наиболее устойчивую, удобную и жизнеспособную форму — дивертисмент в кинематографе, который прошел рука об руку с искусством кино половину его векового пути, прекратив свое существование, как форма зрелищно-развлекательного искусства, лишь в конце 1950 — начале 1960-х годов. «Миньятюры» Александра Блока, которые он любил посещать в Коломне, много лет оставались загадкой для исследователей творчества поэта. Они оказались элементарным эстрадным дивертисментом, который соединялся с кинозрелищем.

⁶² Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. С. 175.

⁶³ Дневник. С. 328–329.

⁶⁴ Там же. С. 211.

⁶⁵ ЗК. С. 410.

⁶⁶ ЗК. С. 418.

Н. К. Цендровская

Коломенский сюжет в собрании Н. П. Ильина

Реальное начало Музею-квартире А. А. Блока было положено летом 1977 года, когда Государственный музей истории Ленинграда приобрел у московского собирателя Николая Павловича Ильина его обширную коллекцию блоковских материалов. Как всякое большое собрание ильинская коллекция таит в себе множество разнообразнейших сюжетов. Сюжет, связанный с Коломной, — один из самых печальных. Пожалуй, не будет слишком большим преувеличением сказать — трагический.

В Коломне прошла большая часть жизни Любви Александровны Андреевой, по сцене — Дельмас, героини блоковского цикла «Кармен». Знакомство ее с Блоком приходится на то время, когда Дельмас была солисткой Театра музыкальной драмы. Сценической площадкой театра был Большой зал Петербургской консерватории, самой значительной постановкой — опера Ж. Бизе «Кармен». Л. А. Андреева-Дельмас была приглашена в труппу специально для участия в этой постановке¹.

В марте 1914 года, которым датированы стихотворения цикла «Кармен», Андреева-Дельмас жила в Коломне, в доме 53 по Офицерской улице, в квартире 9. Если идти от блоковского дома к Театральной площади, окно ее комнаты («окно, горящее не от одной зари») — последнее на четвертом этаже. В записной книжке Блока есть подробные записи о том, как, еще не будучи знакомым с Дельмас, он искал ее дом, а потом искал встречи с ней. В письмах Блока и в его записных книжках разных лет много упоминаний о

¹ Галанина Ю. Е. Переписка Блока с Л. А. Дельмас на театральном диспуте 30 марта 1914 г. // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. М., 1987. С. 578.

прогулках по коломенским улицам («наши улицы») — совместных и одиноких, но с мыслями друг о друге. Мост, переброшенный через Пряжку под окнами блоковской квартиры, с таким прозаическим названием — Банный — они называли «Ponte dei Sospiri» (в память о венецианском мосте Вздохов).

В советское время Андреева-Дельмас жила на улице Писарева (до революции — Алексеевской), 18 (кв. 8). На этом доме установлена мемориальная доска в честь ее мужа, солиста Мариинского театра Павла Захаровича Андреева. До 2005 года в квартире, где жила Андреева-Дельмас, а после ее смерти родственники и наследники, сохранялся ее обширный архив.

Сама Любовь Александровна была достопримечательностью Коломны. Окрестные жители знали ее, и рассказы о ней и сейчас, почти через 40 лет после ее смерти, можно услышать от обитателей Коломны. Одни вспоминают, с каким благоговением рассматривали ее, уже старушку, в очереди в каком-нибудь магазине и думали: «Вот эту руку...»; другие — как, набравшись храбрости, подходили к ней на улице, и она охотно отвечала на расспросы.

Неизвестно, когда и как познакомился Н. П. Ильин с Л. А. Дельмас. В 1963 году она подарила ему свою фотографию в костюме Кармен с надписью «Глубокоуважаемому Николаю Павловичу в знак искреннего расположения — Кармен. <...>»². В ноябре того же года она завершила письмо к Ильину словами: «Если будете в Ленинграде, прошу не забыть и посетить меня. Снова побеседуем о незабвенном АБ»³.

Не осталось никаких свидетельств того, когда и как Ильин стал обладателем ряда автографов Блока, принадлежавших Дельмас. Среди бумаг Ильина сохранилась его неоконченная статья о стихотворениях Блока, посвященных Андреевой-Дельмас. Начиналась она с самого главного: «В 1920 году Блок написал: “...в январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914”, уравнивая этим силу овладевшего им поэтического чувства в период создания

² ГМИ СПб. КП-97327. См. на вклейке.

³ Письмо от 18 ноября 1963. ГМИ СПб. КП-115190.

“Снежной маски”, “Кармен” и “Двенадцати”»⁴. Статья завершена не была; сюжет нашел свое воплощение, так сказать, под пером другого автора, получившего в этой работе бескорыстную помощь Ильина.

Во второй половине 1960-х годов в деятельной переписке с Ильиным состоял ленинградский писатель и литературовед А. Е. Горелов. Будучи уже автором нескольких очерков о Блоке⁵, он писал книгу о нем⁶ и в своей работе подошел тогда вплотную к сюжету, связанному с Л. А. Дельмас. Ко времени, о котором пойдет речь (1968 год), было опубликовано только три письма Блока к Андреевой-Дельмас⁷. Понимая этот сюжет как один из ключевых в жизненной и творческой биографии Блока, Горелов прикладывал усилия к тому, чтобы познакомиться с Андреевой-Дельмас и ее архивом. Из писем следует, что Горелов пользовался в своей работе постоянной помощью и советами Ильина, славившегося скрупулезным знанием деталей блоковской биографии и всегдашней готовностью помочь тем, кто обращался к нему с вопросами. Иллюстрациями к книге послужили автографы Блока, фотографии и другие материалы, преимущественно из собрания Ильина.

С писем Горелова к Ильину, собственно, и начинается наша печальная история.

В первом из этих писем, 21 марта 1968 года, Горелов писал: «Продолжаю искать пути к Л. А. Дельмас. Мобилизовал друзей и знакомых»⁸.

Через 10 дней, 31 марта: «Сегодня я полтора часа просидел у Любоми Александровны Дельмас. <...> Любоми Александровне понравилось то, что я написал о цикле стихов “Кармен”. И можете себе представить, до того расчувствовалась, что начала мне читать письма А. Блока. И я их читал. Первое письмо к ней Блока — целиком. А другие лишь частично.

⁴ ГМИ СПб. КП-81771 всп.

⁵ Горелов А. Гибель соловьиного сада: А. Блок // Горелов А. Подвиг русской литературы. Л., 1957. С. 403–433; Горелов А. Сквозь выюги: А. А. Блок // Горелов А. Очерки о русских писателях. Л., 1964. С. 657–740; Горелов А. Петруха и его критики // Сибирские огни (Новосибирск). 1970. № 8. С. 168–177.

⁶ Горелов А. Гроза над соловьиным садом / Александр Блок. Л., 1970.

⁷ Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М; Л., 1963. С. 433–434, 435, 436.

⁸ ГМИ СПб. КП-114622. Л. 2.

Показала мне чрезвычайно важную надпись на экземпляре “Двенадцати”⁹. Прочла и запись своей первой встречи с Блоком¹⁰. Все это чрезвычайно интересно. Но снять копии решительно отказывается. Хуже того — полагает, что все это область интимная, что сам Блок по ее просьбе сжег все ее письма, а так как она чувствует, что жизнь ее скоро завершится, то и она обязана *все это сжечь* <...>

Конечно, я на этом не закончу свои попытки. Мы договорились с Любовью Александровной снова встретиться. И я попытаюсь через кого-нибудь на нее воздействовать.

Чудовищна мысль, что она уничтожит такие литературные сокровища»¹¹.

Уже после смерти Дельмас письма к ней Блока были опубликованы ее племянницей И. А. Фащевской. Публикацию сопровождал очерк Горелова, в котором он очень подробно описал свои визиты к Дельмас. Вот один из ярких эпизодов: «Для Любови Александровны каждое письмо оставалось живым. С волнением, словно это было вчера, передавала она обстоятельства получения каждого из них. Порывистыми движениями находит она нужный конверт, разворачивает побуревшие, жесткие страницы, торопливо рассказывает, что гостила тогда в Чернигове, у сестер, письмо принес ей в зубах ученый пес в благоухающий сад, залитый солнцем.

...Я сам поддаюсь галлюцинации: я вижу этот черниговский соловьиный сад, полный цветов и звенящих трав, вижу молодую женщину, устремившуюся к умному псу-почтальону, доставившему блоковское, именно блоковское письмо. Я ловлю себя на том, что ищу на старом, желтом конверте следы зубов... <...> Пылкий рассказ старой женщины, перед которой я сижу, проникнутый почтением и восхищением, и для меня звенит черниговскими травами и блоковскими стихами»¹².

Речь здесь идет о письме Блока от 20–23 июня 1914 года, посланном из Шахматова. Не случайно именно это письмо вы-

⁹ Надпись опубликована: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 66.

¹⁰ Дельмас Л. А. «Мой голос для тебя...»: Воспоминания / Публ. и подгот. текста И. Фащевской // Аврора. 1971. № 1. С. 66–69.

¹¹ ГМИ СПб. КП-114624. Л. 1–2.

¹² Горелов А. Высокое назначение поэта // Звезда. 1970. № 11. С. 178.

брала из множества других Любовь Александровна, не случайно и Горелов поддался галлюцинации: как ни прекрасны многие из писем Блока к Дельмас, равного этому — по поэтичности и накалу чувств (на языке Блока, вероятно, следовало бы сказать музыкальности) — пожалуй, нет. «Но вот, о чем я часто задумываюсь, что поет мне и чего я не понимаю и не хочу понимать: почему этой зимой я встретил Вас, и именно Вас! С первой минуты не было ничего общего ни с одной из моих встреч. Сначала — *буря музыки и влекущая колдунья*, и — одинокое прислушивание к этой буре, какое-то медленное помолодение души. Если б Вы знали, сколько я *всматривался* в Вас тогда, в “Кармен” — глазами и художника, и старика, и просто ценителя каких-то прекрасных *видений*, в жизни ли они, или на сцене, — все равно. <...> Медленно и помимо сознания, вкрадывалось то волнение, которого я не думал раздувать, и, совершенно неожиданно для себя самого, увидав в *третий* раз (на масленице), что появились *Вы* (я ждал не Вас вовсе)¹³, я почувствовал, как упало сердце и забилося почему-то, и сам себе не верил.

<...> Останавливающееся дыхание тех дней, часы у Вашего подъезда, письма, искание Ваших карточек¹⁴ и то, что я краснел, как мальчишка, — разве я это забуду?»¹⁵

Рассказав о том, как Любовь Александровна разрешила ему выписать несколько строк из этого письма, Горелов буквально воскликнул: «Какое счастье, что письмо это сохранилось!». Написанный с большим подъемом очерк Горелова полон неподдельного восхищения; куда прозаичнее его письма-отчеты Ильину.

14 апреля 1968 года: «Сегодня снова навестил Любовь Александровну. Но неудачно. По случаю Вербного воскресенья ее должны были посетить ветераны сцены <...>.

¹³ Речь идет о представлении оперы «Кармен», состоявшемся 14 февраля 1914 г., в котором Л. А. Дельмас заменяла заболевшую М. С. Давыдову. В коллекции Н. П. Ильина есть объявление Театра музыкальной драмы, извещающее об этой замене, с пометой А. А. Блока: «14. II. 1914» (ГМИ СПб. КП-97683).

¹⁴ О поисках Блоком фотографий Л. А. Андреевой-Дельмас см. его записи от 5, 7, 11 и 26 марта 1914 г. // Блок А. А. Записные книжки: 1901–1920. М., 1965. С. 213, 215.

¹⁵ Письма А. А. Блока к Л. А. Дельмас / [Публ., подгот. текста и коммент. И. Фашевской] // Звезда. 1970. № 11. С. 196–197.

Крюков канал. Вид на колокольню
Никольского собора с Торгового моста
Начало XX в. Открытка. ГМИ СПб

Покровская церковь. Колокольня. Вид с Садовой ул.
Начало XX в. Открытка. ГМИ СПб

Екатерининский канал. Вид с Аларчина моста на русско-эстонскую
церковь и здание Гвардейского экипажа
Начало XX в. Открытка. ГМИ СПб

Литовский рынок
Начало XX в. Фотография

Дом-сказка. Офицерская, 60
Начало XX в. Фотография

Дворец великого князя Алексея Александровича
Набережная р. Мойки, 122. Начало XX в. Открытка

Евангелическая лютеранская церковь
св. Иоанна на Офицерской улице
Начало XX в. Открытка. ГМИ СПб

Калинкин мост
Начало XX в. Открытка

*Ил. 1. Литовский тюремный замок
Начало XX в. Фотография*

*Ил. 2. «Ангел Литовского замка». Скульптурная композиция
на церкви Литовского замка. Начало XX в. Фотография*

*Ил. 3. Литовский тюремный замок после пожара
1917. Фотография*

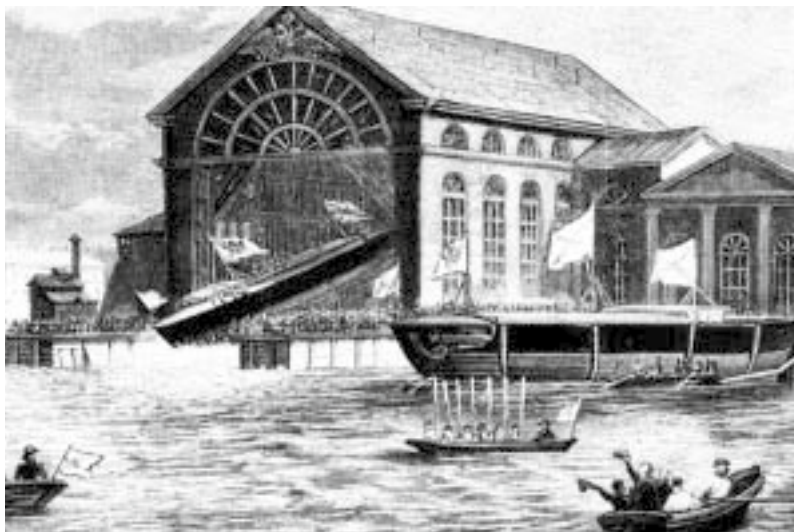
*Ил. 4. Двор Литовского замка
1917. Фотография*

*Ил. 5. В. О. Михневич
1890-е. Фотография*

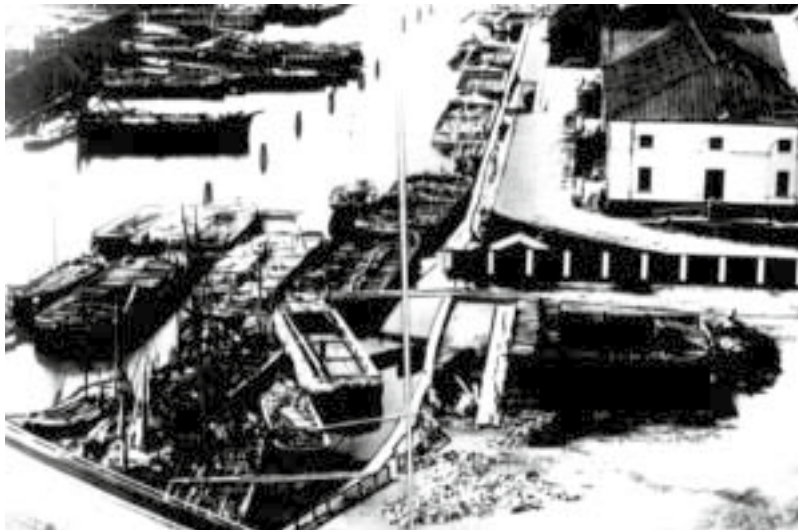
*Ил. 6. М. В. Дальский
Конец XIX — начало XX в. Фотография*

*Ил. 1. Малый каменный элинг
Середина XIX в. Гравюра*

*Ил. 2. Малый каменный элинг (построен в 1830-е гг.)
2004. Фотография*

*Ил. 3. Верфь «Галерный островок»
Конец XIX в. Фотография*

*Ил. 4. Вид на Галерный остров и здание плаза
Начало XX в. Фотография*

*Ил. 5. Производственные постройки завода Ч. Берда
(Франко-русских заводов). 2004. Фотография*

*Ил. 6. Металлический английский сарай (построен в 1857 г.)
2004. Фотография*

Ил. 1. Бывший особняк
А. В. Кузнецовой
Английский пр., 18. 2006.
Фотография

Ил. 2. Великий Князь
Константин Николаевич с
дочерью Мариночкой Княzewой
Конец 1870-х. Фотография

Ил. 3. Великий князь,
генерал-адмирал
Константин Николаевич
1881. Фотография

Ил. 4. Балерина Императорского
Мариинского театра Анна
Васильевна Кузнецова
Начало 1870-х. Фотография

*Ил. 1. Луна-парк. Вход с Офицерской ул.
Начало XX в.
Открытка*

*Ил. 2. Луна-парк. Павильон чудес.
Начало XX в. Открытка*

*Ил. 3. Луна-парк.
Начало XX в. Открытка*

*Ил. 4. Луна-парк. Деревня Сомали.
Начало XX в. Открытка*

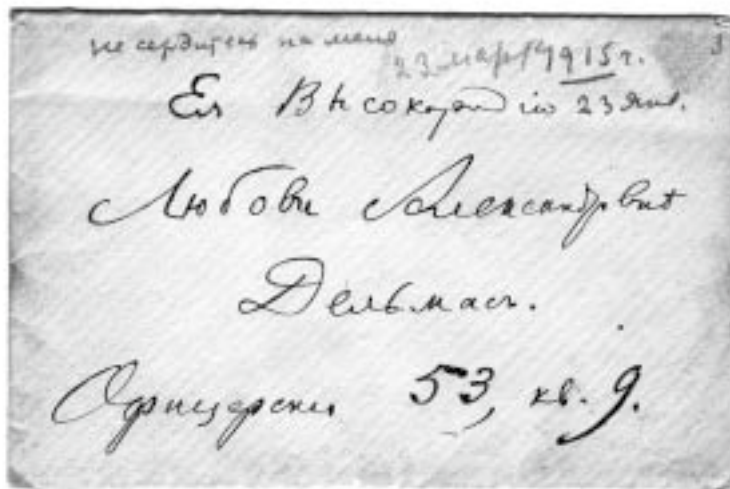
*Ил. 1. Николай Павлович Ильин
1970-е. Фотография. ГМИ СПб*

*Ил. 2. Любовь Александровна Андреева-Дельмас. Пересъемка начала
1960-х с фотографии 1914. Дарственная надпись
Л. А. Андреевой-Дельмас Н. П. Ильину: «Глубокоуважаемому Николаю
Павловичу в знак искреннего расположения — Кармен.
Л. А. Андреева-Дельмас. «Хабанера». 1963 г.». ГМИ СПб*

Ил. 3. Дом 53 по улице Декабристов, в котором Л. А. Андреева-Дельмас жила в годы знакомства с А. А. Блоком. 2007. Фотография

Ил. 4. Конверт от письма А. А. Блока Л. А. Андреевой-Дельмас с пометами Л. А. Андреевой-Дельмас. 23 марта 1915
Бумага, чернила, карандаш. ГМИ СПб

Ил. 5. А. А. Блок. Листы из переписки с Л. А. Андреевой-Дельмас на диспуте в зале Тенишевского училища 30 марта 1914.

<Б.>«Сегодня очень странно слушать; почти ничего не понимаю, и вдруг отдельные образы или слова — освещенные каким-то страшно ярким и страшным светом от Вас. Напр<имер> Эдгар По.

Слушайте! Статья была в газете День. Все это я вижу во сне, что Вы со мной рядом, когда проснусь, никто даже не сможет сказать мне было это или не было, потому что Вы даже не [вспомните об этом никогда].

А если это будет часто? Мы пересядем в перерыве. Какая <Д.> ой <Б.> Вы умница <Д.> к, а я профан <Д.> — ка.»

Бумага, карандаш. ГМИ СПб

Ил. 6. Дом 18 по улице Писарева, где находилась последняя квартира Л. А. Андреевой-Дельмас. 2007. Фотография

*Ил. 1. Николай Петрович Гиляров-Платонов
1881. Фотография*

Ил. 1 Константин Дмитриевич Лобанов.
Петербург. 1860-е. Фотография.
Публикуется впервые

Ил. 2 Александра Абрамовна Лобанова
(урожд. Раткова)
Петербург. 1860-е. Фотография.
Публикуется впервые

*Ил. 3. Надежда Константиновна Лобанова и Андрей Иванович Сомов
Петербург. 1860-е. Фотография. Публикуется впервые*

Ил. 4. К. К. Булла. Константин Андреевич Сомов
в интерьере квартиры на Екатерингофском проспекте, 97. Петербург
Февраль 1908. Фотография

Ил. 5. Анна Андреевна Сомова
в интерьере квартиры на Екатерингофском проспекте, 97
Петербург. Весна 1893. Фотография. Публикуется впервые

*Ил. 6. Анна Андреевна Сомова-Михайлова
с мужем Сергеем Дмитриевичем Михайловым
в интерьере квартиры на Екатерингофском проспекте, 97
Петербург. Ок. 1916. Фотография. Публикуется впервые*

*Ил. 7. Дом, принадлежавший семье Сомовых,
на пр. Римского-Корсакова, 97. 1980-е. Фотография*

Ил. 1. Санкт-Петербургская консерватория. 1890-е. Фотография

*Ил. 2. Концертмейстер и солист Императорского балета
Э. Э. Крюгер. Начало XX в. Фотография*

*Ил. 1. Урок танцев в Ивановском девичьем училище.
Начало XX в. Фотография*

*Ил. 2. Здания Ивановского девичьего училища
и Коломенской женской гимназии. 2006. Фотография*

Ил. 3. Воспитанницы Ивановского училища во Владивостоке. В первом ряду: 1-я слева Женя Копосова, 3-я слева — Катя Козлова. 1919–1920. Фотография

Ил. 4. Катя Васильева, Катя Козлова, Леля Васильева на «Йомей Мару». 1920. Фотография

*Ил. 5. Женя и Оля Копосовы на борту «Йомей Мару»
1920. Фотография*

Ил. 6. Иконы воспитанниц училища

Ил. 1. Наталия Давидовна Флиттнер
за своим рабочим столом в Эрмитаже. 1930-е. Фотография

Ил. 2. Семья Флиттнеров с друзьями на даче в Стрельне. В нижнем ряду, в центре: Давид Богданович, Наталия Андреевна и Вильгельмина; во втором ряду, справа, в русском костюме Наталия; в верхнем ряду: слева Анатолий, София и Юлия. Конец XIX в. Фотография публикуется впервые

Ил. 3. Давид Богданович Флиттнер
Конец XIX в. Фотография
Публикуется впервые

Ил. 4. Роза Богдановна Флиттнер
Конец 1890-х. Фотография
Публикуется впервые

Ил. 5. Семья Флиттнеров: в верхнем ряду София и Юлия,
в нижнем ряду Наталия, Богдан и Вильгельмина. 1902. Фотография
Публикуется впервые

Ил. 6. Бруно Давидович Флиттнер. 1900-е.
Фотография
Публикуется впервые

Ил. 7. Наталия Флиттнер. Начало 1880-х.
Фотография
Публикуется впервые

*Ил. 8. Вильгельмина и Наталия Флиттнер.
1886. Фотография
Публикуется впервые*

*Ил. 9. Наталия Давидовна Флиттнер.
1902. Фотография
Публикуется впервые*

Ил. 10. Учащиеся и преподаватели Коломенской женской гимназии.

Крайняя справа во втором ряду — Вильгельмина Флиттнер. Конец XIX в. Фотография. Публикуется впервые

А я был настроен агрессивно, мечтал все же выдрать у нее письмо Блока с комментариями.

Мне удалось сделать выписку лишь из письма, в котором Блок прислал стихотворение “Бушует снежная весна...”.

Приписка там такая: “Да — *страшно* — потому что когда *такие* тревоги просыпаются, их уже *нельзя* усыпить. Горите, горите тревогой, гордость моя”¹⁶.

Интересно 1-е письмо, полученное Любовью Александровной от Блока, оно на 8 страницах. Но переписать она его не дает. Все же буду продолжать попытки»¹⁷.

Попытки были продолжены, но работа почти не продвигалась. Письма Горелова полны сетованиями, переходящими в раздражение. Раздражение временами испытывала и Дельмас: «К Дельмас больше не ходил, — чувствовал себя худо, да и трудно с нею возиться, надоели ее заверения, что роман был только “духовный”, а посему ... не решается показать письма. Кстати, письмо из Шахматово не утеряно, она его сунула в альбом “знаменитостей”, но утверждает, что не может его разыскать. Играет!

Отрывки она мне читала, но с пропусками и не давая записывать. Не сомневаюсь, что письма у нее уворуют, хранит она их небрежно, распахивает по разным конвертам. Да и не понимает, какими сокровищами владеет.

Может, Вам удастся заполнить их, но обязан и Вас предупредить, что и о Вашем желании получить у нее письма говорит с явным раздражением. Странный она человек»¹⁸.

«...Увы, каждый раз, когда я прощался с Дельмас, взволнованный разговором, благодарный за дозволение прочесть какое-нибудь из писем, вернее — отрывок из письма, меня напутствовали слова:

— Все это я сожгу, сожгу, — *они* все равно не поймут, чем это было...

Мне оставалось лишь вновь и вновь молить о пощаде, молить о сохранении строк того, кто и ее обессмертил, как некогда

¹⁶ Письмо от 2 апреля 1914 года. См.: Письма А. А. Блока к Л. А. Дельмас. С. 194. В коллекции Н. П. Ильина есть конверт от этого письма с пометой рукой Дельмас: «Бушует снежная весна». ГМИ СПб. КП-97637.

¹⁷ КП-114625. Л. 1.

¹⁸ Письмо от 20 мая 1968. ГМИ СПб. КП-114630. Л. 1.

его великий предшественник увековечил имя Анны Керн. Ныне в оставшихся бумагах Любови Александровны я читаю собственную записку от 10 декабря 1968 года, за несколько месяцев до ее смерти; она заканчивается словами: “Тениальные стихи о «Кармен» — Ваше бессмертие. Умоляю Вас сохранить для потомков письма к Вам Александра Александровича”¹⁹.

Весной 1969 года у Дельмас побывал Ильин. Возможно, именно тогда он сумел убедить Дельмас передать ему некоторые автографы Блока.

Работа Горелова над книгой между тем продвигалась. Знакомство, даже столь ограниченное, с неизвестными прежде и столь важными письмами Блока, с одной стороны, явно помогло исследователю в осмыслении темы, с другой — терзало, ввиду очевидной невозможности включения их текстов в книгу. Через несколько дней после написания цитированной записки он сообщал Ильину: «А письмо “Сашуры” — великолепное, очень вам благодарен за него. Не представляю, как мне удастся его использовать, ибо учитываю невозможность уточнения адресата. Что-нибудь придумаю. Ибо грех упустить такие строки. Оформлю так, что Любаша и не догадается... если даже и доживет до выхода моей книги»²⁰.

А Любовь Александровна действительно чувствовала себя уже довольно плохо, и мысль о судьбе архива, вероятно, мучила и ее. Она вспомнила об Ильине и 8 января 1969 года отправила ему чрезвычайно любезное и, как оказалось, последнее письмо с приглашением посетить ее²¹.

Узнав от Ильина о содержании письма, Горелов писал ему: «Судя по любезности письма Любаши, у вас представление, что вы могли бы чем-нибудь у нее пожить. Может, вам действительно махнуть в Питер?»²² Ильин медлил с поездкой, и в марте Горелов писал ему: «Наконец я только что дозволился к Любаше. Разговаривает она умирающим голосом. Спрашивала, когда вы приедете. Насколько я понял, она собирается вручить

¹⁹ Горелов А. Высокое назначение поэта. С. 178–179.

²⁰ Письмо от 16 декабря 1968. ГМИ СПб. КП-114639. Л. 1 об.–2.

²¹ ГМИ СПб. КП-115192.

²² Письмо от 20 января 1969. ГМИ СПб. КП-114643. Л. 1 об.

вам какую-то картину. Я сказал, что вы приедете не позже 15-го числа»²³.

Ильин побывал в Ленинграде, но привез ли что-нибудь тогда от Дельмас, неизвестно. А 30 апреля 1969 года пришла телеграмма: «Умерла Дельмас похороны в субботу тчк Горелов»²⁴.

В последующие недели Горелов и Ильин установили отношения с Инной Александровной Фащевской, племянницей Л. А. Дельмас, долгие годы жившей с ней в одной квартире и ставшей ее наследницей. В первую очередь их, конечно, волновал вопрос: не исполнила ли Дельмас своей угрозы? И вот что сообщил Горелов: «Выяснил, что письма никак не уничтожались. Л. А. уничтожила только лишь свой личный дневник.

Я подробно поговорил обо всем с Инной Александровной. Сказал ей, что вы не считаете возможным себя навязывать в советчики, но у вас было много разговоров с Л. А., вы отлично знаете весь состав писем. Я даже добавил, что, по моим представлениям, Л. А. что-то из писем Вам отдала, но с условием не печатать при ее жизни. Что одно письмо я печатаю в своей книге, но без указания на то, что оно адресовано Дельмас. А теперь я уже укажу это.

Как вы и сами представляете, я соответственно говорю о вас, о вашем уникальном собрании блоковских материалов.

Инна Александровна с интересом выслушала мое сообщение, что глава «Кармен» из моей книги будет напечатана в ж[урнале] «Звезда».

Она заверила меня, что без меня и вас она ничего не предпримет с письмами Блока. <...> Но сейчас она загружена заботами ввода в наследство, квартиры <sic!>, поэтому «литературой» заниматься не может, ибо сама по специальности физиолог. Она договорилась <sic!>, что в начале июня вы ей позвоните и договоритесь о встрече. <...>

²³ Письмо от 7 марта 1969. ГМИ СПб. КП-114651. Судя по одному из последующих писем А. Е. Горелова, Л. А. Дельмас, возможно, собиралась вручить Н. П. Ильину не только картину и обсуждала это с кем-то: «Московский товарищ меня уведомил, что письма А. Блока завещаны Любовью Александровной Вам. Вот и «достоверные сведения»». (Письмо от 16 февраля 1970. КП-114675). Можно только догадываться, чьи слова о «достоверных сведениях» (вероятно, о завещании Л. А. Дельмас) имел в виду Горелов. С другой стороны, не располагая никакими данными об источнике, названном «московским товарищем», мы не можем вполне положиться и на это свидетельство.

²⁴ ГМИ СПб. КП-114654.

Полагаю, что письмо Блока к Дельмас я ныне действительно могу раскредитить: она вам его отдала, но без права печатать при ее жизни. Так? А глава “Кармен” понравилась в “Звезде” и будет напечатана в №№ 9 или 10²⁵. Там полно ссылок на ваше собрание»²⁶.

В последующие месяцы Горелов периодически беседовал с Фащевской и все получаемые им сведения сообщал Ильину. 29 ноября 1969 года он писал: «Весь архив еще у нее. Не спешит его отдавать. Ей чрезвычайно досаждают, суют бездну денег.

В архиве имеется обширная рукопись Е. П. Иванова²⁷. Я тут же сказал И. А., что основной архив находится у Вас. Поэтому справедливо будет вам отдать и эту рукопись. Она получила подтверждение от ЦГАЛИ²⁸, что собранный вами материал будет им и передан, поэтому И. А. прониклась к Вам большим доверием»²⁹.

Тогда же была задумана публикация писем Блока из архива Дельмас, для чего Фащевская позволила Ильину письма скопировать. На обложке, в которую Ильин вложил эти копии, он написал: «Автографы А. А. Блока в собрании Л. А. Дельмас. Переписаны в 1969 г. (после смерти Л. А.). Многого, что было прежде (особенно — писем) — не обнаружено»³⁰.

Публикация была подготовлена, причем Горелов написал вступительную статью, а Ильин — примечания³¹. Материал был столь значителен, что Горелов надеялся поместить его в «Новом мире»³². Но в феврале 1970 года стало известно о разгроме редакции журнала. Публикация появилась к 90-летию А. А. Блока в

²⁵ Горелов А. Цикл «Кармен» Александра Блока // Звезда. 1969. № 11. С. 190–199.

²⁶ Письмо от 10 мая 1969. ГМИ СПб. КП-114656. Л. 1–2 об.

²⁷ Иванов Евгений Павлович (1879–1942), ближайший друг А. А. Блока, литератор, в частности автор нескольких вариантов воспоминаний о Блоке. Часть его архива в составе коллекции Н. П. Ильина ныне хранится в ГМИ СПб, часть — в составе собрания М. С. Лесмана — в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом).

²⁸ Ныне РГАЛИ, где с 1930-х гг. имеется большое собрание автографов А. А. Блока.

²⁹ ГМИ СПб. КП-114667.

³⁰ ГМИ СПб. КП-81771 вкл. Л. 1.

³¹ Письма от 26 января и 16 февраля 1970. ГМИ СПб. КП-114672, 114675.

³² Письма от 16 февраля 1970. КП-114675. Л. 1 об.

юбилейном номере «Звезды». При этом было указано, что комментарии к письмам подготовлены И. А. Фашевской³³.

Николай Павлович Ильин умер в октябре 1977 года. Болезнь его была такова, что он знал, что жить ему оставалось недолго. Конечно, ему хотелось, чтобы все собранное им осталось в Москве. Но в 1977 году реальных надежд на появление музея Блока в Москве или в Шахматово не было, а в Ленинграде были. И летом 1977 года Ильин продал свою коллекцию Государственному музею истории Ленинграда, в качестве филиала которого и должен был к 100-летию юбилею Блока открыться музей поэта.

В составе коллекции Ильина в музей поступил ряд автографов Блока, в том числе девять его писем к Дельмас и другие принадлежавшие ей материалы. Остальной архив Дельмас оставался у Фашевской. Инна Александровна неоднократно предоставляла хранившиеся у нее блоковские материалы на выставки в музее Блока; в ее квартире и с ее участием снимались фильмы, посвященные Блоку. Решать судьбу архива она не торопилась. Если в первое время она склонялась к тому, чтобы передать его в ЦГАЛИ, то позднее, когда открылся Музей А. Блока, она несколько раз говорила о том, что хотела бы, чтобы архив, в конце концов, когда-нибудь потом оказался в нашем музее. В последние годы говорила уже о Пушкинском Доме. Но так ни на что и не решилась: в советское время боялась, что, лишившись архива, не сможет сохранить за собой всю жилплощадь, в 1990-е годы государственные хранилища уже были не в состоянии приобретать такие ценности.

Среди блоковских автографов в коллекции Ильина есть 12 нумерованных листов небольшого формата с неровными краями, заполненных обрывочными фразами, которыми обменивались Блок и Дельмас 30 марта 1914 года на театральном диспуте в зале Тенишевского училища³⁴. Диспут, посвященный истории итальянской комедии масок и ее сценическим принципам, был организован редакцией журнала «Любовь к трем апельсинам».

³³ См.: Горелов А. Высокое назначение поэта; Письма А. А. Блока к Л. А. Дельмас...

³⁴ ГМИ СПб. КП-97646.

Переписка велась карандашом; последовательность фраз, расположенных на отдельных листках, на первый взгляд определить затруднительно. Опубликовавшая этот документ Ю. Е. Галанина справедливо разместила записи с упоминанием выступавших на диспуте в той последовательности, в которой, согласно хронике журнала, они сменяли друг друга. В конце были помещены «записи, которые не могли быть отнесены к определенному докладу»³⁵.

В процессе дальнейшего изучения документа стало очевидно, что листки не были вырваны из блокнота или записной книжки, как казалось вначале, и это не случайный набор листков. Сложенные вместе таким образом, что совпали линии их неровных краев, листки образовали два двойных листа писчей бумаги с водяными знаками. Бумага идентична той, на которой Блок записал (тоже графитным карандашом) стихотворение «О да, любовь вольна как птица...», датированное 28 марта 1914 года и включенное в состав цикла «Кармен». Можно предположить, что листы были сложены вчетверо, переписка осуществлялась, так сказать, «на коленке», и по мере заполнения одной стороны лист складывался заново. Линии сгибов больших листов были потеряны, но не до такой степени, чтобы листы самостоятельно распались на отдельные фрагменты. Очевидно, что листы были разорваны по сгибам, может быть, как раз для того, чтобы восстановить последовательность записей. У одного из двойных листов не хватает нижней четверти.

Всю эту историю я рассказала И. А. Фацевской в ноябре 2004 года, на последней Блоковской конференции, на которой она присутствовала. Подробно описала бумагу и имеющиеся на ней водяные знаки и попросила посмотреть в архиве Л. А. Дельмас: может быть, отсутствующий фрагмент и лежит неузнанным среди других бумаг, отделившись от основного массива переписки 30 марта.

Той же зимой Фацевская скончалась. Она жила одна, ее наследниками стали дальние родственники.

Судьба архива Дельмас сейчас неясна. Мы знаем, что часть автографов Блока распродана, проданы письма матери Блока к

³⁵ Галанина Ю. Е. Переписка Блока с Л. А. Дельмас... С. 582.

Дельмас, кое-что ушло за границу. Но все это на уровне слухов. Когда еще будут собраны достоверные сведения о новом местонахождении документов, да и будут ли?! Помнится, подобную драматическую историю — о судьбе архива А. Е. Бурцева — описал в 1950-х годах в рассказе «Частная собственность» И. Л. Андроников. Но там была война, бедствия, провинция.

Что же осталось? Остались автографы Блока в коллекции Н. П. Ильина, публикация писем Блока в журнале «Звезда». В 1982 году в Литературном наследстве были опубликованы 12 дарственных надписей Блока на его книгах и фотографиях³⁶. Еще — могила Л. А. Андреевой-Дельмас на Красненьком кладбище.

*Что месяца нежней, что зорь закатных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не говори:
В последнем этаже, там, под высокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...*³⁷

³⁶ Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях / Подгот. текста Н. П. Ильина и А. Е. Парниса // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982.

³⁷ Блок А. А. «На небе — празелень, и месяца осколок...» (из цикла «Кармен») // Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 3. М., 1997. С. 151.

Ю. А. Ендольцев

**Философ Л. П. Карсавин
в Коломне**

Среди деятелей русской культуры начала XX века, отличавшихся высокой духовностью, состраданием и милосердием, видное место занимал воспитанник Петербургского университета, известный историк, философ и богослов Лев Платонович Карсавин (1882–1952). Сорок лет его жизни были тесно связаны с Петербургом. Между тем еще в недавнее время он оценивался как реакционный философ, да и в последних литературных исследованиях, посвящённых 300-летию бывшей российской столицы, о нем упоминается бегло¹.

В метрической книге «Вознесенской, что при Адмиралтейских слободах, церкви» за 1882 год под номером 416 следует записать: «У артиста Санкт-Петербургских Императорских театров, балетной труппы Платона Константинова Карсавина и законной жены его Анны Иосифовы <...> сын Лев родился 30 ноября, а крещен 22 декабря 1882 года»².

Отец Льва, Платон Константинович, был ведущим классическим танцовщиком Мариинского театра, учеником Мариуса Петипа. Мать, Анна Иосифовна, принадлежавшая к роду известного славянофила А. С. Хомякова, получила образование в Смольном институте. Позднее, 25 февраля 1885 года, в семье родилась девочка, которую назвали Тамарой. Тамара Карсавина окончила Петербургское театральное училище и стала прима-балериной Мариинского

¹ См., например: Санкт-Петербург. 300 лет истории. СПб., 2003; Зуев Г. И. Дома и люди Офицерской улицы. СПб., 2003.

² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 3733. Л. 1. Церковь построена в 1728 г., с 1923 г. — собор, закрыт в 1935 г., снесён в 1936. Проспект от Адмиралтейства до реки Фонтанки получил название Вознесенского по названию церкви.

театра, партнёршей М. М. Фокина, с 1918 года первой танцовщицей зарубежной труппы С. П. Дягилева. Так случилось, что сын унаследовал, скорее, пристрастия матери, а дочь — отца.

Жизнь Карсавиных на протяжении многих лет была связана с петербургской Коломной. Бывшая окраина в начале XX века интенсивно застраивалась и становилась всё более престижным местом для проживания. Карсавины снимали квартиру на пятом этаже дома 170 по Екатерининскому каналу (дом вблизи площади Репина сохранился). Эти годы Т. П. Карсавина описала в воспоминаниях, изданных в 1947 году за границей и переведённых на русский язык с купюрами в 1971 году. Она вспоминала: «В Санкт-Петербурге мы жили на верхнем этаже пятиэтажного дома, принадлежавшего вдове богатого купца. Дом стоял на берегу канала в том месте, где он круто заворачивает и соединяется с Фонтанкой <...> Окна выходили на канал, по которому летом плыли баржи, гружённые дровами <...> Для детей главной привлекательной особенностью квартиры была возможность наблюдать в окно за часовым на каланче соседней пожарной команды»³. Здесь же она рассказала, что грамоте, иностранным языкам и Библии учила детей мать. Чтение книг из домашней библиотеки, которую собирал отец, было любимым занятием и для Льва, и для Тамары. Особенно запомнились «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина, «Параша-Сибирячка» Ксавье де Местра, романы Ж. Верна, Ф. Купера, новеллы Э.-Т. А. Гофмана, номера журнала «Вокруг света».

Учился Лев неподалёку, в 5-й городской классической гимназии на Екатерингофском (ныне Римского-Корсакова) проспекте, 73. Комплекс бывших гимназических зданий, включавший главный учебный корпус, внутренний сад и жилой флигель для преподавателей, сохранился и привлекает к себе внимание наружной отделкой, характерной для второй половины XIX века. Гимназия здесь открылась ещё в 1845 году⁴. В конце 1870-х годов

³ Карсавина Т. Театральная улица. Л., 1971. С. 43.

⁴ В гимназии в 1869–1875 гг. по разрешению директора А. Н. Беляева после трёх часов дня проводились занятия Аларчинских женских курсов — предшественников Бестужевских женских курсов, созданных в 1878 г. и размещавшихся на 10-й линии Васильевского острова.

здания перестроил архитектор А. К. Бруни. С того времени и остались над окнами первого этажа изображения Медузы Горгоны как талисмана, отвращающего какую-либо опасность. А над окнами второго этажа виден меандр — распространённый тип геометрического орнамента, получивший своё название от извилистой реки в Малой Азии и широко применявшийся в искусстве Древней Греции как символ бесконечности и преемственности. Главными предметами в гимназии были латинский и древнегреческий языки, Закон Божий⁵.

Карсавин учился в гимназии блестяще, переходя из класса в класс без экзаменов. Высокую оценку его знаниям давали многие преподаватели. Учителями древних языков в ней служили статские советники М. Л. Лаский, М. М. Михайловский и А. А. Немерлинг, широко известные в городе. Кроме названных выше предметов здесь изучались также русская словесность, история, география, немецкий и французский языки.

В 1901 году Карсавин окончил гимназию с золотой медалью и сразу же поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Здесь под воздействием профессора И. М. Гревса (1860–1941) он увлёкся религиозной историей Западного Средневековья, прежде всего францисканским движением и еретическими сектами вальденсов и катаров. В этих увлечениях не в последнюю очередь сыграла свою роль, как уже отмечалось, среда проживания и прежнего обучения. Гревс являлся специалистом по Римской империи и Средневековью, выдающимся педагогом, краеведом и общественным деятелем. Среди других учителей Карсавина были профессор Ф. Ф. Зелинский, А. И. Введенский, А. И. Соболевский, И. А. Шляпкин, П. А. Лавров, Г. В. Форстен, Э. Д. Гримм; деканом в 1900–1905 годах являлся профессор С. Ф. Платонов, читавший курс русской истории. Н. П. Анциферов, тоже один из учеников Гревса, писал в воспоминаниях: «Блестящий Л. П. Карсавин в те годы отличался каким-то

⁵ Наряду с православным священником в гимназии служили лютеранский пастор, еврейский раввин и римско-католический священник, что свидетельствует о проживании в Коломне представителей разных вероисповеданий. Это же доказывалось и наличием поблизости церквей, принадлежавших самым разным конфессиям. Здания некоторых из них сохранились и поныне.

умственным сладострастием. Он не только любил тончайший анализ различных средневековых систем, изящные построения своего изощенного ума, он любил ниспровергать принятое либеральной наукой... Его религиозность носила оппозиционный духу позитивизма характер и имела яркую эстетическую окраску»⁶. Эти же качества впоследствии проявлялись в его книгах и лекциях.

17 сентября 1906 года (в том же году, что и А. А. Блок) он получил диплом первой степени за № 15329 об окончании университета и сразу же был оставлен «для приготовления к профессорской и преподавательской деятельности». Чуть раньше, 21 мая 1906 года, он женился на дочери пермского мещанина Лидии Николаевне Кузнецовой, которая была годом старше его⁷. В том же году он с женой совершил первую поездку в Италию, где в течение двух последующих лет интенсивно работал в архивах и библиотеках. У супругов появились три дочери: 10 декабря 1906 года Ирина, 10 мая 1911 года Марианна, а позднее ещё и Сусанна.

По возвращении в Россию, в 1908 году, Карсавин начал читать всеобщую историю на Высших женских курсах и одновременно в Центральном училище технического рисования барона А. Л. Штиглица и в гимназии Императорского человеколюбивого общества (на Крюковом канале, 15). С 9 октября 1909 года он вел тот же курс вместо заболевшего профессора Г. В. Форстена в Императорском историко-филологическом институте (далее — ИИФИ) на Университетской набережной, 11. С этого времени институт стал важной составной частью его жизни.

В 1910 году Карсавин снова уехал на два года в Италию и Францию «с научной целью». По возвращении в июле 1912 года он был утвержден приват-доцентом университета и одновременно стал преподавателем ИИФИ, Психоневрологического института, Высших женских курсов и Высших историко-литературных курсов Н. П. Раева. В то же время Карсавин написал 49 статей для словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Гревс заведовал там отделом исторических наук).

⁶ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 177–178.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 3733. Л. 7.

Карсавин поселился с семьёй опять-таки в Коломне, в только что выстроенном доме 3 на Канонерской улице. Дом этот и сейчас привлекает к себе внимание: его строил известный столичный архитектор П. Н. Батуев — видный представитель петербургского модерна. Устраивало и то, что родители проживали неподалёку — на Торговой улице (ныне Союза Печатников), 17, а сестра после того, как вышла замуж, тоже жила рядом, напротив Мариинского театра, в доме 8 по набережной Крюкова канала (её соседом являлся И. Ф. Стравинский). Но были и минусы, о которых Карсавин писал на дачу Гревсу: вид из окон на пивную, слабая освещённость кухни, неудобства с горячей водой⁸. Он начал поиски другой квартиры.

12 мая 1913 года на открытом заседании Совета историко-филологического факультета университета Карсавин защитил магистерскую диссертацию по книге «Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков». Полезные советы по диссертации предварительно дал А. Е. Пресняков, впоследствии профессор университета, член-корреспондент Императорской Академии наук. Оппонентами на защите у Карсавина были приват-доценты О. А. Добиаш-Рождественская и А. Г. Вульфius. В июле 1914 года семья Карсавиных переехала ближе к университету и Историко-филологическому институту, в дом 58 на 9-й линии, но прожили здесь недолго — около двух месяцев. Дом этот напротив бывшего Благовещенского синодального подворья сохранился.

С 1 сентября 1914 года Карсавин приступил к работе в ИИФИ в должности ординарного профессора всеобщей истории и инспектора, проводя одновременно и занятия по философской пропедевтике (основам философии) в институтской гимназии. Инспектор был в учебном заведении вторым по значимости должностным лицом после директора. По новой должности Карсавину полагалась казённая квартира при институте. Она располагалась там, где сейчас находится библиотека восточного факультета СПбГУ, и включала «гостиную, спальню, кабинет, две детские комнаты, комнату прислуги, комнату во дворе, кладовую и чёрную лестницу»⁹. Карсавин успешно совмещал обя-

⁸ Там же. Д. 3995. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 12.

занности инспектора с преподавательской и научной работой. Высочайшим указом от 1 января 1915 года он был награждён орденом Святой Анны 3-й степени «за отлично-усердную службу и особые труды»¹⁰. В том же году он опубликовал книгу «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии», защитив её на следующий год в качестве докторской диссертации. Кроме степени доктора исторических наук, Карсавин имел и степень доктора богословских наук, так как защитил ещё одну диссертацию как мирянин в Санкт-Петербургской Духовной академии.

Однако как в целом по стране, так и в институте обстановка в связи с известными событиями менялась. После 1917 года научные интересы Карсавина заметно переместились в сферу философско-богословскую. (Мы не ставим здесь задачу анализа его философских концепций.) Это отразилось и в целом на его поведении. Известно, что в январе 1918 года Карсавин предоставил возможность нелегального проживания в своей квартире освобождённому из Петропавловской крепости бывшему министру Временного правительства и обер-прокурору Святейшего Синода А. В. Карташеву. Весной 1918 года Карсавин вместе с В. Н. Бенешевичем, С. Каблуковым и Карташевым получил от Петроградского митрополита Вениамина благословление на создание «Все-русского братства мирян в защиту церкви». В 1918 году появились в печати книги ученого «Католичество» и «Культура средних веков», чуть позже — «Житие блаженной Анджелы из Фолиньо и её откровения». В 1919 году была издана его религиозно-философская работа «Saligia, или Восьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке» — сочинение в жанре духовной беседы, разбиравшее средневековую классификацию смертных грехов. В июле 1920 года он стал одним из учредителей Богословского института и его профессором. Этот институт был открыт вместо Духовной академии в подворье Троице-Сергиевой лавры на набережной реки Фонтанки. Здесь Карсавин читал курс «Основы христианства» и преподавал греческий язык.

В 1921 году Карсавин был избран профессором общественно-педагогического и правового отделений факультета обще-

¹⁰ Там же. Д. 3733. Л. 9.

ственных наук Петроградского университета; в то же время он являлся проректором Педагогического института, заменившего Историко-филологический институт и располагавшегося в том же здании на Университетской набережной¹¹. Однако мысли и поступки учёного всё больше не нравились новой власти. 16 августа 1922 года он был арестован в своей квартире при институте. 15 ноября того же года по решению суда Карсавин был выслан из страны в составе большой группы учёных на пароходе «Пруссия». В этой группе находились и университетские профессора А. А. Боголепов, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, В. Н. Одинцов, Д. Ф. Селиванов и др.

Лев Платонович читал лекции в некоторых учебных заведениях Берлина, Парижа и Каунаса. В Берлине он издал главные из своих философских сочинений: «Философию истории», «Джордано Бруно», «Диалоги», а затем книгу «О началах». В декабре 1922 года он был избран товарищем председателя Бюро Русского академического союза в Германии. Для Свято-Сергиевского Богословского института в Париже, куда Карсавин переехал на жительство в июле 1926 года, написал и издал книгу «Святые отцы и учителя Церкви». В 1928 году Карсавин был приглашён на кафедру всеобщей истории Каунасского университета. Здесь впоследствии вышли его книги: «Пери архон» и «О личности» (1929), «Поэма о смерти» (1932). С 1931 года он стал издавать многотомное сочинение «История европейской культуры», оставшееся незавершённым. В 1940 году университет из Каунаса был переведён в Вильнюс, туда переехал с семьёй и Карсавин. За границей он, облачившись в стихарь, неоднократно выступал с проповедями в православных церквях. В годы немецкой оккупации по мере возможности содействовал освобождению евреев из гетто. При наступлении советских войск принял решение остаться в Литве, хотя большинство университетских коллег Карсавина и русских эмигрантов покинули Литву с отступавшей немецкой армией. После войны он был уволен из университета. В 1944–1949 годах Карсавин являлся директором Историко-художествен-

¹¹ Ендольцев Ю. А. Дворец Петра II (Университетская набережная, 11). События и люди. СПб., 2002. С. 21–29.

ного музея. Однажды ему даже удалось побывать в родном городе. 9 июля 1949 года он был арестован «за участие в Евразийской организации и подготовке свержения Советской власти». В 1950 году он был переведён в тюрьму в Ленинграде. 4 марта того же года суд приговорил Карсавина к десяти годам исправительно-трудовых работ, и он был отправлен этапом в лагерный приёмник посёлка Абезь Печорской железной дороги, в Коми АССР. Там он обучал желающих греческому языку и написал ещё несколько философских трактатов и сонетов, которые позднее были изданы за границей. 20 июля 1952 года Л. П. Карсавин умер в инвалидном бараке от туберкулёза.

В 1990 году были обнаружены могилы Карсавина и искусствоведа Н. Н. Пунина. Тогда дочь Карсавина Сусанна Львовна воспротивилась перевозу его тела для захоронения в Вильнюс: «Он всегда был русским... Пусть же он лежит там, куда закинула его судьба»¹².

Ныне труды Карсавина вернулись в научный обиход. Недавно общественность отметила тройной юбилей ученого: 120-ю годовщину со дня рождения, 80-летие изгнания из страны и 50-летие со дня смерти. Однако ни одной мемориальной доски, напоминающей о нём, в его родном городе нет.

¹² Ванеев А. А. Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 385.

А. П. Дмитриев

**Как один московский коломенец
заблудился в петербургской Коломне
(случай с Н. П. Гиляровым-Платоновым)**

История, затерявшийся след которой удалось обнаружить совсем случайно в связке пожелтевших писем из неразобранного писательского архива¹, — произошла 1 сентября 1887 года, ровно 120 лет тому назад, среди набережных и улиц петербургской Коломны. Тогда в северную столицу на неделю приехал издатель-редактор консервативной московской газеты «Современные известия» Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887).

Это была личность незаурядная и в те времена довольно знаменитая: Гиляров², начинавший свой путь в литературно-общественной жизни России как один из «младших славянофилов», позже снискал себе известность трудами во многих областях гуманитарного знания: в богословии и философии, лингвистике и политэкономии, эстетике и литературной критике. Но больше он был знаменит своей публицистической деятельностью, особенно в родной Москве. Почитавший его В. В. Розанов свидетельствовал о необыкновенной авторитетности гиляровского слова: «<...> в середине 80-х годов скончался

¹ В настоящее время архив Н. П. Гилярова-Платонова, хранящийся в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ. Ф. 71), прошел лишь предварительную разборку и не имеет полного научного описания; поэтому номера единиц хранения, указываемые при ссылках на документы из этого фонда, не могут считаться окончательными и впоследствии, вероятно, будут скорректированы; то же следует сказать и о номерах листов цитируемых автографов.

² В дальнейшем в статье фамилия Гилярова-Платонова будет указываться сокращенно, без второй части, — как это принято было среди его современников, в литературе второй половины XIX в.

Н. П. Гиляров-Платонов, которого справедливо называли москвичи и друзья его — “сам”. “Сам Никита Петрович” сказал, написал, хочет или не хочет...”³

Однако уже к началу XX века имя Гилярова стало забываться, несмотря на усилия его учеников и друзей, даже таких влиятельных, как обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, издавший с 1899 по 1906 год на свои личные средства восемь сборников статей и отдельных работ бывшего приятеля. Не случайно вышедший в Москве в 1903 году том критических статей и биографических материалов о Гилярове носил знаковое название «Неопознанный гений» (составитель С. Ф. Шарапов). И только в наши дни по-настоящему разгорается интерес к этому замечательному русскому писателю и мыслителю: переиздаются его сочинения, устраиваются посвященные ему научные конференции, выходят сборники статей и монографии.

Он был родом из древнего города Коломны, вплоть до конца XVIII века являвшегося крупным епархиальным центром, а некогда и соперником самой Москвы за государственно-административное первенство. Если не считать святителя Филарета (Дроздова), знаменитейшего русского иерарха XIX столетия, которого, по свидетельству Н. В. Сушкова, общественное мнение уже при жизни возвело в сан «Патриарха Всероссийского»⁴, то Гиляров да еще романист И. И. Лажечников, несомненно, самые замечательные уроженцы Коломны за все время ее существования. В своих поздних воспоминаниях «Из пережитого» (М., 1886–1887. Ч. I–II) Гиляров, при полной, казалось бы, беспристрастности, воспел Коломну с такой силой сыновней любви, что вряд ли в богатой русской мемуаристике можно найти другой подобный образ уездного города. Впрочем, если учесть описания Коломны в творчестве Лажечникова и ее жителя в течение многих лет Б. А. Пильняка («Голый год» и др. произведения), то получится, что она действительно не имеет себе равных в этом отношении.

В петербургскую же Коломну из Москвы Гиляров попал в тот момент своей жизни, когда, казалось, начинался новый ее

³ Розанов В. В. Когда начальство ушло... 1905–1906 гг.; Мимолетное. 1914 год // Розанов В. В. Собрание сочинений. <Т. 8> М., 1997. С. 494.

⁴ Сушков Н. В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868. С. 138.

этап, открывались неведомые ранее горизонты. На самом же деле ему оставалось жить каких-то 40 дней.

Дело в том, что в июне 1887 года скончался издатель-редактор «Московских ведомостей» и «Русского вестника» М. Н. Катков, с которым Гиляров был связан более чем 30-летними дружескими отношениями (впрочем, то и дело прерывавшимися периодами взаимного охлаждения из-за идейных разногласий). И Гиляров надеялся стать арендатором правительственных «Московских ведомостей», имевших меньший тираж, чем «Современные известия», но обеспеченных обязательными казенными объявлениями, которые давали значительный доход издателю. В этих планах его горячо поддерживали друзья и многие читатели, не видевшие более достойного претендента из числа журналистов-консерваторов.

В конце августа — начале сентября и в первой половине октября 1887 года Гиляров совершил две недельные поездки в Петербург, чтобы заручиться поддержкой влиятельных знакомых.

За пять лет до этих событий в жизни немолодого, потрепанного жизнью Гилярова (он никогда не был конформистом и не знал особой удачи в коммерческих делах, и потому его издание из-за цензурных кар часто оборачивалось одними убытками) случилось важное событие. Он, 58-летний респектабельный журналист, отец двух взрослых сыновей (один, Николай, работал у него в редакции газеты, а другой, Алексей, впоследствии стал довольно известным философом, служил в Киевском университете), встретил талантливую 26-летнюю переводчицу и театрального критика Анну Михайловну Гальперсон (1856–1902). Она стала по-настоящему родным и близким ему человеком.

Родом из бедной еврейской семьи⁵, Анна в 1875 году, по окончании женской гимназии, в возрасте 19 лет приехала из Херсона в Москву и вместе с сестрой Бертой была принята корректором⁶ в

⁵ Об этом она упоминает в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 10 марта 1888 г.: «...детство мое и юность протекли в такой нужде, что никаких привычек ни к какому комфорту не могло и создаться» (РО ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 446. <№ 5>. Л. 3).

⁶ См. распоряжение Гилярова (январь 1876 г.) управляющему типографией с упоминанием сестер Эпштейн (девичья фамилия Гальперсон): Там же. Ед. хр. 65. <№ 14>. Л. 1 об.

типографию «Современных известий». Сближение Гилярова с нею произошло уже после ее замужества, в октябре 1882 года⁷, и вскоре Анна Михайловна, блестяще образованная⁸, свободно владевшая пятью европейскими языками, стала совершенно незаменима в редакции: правила поступающие рукописи, составляла политические обозрения, писала замечательные театральные рецензии, переводила немало беллетристики с французского, немецкого, английского; в отсутствие Гилярова выпускала номера газеты. Впрочем, их связь окрашивалась безысходным драматизмом — и из-за возрастной разницы в 32 года, и по причине общественного неприятия: и у Гилярова, и у Гальперсон были свои дети и законные супруги, которые, конечно, знали все, но мирились с этой мучительной ситуацией; многие друзья и знакомые осуждали Гилярова⁹.

Не случайно самые пронзительные из исповедальных писем Гилярова последних лет обращены именно к Гальперсон. Так, 4 апреля 1883 года он писал ей: «...Вы даже отдаленным образом не можете представить всей бездны душевного и духовного одиночества, в котором я обретаюсь. Мне разделить себя не с кем, не с кем, не с кем. Я, как выражался Вам некогда, каторжанин, прикованный к тачке, которую вынужден тащить для кого, для чего? <...> я нравственный урод, сшившийся не по мерке ни времени, ни среде, и в том же смысле лишнее существо. Мое существование есть какое-то недоразумение, и мне жить в обществе собственное не подобало бы. Я из него и бегу, как Вы видите, сторонюсь его. Мне следовало бы быть пустынным монахом, беседовать с книгами, с Богом, работать отчасти физически, отчасти духовно. В последнем смысле сделал бы я довольно, и каковы бы ни показались современникам мои труды, я утешен был бы мыслию, что потрудился, что долг свой исполнил»¹⁰.

⁷ См. письмо Гальперсон к Гилярову об условиях ее сотрудничества в редакции от 19 октября 1882 г.: ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 606.

⁸ По свидетельству Шарпова, Гальперсон «была хорошо подготовлена по философии и богословию и знала политическую историю истекшего XIX века, как редко кто из дипломатов» (*Шарпов С.* Неопознанный гений: Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: Ст., заметки, письма и выдержки. М., 1903. С. 99).

⁹ Близкий семье Гилярова (с 1867 г.) фольклорист Е. В. Барсов осенью 1893 г. в беседе с князем Н. В. Шаховским дал своему другу даже такую беспощадную характеристику: «Он не имел этич<еской> веры, но имел широкое стройное мировоззрение» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 55).

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 52. <№ 1>. Письмо 61. Л. 2, 2 об.

Во многом благодаря попечениям и советам Анны Михайловны Гиляров, в последние пять лет своей жизни как бы обретший второе дыхание, занялся, помимо текущей газетной работы, созданием мемуаров, а также философско-публицистических и исторических очерков. В письмах к Гальперсон, которые писались не только когда Гиляров оказывался в отъезде, но и в Москве, курсируя с посылными между их домами, была полностью реализована Гиляровым возможность *исповеди* — и интеллектуальной, мировоззренческой (причем во многих аспектах: богословском, философском, общественно-литературном, политическом), и задушевно-личной, позволившей с высоты прожитых лет по-новому осветить изломы собственной судьбы и наиболее важные моменты пережитого. На исходе жизни особенно обострилась и вышла на поверхность подспудная жажда высказать вдруг и с беспощадной откровенностью глубоко потаенное и очень личное. Гиляров воспринимал сближение с этой женщиной как providенциальное для своей жизни событие: он, одинокий, нравственно истомленный и измученный, встретил родственную душу.

Однако письма, которые Гиляров ежедневно посылал на имя Гальперсон из двух последних своих петербургских поездок (в августе — сентябре и октябре 1887 года), хотя и включают основные признаки личной исповеди, все же представляют собой в полном смысле слова «эпистолярный дневник», причем написанный для самого родного человека. Отсюда живой, непринужденный стиль этих писем и необыкновенная нежность, которой они дышат. Если бы не необходимость буквально по часам и минутам расписывать свои дни, давать скрупулезный отчет обо всех своих делах, встречах, разговорах (поэтому, сделав отступление и возвращаясь к перечню поденных событий, Гиляров помечает: «Продолжаю свой Дневник»¹¹), то его письма к Гальперсон можно было бы назвать эпистолярным аналогом «Денисьевского цикла» Тютчева с его признанием: «О как на склоне наших дней / Нежней мы любим и суеверней...» Значительная возрастная разница, поначалу смущав-

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 52. <№ 3>. Л. 19. Далее ссылки на эти письма даются в тексте с указанием в скобках номера листа.

шая Гилярова¹², постепенно отошла на задний план. И его любовные излияния в этих петербургских письмах, возникающие подобно музыкальному контрапункту: «Пойди сюда ко мне» (Л. 8 об.), «А что ни шаг, то вспоминаю об Ане...» (Л. 10), «Я желал бы встретиться с тобою так, чтобы броситься к тебе с простертыми руками, обнять тебя, расцеловать, расцеловать все твое тело сверху донизу...» (Л. 24 об.) и т. д., — полны молодого восторга.

Именно Анна Михайловна настояла на этих поездках, достала на них денег. Они с Гиляровым небезосновательно надеялись, что получение в аренду «Московских ведомостей» решит раз и навсегда финансовые проблемы, в которых безнадежно увязало издание «Современных известий». Можно будет посвятить досуг серьезным научно-литературным трудам, собрать разбросанные по газетам и журналам многочисленные статьи и, приведя их в систему, выпустить собрание сочинений.

Конечно, поездки в Петербург с ежедневными хождениями по квартирам знакомых и по кабинетам чиновников, от которых могло зависеть решение о передаче в аренду «Московских ведомостей», для пожилого Гилярова были и физически нелегки, и нравственно мучительны. Даже встречи с друзьями (Т. И. Филипповым, И. П. Корниловым, Ф. П. Еленевым, Л. Н. Майковым, В. К. Саблером, протоиереем П. А. Смирновым и др.) не приносили особой радости, так как те имели возможности влиять на будущее решение — если не напрямую, то через свои связи, — и это сковывало общение, не позволяло Гилярову выйти из роли просителя, обивающего пороги в хлопотах о своих делах. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что чиновники, благосклонность которых была бы более важна, оказывались либо явными врагами (граф Д. А. Толстой, Н. А. Манасеин), либо бывшими приятелями (К. П. Победоносцев, граф И. Д. Делянов, Е. М. Феоктистов), которые, однако, по разным причинам не желали, чтобы Гиляров стал преемником Каткова.

¹² В одном из писем (от 10 января 1883 г.) Гиляров писал ей: «Дитя! Я не полагал, что Вы еще до того дитя. Нет, напротив, я именно и полагаю, что Вы дитя, хотя у Вас уже есть дети. А я дед». И тут же жаловался: «Грустно только, что не обзавелся ни детьми, ни внучатами, ни братьями и сестрами (разумею в духовном, сердечном смысле)» (Там же. Ед. хр. 52. <№ 1>. Л. 26).

В письмах возникает образ бездушного, холодного, хотя и удивительного по красоте города. Характерна гиляровская оговорка: «...у меня, никогда не уважавшего Петербург» (Л. 4). Только въехав в северную столицу 28 августа 1887 года, он тут же шлет любимой отчет: «Погода в Петербурге отвратительна, мокрая и холодная» (Л. 1). Будто вопреки законам природы, в самое, казалось бы, благоприятное время года — в «бабье лето» — здесь неуютно, пасмурно, не хватает тепла.

Противопоставление чужого, официозного Петербурга родной и домашней Москве проходит через всю переписку. Гиляров с некоторой беззгливостью отмечает: «В Петербурге полная анархия и царство личных эгоизмов» (Л. 4), «Ну, скажи, Аня, нельзя с ума сойти в этом столпотворении Вавилонском?» (Л. 20 об.), «Разве так в Петербурге делается, чтобы в одно заседание порешено было?» (Л. 36 об.).

Но особенно любопытен эпизод, который воспринимается как некий художественный или мистический символ: Гиляров, будто в заколдованном лесу, больше часа блуждал в районе петербургской Малой Коломны, ходил кругами и не мог найти правильной дороги в свою гостиницу, находившуюся в начале Большой Морской улицы, почти у самой арки Генерального штаба¹³. Анне Михайловне он писал об этом: «Понадеялся, что знаю Петербург. Пошел; шел, шел, поворачивал туда, поворачивал сюда (по соображению); шел ни мало, ни много — три четверти часа и пришел к тому же почти месту, откуда вышел» и т. д. (Л. 16). Но — обо всем по порядку.

Во вторник 1 сентября пошел уже пятый день, как Гиляров находился в Петербурге. За это время он успел побывать у цензора Ф. П. Еленева и начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова, министра народного просвещения графа И. Д. Делянова и чиновника этого министерства И. П. Корнилова, товарища государственного контролера Т. И. Филиппова и чиновника Синода В. К. Саблера. К некоторым пришлось съездить на их дачи в Царское Село и Петергоф.

¹³ Некоторые письма Гилярова написаны на фирменных гостиничных бланках с отпечатанными сверху на французском словами: «Hotel "Belle-vue" E. Renault. Grande Morskaia, № 3. St. Petersburg» («Гостиница "Бельвю" Э. Рено. Большая Морская, № 3. С.-Петербург»).

С утра начал очередное письмо-отчет Гальперсон, в котором признавался, что истосковался по любимой и вспоминает ее всюду, «даже за столом»: «Вот этого хватило бы на нас на двоих». Спросил даже пива, вспомнив, что Вы его любите; но более трех глотков не мог проглотить» (Л. 10). Тут же жаловался: «Ночь провел преспокойным образом, просыпаясь каждую четверть часа и встав с сердцебиением, которое сегодня продолжается» (Л. 10).

Затем побеседовал с земляком генералом М. Г. Черняевым-Ташкентским, тоже приехавшим в столицу хлопотать об аренде «Московских ведомостей» и остановившимся в той же гостинице «Бельвю». Потом побывал у управляющего Министерством финансов И. А. Вышнеградского: вторник как раз был приемным днем в его ведомстве¹⁴.

Среди петербургских друзей Гилярова, которым он еще не успел нанести визит, оставался Л. Н. Майков, исправлявший тогда одновременно три должности: редактора «Журнала Министерства народного просвещения», помощника директора Публичной библиотеки и правителя дел Археографической комиссии. В архиве Гилярова сохранилась записка, которую, по-видимому, он взял во время этой поездки в Петербург (написано рукою Гальперсон): «В Министерстве народного просвещения адреса: 1) Его Высокопревосходительства г. министра народного просвещения Ивана Давыдовича Делянова; 2) Леонида Николаевича Майкова»¹⁵. На обороте записки: «Адрес министра: Дом Армянской церкви против Гостиного двора; Леонида Николаевича Майкова: Публичная библиотека»¹⁶.

Вот с попытки разыскать Майкова и началось знакомство Гилярова с петербургской мистикой, вылившееся в его коломенское блужданье.

Но сначала он решил отослать на курьерском поезде письмо в Москву, для чего отправился на Николаевский (ныне Московский) вокзал. Надо было по Невскому преодолеть расстоя-

¹⁴ Приемные дни и часы у гг. министров // Гражданин. 1887. 7 окт. № 7. С. 3. См.: «Управляющий Министерством финансов, тайный советник» И. А. Вышнеградский, вторник, 10–11 часов».

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 51. <№ 10>. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 1 об.

ние от Дворцовой до Знаменской площади (ныне Восстания). «Еду опустить письмо на вокзал. Оттуда к Майкову...» (Л. 14 об.), — сообщал он.

В вечернем письме Гиляров подробно описал события второй половины вторника, и оно, как обычно у него, полно любопытных бытовых примет того времени. Так, он сообщает: «Я поспешил на вокзал, как писал. Можно было дойти и можно было на конке проехать за пятачок» (Л. 15). И действительно, в справочном издании тех лет читаем: «По линиям: 1) Невский пр. от Адмиралтейской пл. до Знаменской пл. <...> плата взимается по 5 к<опеек> за внутреннее место и по 3 к<опейки> за наружное место»¹⁷. Вероятно, не успев перейти и Екатерининский канал (ныне Грибоедова), Гиляров заволновался: «Но, пройдя четверть дороги, я вдруг испугался, что опоздаю и друг останется без письма. Нанял извозчика за 20 к<опеек>. Опустил письмо в ящик на самом вагоне. Легче сделалось» (Л. 15).

После неудачной попытки застать еще одного приятеля-петербуржца (издателя журнала «Дело» публициста И. С. Дурново), жившего у самого вокзала в Орловском переулке, Гиляров пошел к месту службы Майкова (с 1882 по 1893 год): «Оттуда отправился в Публичную библиотеку, где должен был найти Майкова. Не нашел. — “Где он живет?” — “В Большой Мастерской, № 11”. В первый раз слышу эту улицу. Попросил объяснить и сел на конку» (Л. 15–15 об.).

Так Гиляров попал в район Коломны. Майков проживал в том же доме № 11 по Большой Мастерской и в 1890-х годах¹⁸. (С 1912 года эта улица составляет часть Лермонтовского проспекта от улицы Декабристов до канала Грибоедова.)

Но вернемся к гиляровскому рассказу: «Был у Майкова, пошел. Поговорили. Обо всем, даже о Каткове и теперешних его бездарных продолжателях. О будущем редакторе ни слова. Не знает, очевидно, и не интересуется. Я молчу тоже» (Л. 15 об.).

¹⁷ Путеводитель по Петербургу: Описание С.-Петербурга и его достопримечательностей: (Соборы, церкви, памятники, Эрмитаж, музеи и т. д.). Адресный указатель С.-Петербурга. 3-е, вновь обраб. изд. / Под ред. Р. С. Попова. СПб., 1886. С. 235.

¹⁸ См.: Весь Петербург на 1894 г.: Адресная и справочная книга. <СПб.>: Изд. А. С. Суворина, <1894>. С. 231. 3-я паг.

Снова возникает тема далекой от здравого смысла петербургской жизни — уже в ее отражениях газетно-издательских: «Говорили о новом “Гражданине”, который должен выйти сегодня и на который дано, одни говорят, — 150, другие — 120 тысяч. — “За что?” — спрашивает. — Я отвечаю: “Вам лучше, петербургским, знать”» (Л. 15 об.). Тут надо пояснить: дело в том, что газета-журнал В. П. Мецера прежде выходила дважды в неделю на 16 полосах, но с начала августа 1887 года на ее первой странице стало регулярно помещаться объявление о прекращении этого издания с 1 октября и превращении его в ежедневную газету (выходила на четырех полосах большего формата). Редактор-издатель обещал: «Особенное внимание обращено будет на передовые статьи: разнообразие, краткость, живость. <...> Полное отсутствие всяких видов газетного балласта, скучного и пошлого»¹⁹. Последний номер газеты в «старом» формате вышел в свет 20 сентября. Благодаря обновленной подаче материалов, интенсивному потоку самых свежих новостей и слухов, особенно из жизни правительственных сфер, и информации справочного характера (в каждом номере публиковались приемные дни и часы высокопоставленных чиновников) газета Мецера значительно укрепила свои позиции на рынке современных изданий. И Майкову, и Гилярову было обидно, что обновление «Гражданина» произошло за счет огромных казенных средств и в обход более достойных газет охранительного направления.

Надо упомянуть, к слову, что по смерти Гилярова, последовавшей вскоре, Майков дал ему высокую оценку в некрологе: «С кончиной его сошел с поприща общественной деятельности еще один из блестящих представителей русской мысли и образованности, воспитанных высоким умственным движением, которым ознаменовалась русская жизнь в середине текущего столетия»²⁰.

Гиляров продолжал: «В половине шестого встаю и ухожу. “У вас на Фонтанке пароходы ходят?” — “Да, и по каналу Екатерининскому; Вам ближе будет по каналу”» (Л. 15 об.—16). И действительно — до него от майковского дома было рукой подать.

¹⁹ Гражданин. 1887. 2 авг. № 62. С. 1.

²⁰ Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Ч. 254, нояб. Отд. IV. С. 38.

В тот период по Екатерининскому каналу курсировали суда Общества финляндского легкого пароходства — от Казанского до Аларчина моста; на этом отрезке было девять пристаней. Самая близкая к тому месту, куда вышел Гиляров, пристань — «у Никольского моста»²¹. Ему надо было, дойдя до канала, повернуть налево и пройти по набережной метров 300, не больше.

Но вот как описывает он сам начало своих мытарств: «Подождал к каналу; парохода не видно. А дурак же я: как я не спросил, где пристань и можно ли садиться на дороге. Пойду пешком. О, глупость! Понадеялся, что знаю Петербург. Пошел; шел, шел, поворачивал туда, поворачивал сюда (по соображению); шел ни мало, ни много — три четверти часа и пришел к тому же почти месту, откуда вышел» (Л. 16).

Далее следует краткое описание общественного здания, привлекавшего особое внимание Гилярова: «Словно как театр, только верхний этаж (род мезонина, как на нашем) поставлен не параллельно нижнему, а вкось: безобразия! (Спросите Берту М<ихайловну>, театр ли это.)» (Л. 16). Безусловно, имеется в виду неизвестное Гилярову, который и в Москве-то редко посещал спектакли, здание Мариинского театра, возведенное в 1847—1849 годах и перестроенное в 1859 году архитектором А. К. Кавосом (Театральная пл., д. 1). Мощный «мезонин», венчающий постройку, так и выглядит, если смотреть на него со стороны Крюкова канала. Берта же Михайловна, которая должна была знать о петербургских театрах, — уже упоминавшаяся младшая сестра Анны Гальперсон и одна из первых русских женщин-врачей. В конце 1870 — начале 1880-х годов она жила в Петербурге, где обучалась на Женских врачебных курсах при Медико-хирургической академии²² (позже она служила в редакции «Современных известий»²³, а также издавала в переводе с английского популярные пособия по уходу за ребенком для кормящих матерей).

Но продолжим цитировать «коломенское» письмо Гиляро-

²¹ Путеводитель по Петербургу. С. 236.

²² См. письмо литератора С. К. Эфрона к Гальперсон от 4 января 1888 г. // РО ИРЛИ. Ф. 71. <№ 7>. Ед. хр. 47. Л. 1 об.).

²³ См. письмо князя Н. В. Шаховского к К. П. Победоносцеву от 23 мая 1897 г. // ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 15 об.

ва, вышедшего, как можно судить по дальнейшему изложению, на Офицерскую улицу (ныне Декабристов), тянувшуюся в западном направлении до набережной реки Пряжки («канавки»): «Что делать? Пойду дальше, не хочу ехать, а спрошу. “Эта улица куда приведет?” — “А вам куда нужно?” — “Я спрашиваю, куда эта улица приведет?” — Малый морщится, делает усилие и, наконец, произносит: “Если вам нужно на канавку, то так прямо и упретесь”» (Л. 16 об.).

Однако, юмористически оценивая ситуацию, Гиляров будет вечером посмеиваться над самим собой: он, конечно же, ничего не понял. Вот его соображения в тот момент: «“На канавку! А, должно быть, Мойка. То была Фонтанка, то Екатерининский канал. А это, значит, Мойка. Ну, теперь не собьюсь”. Иду. Подхожу. Странно: строения такие, как будто окраина города. Смотрю на угол и читаю: “Набережная Пряжки”. Пряжки! В первый раз слышу. Прошел назад» (Л. 16 об.). Гиляров здесь описывает как раз то место на краю Малой Коломны, заселенной преимущественно мелкими чиновниками, мастеровыми и торговцами, где уже стоял тогда доходный дом, в котором впоследствии поселится Александр Блок.

Совсем отчаявшись что-либо понять в хитросплетениях коломенских улиц и набережных рек и каналов, Гиляров, стесненный в средствах и до конца старавшийся обойтись без помощи извозчиков, все-таки вынужден к ним обратиться, чтобы добраться до гостиницы: «“Извозчик! К Полицейскому мосту!” — “30 коп<еек>”. — “15”. — “25 пожалуйста”. — “15”. Иду далее. Торгуюсь у нового извозчика, потом у третьего: все останавливаются до 20 к<опеек>. Думаю: ну так вздор, значит, близко. Выхожу на какую-то набережную. Вот это, должно быть, Мойка. “Как дойти к Полицейскому мосту?” — спрашиваю прохожего. — Ответа: “Прямо!” — Слава Богу!» (Л. 16 об.–17). Полицейским в 1768–1918 годах назывался нынешний Зеленый мост через Мойку на Невском проспекте. Расстояние от того места, где Пряжка вытекает из Мойки, до Полицейского моста — более двух с половиной километров.

Поэтому уставший писатель и вспоминал: «Ну уж и досталось мне это “прямо”! Упарился, прежде чем дошел до Морской, уже не продолжая пути по набережной» (Л. 17). Тут, ко-

нечно, имеется в виду Большая Морская улица, идущая параллельно Мойке, а в конце от Почтамтского моста до Поцелуева (откуда и шел заплутавший Гиляров) сливающаяся с набережной этой реки.

«Одним словом, — завершает Гиляров рассказ о своих колоссальных злоключениях, — я шел от Майкова, и притом самым скорым шагом, обгоняя всех: 1 час с четвертью. Без четверти в семь стоял на пороге гостиницы против нашего ресторана. Где уж тут искать дешевого стола. Наелся, и тоска — зачем наелся и дорого заплатил. В Москве теперь чаю бы попросил, чтобы разбавить содержимое желудка. Но это опять значительная трата» (Л. 17–17 об.). И в другом месте снова ругает неоправданно высокие питерские цены: «Нет ничего несноснее подобных минут, как настоящие. Наелся, как боров, и недоволен собой. Недоволен потому, во-первых, что обедал в ресторане, а этот обед очень дорог (1 1/2 р <убля>). Давал себе слово закусывать где-нибудь в другом месте, но вышел такой случай, что невольно обедал здесь» (Л. 15).

Заканчивается же письмо печальными размышлениями о его незаконной в глазах людей любви к Анне Михайловне: «Боже, сколько горечи подымается! Вот два существа, так близко, так тесно связанные духовно, что и не видать им полного счастья! <...> Закурю с горя сигару. Не для чего другого, а для того, чтобы вынуть мундштучок, ею подаренный, и взять его в рот» (Л. 18).

Через день, в четверг 3 сентября, Гиляров оставил свой номер в «Бельвю» и был уже в пути. В телеграмме, посланной им Гальперсон, сообщалось: «Выезжаю ныне курьерским» (Л. 25). Курьерский же поезд в 1887 году отправлялся из Петербурга в Москву только раз в день, в «8 ч <асов> 30 м <инут> в <ечера>»²⁴.

Однако волею судьбы Гиляров был вынужден вернуться в столь нелюбимый им чиновничий Петербург еще раз через месяц с небольшим, 8 октября. Он остановился в той же гостинице «Бельвю», в 33-м номере. В Коломне он, правда, больше не бывал.хлопоты его по аренде «Московских ведомостей», впрочем, так и не увенчались успехом. Ведь в глазах высших властей к

²⁴ Весь Петербург за 15 <опеек>, с большою картою С.-Петербурга, с сетью конно-железных дорог: Полный и подробный путеводитель по столице на круглый год. СПб., 1888. С. 118.

тому времени сложилась вполне определенная репутация Гилярова как не слишком удобного редактора, чересчур самостоятельного и авторитетного для столь официального органа. Ему предпочли рептильного С. А. Петровского, скорее ловкого администратора, нежели серьезного публициста и человека глубоких убеждений. И хотя это решение было только предварительным и Гиляров мог надеяться на его изменение в свою пользу, удар оказался слишком тяжелым. Вечером 13 октября 1887 года он скоропостижно скончался в своем номере, в присутствии одной гостиничной прислуги: «Часу в восьмом он снова позвонил, и когда коридорный взшел, Никита Петрович произнес: “Что-то я тебе хотел сказать” — и тут же изменился в лице. Человек успел только протянуть к нему руки; он вздохнул и тут же скончался»²⁵.

Почести, оказанные ему при похоронах как в Петербурге, так и в Москве — на отпевании присутствовали министры, представители Св. Синода с обер-прокурором во главе, члены Государственного совета, сенаторы, известные писатели и ученые, — в полной мере выявили истинное отношение к Гилярову-публицисту как одному из наиболее значимых отечественных общественных деятелей, православных мыслителей, провозвестников русской идеи.

Но в Петербурге «вещественная» память о московском коломенце сохранялась недолго: в 1908–1913 годах была снесена обветшавшая гостиница «Бельвю» и на ее месте архитектор Ф. И. Лидваль построил здание Азовско-Донского банка. Поэтому гиляровские места в нынешней северной столице — это не конкретные дома, а, пожалуй, только Невский на своем протяжении от Адмиралтейства до Московского вокзала да еще Коломна.

Однако петербургская мистика, видимо, не отпускала Гилярова и после его кончины. Так получилось, что практически весь архив мыслителя, при жизни крепчайшими узами связанного с Москвой да еще городом своего детства Коломной, после его смерти перекочевал в Петербург, так как здесь с 1890-х годов постоянно жили основной гиляровский биограф и редактор его сочинений князь Н. В. Шаховской (собранные им материалы хранятся в РНБ, фонд 847) и его последняя любовь А. М. Галь-

²⁵ Современные известия. 1887. 20 окт. № 287. С. 1.

персон, пережившая Гилярова только на 15 лет (ее дети сдали личные бумаги Гилярова в Пушкинский Дом при его основании в 1905 году, они составили фонд 71).

И любопытно (повторим замеченное давно и не нами): сдав вскоре бразды столичного правления Москве, Петербург точно поменялся с ней в духовном отношении местами, и ныне город на Неве является средоточием русской духовности и продолжает лучшие традиции, заложенные представителями московского славянофильства.

А. Е. Сомова-Михайлова

Дом Сомовых на Екатерингофском проспекте, 97

Дом № 97 по Екатерингофскому (ныне Римского-Корсакова) проспекту был куплен Настасьей Филипповной Лобановой (урожденной Пекарской), женщиной сурового нрава, самодовольной и деспотичной. В 1835–1836 годах дом был надстроен и перестроен архитектором И. Е. Ярлыковым по желанию ее сына Константина Дмитриевича Лобанова. Художник Константин Андреевич Сомов в письме к сестре писал о своем деде, отце Надежды Константиновны: «Он, кажется, был очень неприятный, молчаливый ипохондрик, семейный тиран, бабушка и дочка его боялись, трепетали. Он от них все скрывал, деньги держал в бюро, и раз был случай, что его обокрали на большую, но неизвестно какую сумму, после чего он еще более замкнулся и стал подозрительным. Последние годы он не выходил не только на улицу, но даже из своей комнаты. Был нечесан и небрит»¹. Его жена Александра Абрамовна (урожденная Раткова) была милое, кроткое существо. Была ласкова со внуками. Константин Андреевич помнил, как играл в игрушки, сидя на скамеечке у ее ног.

После смерти К. Д. Лобанова дом перешел к его дочери Надежде Константиновне Сомовой, и обитателями его стала ее семья: муж Андрей Иванович Сомов (1830–1909) и дети — Александр (1867–1903), Константин (1869–1939) и Анна (1873–1945).

Андрей Иванович получил математическое образование, но основным делом его жизни было служение в Эрмитаже, где он был хранителем картинной галереи и отдела рисунка и гравюр, составителем каталога, не утратившего своего значения и по сей день. Эти труды занимали его в течение двадцати четырех лет,

¹ Письмо находится в Русском музее, цитируется по копии, хранящейся в личном архиве семьи Михайловых.

вплоть до самой смерти в 1909 году, и выполнены были на уровне европейских образцов². В 1883 году А. И. Сомов возглавил журнал «Вестник изящных искусств», который он редактировал до 1890 года, когда журнал был закрыт. С 1883 года читал лекции по истории искусств на Высших женских курсах. Интеллигентный, высокообразованный, Сомов был истинным музейным деятелем 80–90-х годов XIX века, для которого смыслом жизни было высокое служение искусству.

Надежда Константиновна Сомова, добрая, любящая мать и жена, создавала в доме атмосферу дружелюбия, гостеприимства, домашнего тепла. Она вела хозяйство и занималась воспитанием детей, приобщая их к музыке и искусству.

Константин Андреевич Сомов — художник объединения «Мир искусства», обогативший своим творчеством сокровищницу мирового искусства, любимый многими ценителями прекрасного и в наши дни.

Анна Андреевна Сомова-Михайлова, которую в семье называли Анюта, была общей любимицей. Она унаследовала от матери любовь к музыке, окончила в 1894 году Санкт-Петербургскую музыкальную школу по классу пения у В. П. Гренинг-Вильде. Ее камерное сопрано доставляло радость всем окружавшим. Романсы П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова, А. С. Даргомыжского, Ф. Шуберта исполнялись ею с огромным вкусом, без нажима и аффектации. Занималась она и прикладным искусством. Декоративные броши-букеты из мелких цветов и бисера не раз представлялись вместе с другими произведениями «мирискусников». Умение радоваться всем проявлениям жизни Анна Андреевна сохранила до конца своих дней.

А. Н. Бенуа писал о семье Сомовых: «Сомовская семья мне необычайно понравилась, и я сразу стал себя чувствовать там как дома. Мать Кости — Надежда Константиновна — была сама простота, сама искренность. Очаровательны были и сестра Кости, и его брат, великий шутник-толстяк Саша. Но не лишен был своеобразной прелести и их несколько суровый, несколько угрюмый отец — Андрей Иванович. Манера “старика Сомова” дер-

² Левинсон-Лессинг В. В. История картинной галереи Эрмитажа (1764 — 1917). Л., 1985. С. 220–226.

жать себя с молодежью отличалась напускной важностью. Детей же своих он обожал и ставил их таланты, их ум превыше всего на свете. О Косте он отзывался не иначе, как “о гении”. В доме царил атмосфера любви, равноправия и заботы. Дети называли родителей на “ты” (редкий случай в те времена) и могли подтрунивать над родителями»³.

Квартира Сомовых находилась на втором этаже и занимала его целиком. По фасаду было девять окон. По комнатам они располагались следующим образом: два окна слева приходились на спальню родителей. За спальней в глубину дома шла умывальная комната. Следующие три окна принадлежали гостиной, позади которой была темноватая столовая с одним окном во двор. Четыре последних окна — кабинет Андрея Ивановича. Стены кабинета, гостиной и столовой были сплошь завешаны картинами. За кабинетом Андрея Ивановича находилась комната Константина Андреевича, метров двадцати, с двумя окнами, выходящими во двор. Комната имела две двери: одна вела в прихожую, вторая соединяла комнату Константина Андреевича с кабинетом отца. Эта комната, сначала скромно обставленная, постепенно заполнялась первоклассными вещами. Кроме этой комнаты, в том же доме, над четвертым этажом, была мастерская, построенная специально для Константина Андреевича. Она имела, как полагается, большое окно с полуверхним светом, который можно было регулировать, и окна во двор на север. В этой мастерской Константин Андреевич написал картины «Вечер», «Дама в голубом», портреты А. П. Остроумовой-Лебедевой, Е. М. Боголюбовой и др. Из-за отсутствия воды и невозможности отапливать мастерскую в холодное время Константин Андреевич вскоре перестал ею пользоваться и стал работать в своей комнате⁴.

Александр Андреевич, толстяк, весельчак и балагур, в 1895 году женился на Евгении Владимировне (урожденной Цимировой, 1871–1942). У них родились три сына: Андрей (1896), Владимир (1898) и Александр (1902). Эта семья жила на четвертом этаже. Когда в 1903 году Александр Андреевич умер, его вдова с детьми уехала в Крым, так как у младшего Саши были слабые

³ Бенуа Александр. Мои воспоминания: В пяти книгах. Книга IV–V. М., 1980. С. 82.

⁴ Сомов К. А. Мир художника. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979.

легкие. В их квартиру переехал Константин Андреевич. В 1909 году он переселился в родительскую квартиру после смерти отца. Надежда Константиновна умерла еще в 1906 году.

В те годы квартира Константина Андреевича была обставлена старинной мебелью и пополнялась новыми вещами по его вкусу. Был приобретен старинный рабочий стол красного дерева, специально сделанный для художника. Верхняя крышка снималась, и выдвигался пюпитр, ставившийся под любым углом. За ним Константин Андреевич постоянно работал над акварелью и графикой. Так как обычный рояль нарушал общий стиль квартиры, Константин Андреевич заказал в фирме «Стейнвей» кабинетный рояль красного дерева, оформленный под старинный. Страсть к собирательству была у Константина Андреевича не случайной прихотью, а естественным стремлением быть окруженным предметами искусства. Квартира производила очень приятное впечатление. Вкус Константина Андреевича сказывался на всех вещах. В этой квартире часто собирались талантливые, интересные друзья Константина Андреевича. Себя они называли «смехачами». На их встречах царил веселье, их остроумие было построено на тончайших оттенках юмора, иронии и наблюдательности. Чаще всего у Константина Андреевича бывали: Александр Николаевич Бенуа, Вальтер Федорович Нувель, Мстислав Валерианович Добужинский, Степан Петрович Яремич, Анна Петровна Остроумова-Лебедева⁵.

В 1910 году семья Анны Андреевны Сомовой-Михайловой переехала в родительский дом и заняла квартиру на третьем этаже. Муж Анны Андреевны — Сергей Дмитриевич Михайлов (1869–1933) служил в департаменте окладных сборов. Это был молчаливый, абсолютно порядочный, начитанный человек, обожавший жену и детей. Дети Дима (1895–1952) и Женья (1898–1975) обладали противоположными характерами. Серьезный, положительный Дима учился в гимназии К. Мая (1905–1913), окончил Императорский Александровский лицей (1913–1916), курсы гардемаринов (1916–1917). Общительный, веселый, всеобщий любимец Женья учился в Петершутле, поступал в

⁵ Сведения почерпнуты из воспоминаний сестры художника: К. А. Сомов в воспоминаниях сестры. Рукопись. Хранится в Москве, в Музее частных коллекций. Копия находится в архиве семьи Сомовых.

Академию художеств на архитектурный факультет, но революция не дала ему возможности завершить образование. Женя особенно был дружен с Константином Андреевичем и его друзьями. После революции дом «добровольно-принудительно» был отдан государству. В 1923 году Константин Андреевич уехал навсегда за границу⁶.

В распоряжении семьи Михайловых осталась небольшая квартира на третьем этаже. Вместе с Сергеем Дмитриевичем и Анной Андреевной жили Евгения Владимировна (вдова Александра Андреевича) и Елизавета Дмитриевна (сестра Сергея Дмитриевича). Квартира состояла из двух больших комнат, выходивших на Екатерингофский проспект (ныне проспект Римского-Корсакова), и темной столовой, из которой двери вели в уборную и ванную комнату. После смерти Сергея Дмитриевича в 1933 году Анна Андреевна переехала на Литейный проспект и жила в семье Евгения Сергеевича, младшего сына.

В квартире, уменьшенной на одну комнату, перепланированной (из гостиной были сделаны две комнаты) и, увы, коммунальной, проживали Дмитрий Сергеевич и его очаровательная жена, Евгения Алексеевна (урожденная Степанова).

В это время Дмитрий Сергеевич был преподавателем Высшего военно-морского училища им. М. В. Фрунзе, а Евгения Алексеевна преподавала английский язык. Это были любящие друг друга супруги. На их карандашных портретах работы К. А. Сомова, выполненных в той же манере, что и портрет А. А. Блока, есть их собственноручные подписи: «Был счастлив», «Была счастлива». В годы Великой Отечественной войны Дмитрий Сергеевич и Евгения Алексеевна с училищем были эвакуированы сначала в Астрахань, потом в Баку, где в 1943 году Евгения Алексеевна умерла от туберкулеза.

В дом на Екатерингофском проспекте попала бомба. Часть вещей, там находившихся, с огромным трудом была спасена братьями Евгением Алексеевны — Алексеем Алексеевичем и Всеволодом Алексеевичем. Оба умерли в блокаду. После войны из семьи Сомовых-Михайловых в доме никто не жил.

⁶ Михайлов Е. С. Воспоминания о К. А. Сомове (черновые материалы). Рукопись хранится в архиве семьи Сомовых.

Л. Б. Никифорова

**Профессора
Петербургской консерватории
С. П. Коргуев, Э. Э. Крюгер,
М. Н. Гамовецкая — жители Коломны**

Петербургская консерватория основана в 1862 году. Для нее в Коломне в 1896 году было завершено строительство здания на месте Большого (Каменного) театра¹.

В шестидесятых годах XIX века началась деятельность музыкантов, которые во многом определили мировой статус первой русской консерватории. Профессоров Петербургской консерватории С. П. Коргуева, Э. Э. Крюгера, М. Н. Гамовецкую, которым посвящена эта работа, можно назвать «глазуновским» поколением музыкантов, настолько решение общих просветительских задач объединяло их творческую деятельность и судьбы.

Коргуев, Крюгер, Гамовецкая принадлежат всемирно известной Петербургской скрипичной школе профессора Л. С. Ауэра. У каждого из них была своя судьба, которая привела их в Петербургскую консерваторию, в город, где они работали, в Коломну, где они жили.

В первой четверти XX века имя профессора Петербургской консерватории Сергея Павловича Коргуева было синонимом блистательного сочетания таланта концертирующего скрипача, утонченного ансамблиста, вдумчивого педагога, суммирующего свой опыт и опыт предыдущих поколений в создании научных трудов в области высшей школы скрипичного мастерства. Двенадцать лет он состоял солистом-концертмейстером Придворного оркестра Александра III, около десяти лет

¹ В этом театре в 1836 г. впервые была поставлена опера М. И. Глинки «Жизнь за царя».

участвовал в работе квартета Императорского Русского музыкального общества, известного под названием Ауэровского квартета, четверть века вел класс скрипки в Петербургской–Петроградской консерватории.

С. П. Коргуев (1863–1932) родился в Кронштадте, в дворянской семье городского головы, почетного гражданина Кронштадта полковника Павла Алексеевича Коргуева, ученого-физика и астронома². Мать владела домом в Кронштадте. Занимаясь с детства на скрипке и окончив реальное училище, Коргуев поступил в 1883 году в Петербургскую консерваторию. Он прошел курс обучения в классе знаменитого профессора Леопольда Семеновича Ауэра и стал одним из лучших его учеников. Ко времени окончания Консерватории (1888) Коргуев занял место одного из концертмейстеров симфонического оркестра, впервые созданного из музыкантов, получивших высшее образование в России, в основном из выпускников Петербургской и Московской консерваторий. Руководитель оркестра Ауэр впоследствии писал: «Оба концертмейстера, Коргуев и Крюгер, окончили по моему классу (Петербургскую консерваторию. — Л. Н.). Впоследствии, когда оркестр был распущен, первый из них стал концертмейстером Придворного оркестра Александра III, а второй поступил концертмейстером в Императорский балет. Оба они около двадцати лет спустя были назначены профессорами Петербургской консерватории <...> Лучшие из моих музыкантов заняли первые места в них (в оркестрах столицы. — Л. Н.)». Понятна законная гордость учителя успехами своих учеников³.

Со студенческих лет Коргуев интересовался научно-методической стороной скрипичного исполнительства, теорией и историей скрипичного искусства. Его перу принадлежит брошюра «Устав школы скрипичной игры». Он стал преподавателем Петербургской консерватории в 1899 году, затем профессором второй степени в 1908 году и первой степени — за две недели до Октябрьского переворота 1917 года. За эти годы Коргуев создал

² Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Т. 31. СПб., 1895. С. 213. (Статья «Коргуев Павел Алексеевич»).

³ Ауэр Л. Среди музыкантов / Перевод с англ. М., 1927. С. 131, 137. Переиздана в 2003 г.

учебные пособия, одобренные Художественным советом Консерватории: «Гаммы и арпеджио для скрипки»; «Упражнения в двойных нотах»⁴; «Скрипичные мастера XVII–XVIII веков. Пособие»; «Основы скрипичной техники»; в его редакции вышли «6 сонат для скрипки solo И.-С. Баха». Навыки работы в высоко профессиональном коллективе, каковым являлся симфонический оркестр, организованный Ауэром и находившийся под патронатом А. Г. Рубинштейна⁵, умение выполнять непростые обязанности концертмейстера оркестра и правильно пользоваться немалыми преимуществами ответственного поста — все это позволило Коргуеву максимально продуктивно работать с 1898 года в Придворном оркестре Александра III.

Успешной была и педагогическая деятельность Коргуева. Он, очевидно, в течение нескольких лет стажировался в качестве помощника профессора Ауэра, занимаясь в его в классе с поступившими в Консерваторию. Сочетая свой педагогический и артистический опыт с традициями школы Ауэра, Коргуев способствовал созданию практической и теоретической основы Петербургской скрипичной школы. Он выпускал сборники упражнений высшего скрипичного мастерства и использовал их в педагогической работе с многочисленными студентами своего класса. За усердную службу 6 декабря 1911 года был удостоен ордена Св. Станислава 3-й степени.

До революции 1917 года класс Коргуева окончили более 50 скрипачей, из которых 16 стали лауреатами, «игравшими на актах»⁶. Сюда входили те, кто получил при выпуске Золотую медаль и премию Михайловского дворца, а также Большую серебряную медаль. После революции эта традиция была утрачена. Класс профессора Коргуева окончили и те, кто уже в советское время возглавил кафедры скрипки в Московской и Ленинградской консерваториях. Он воспитал скрипачей, составивших мировую славу советского скрипичного искусства. Одним из тех, кто получил Большую серебряную медаль (1912),

⁴ В каталоге нотной библиотеки Петербургской консерватории значатся «Упражнения в двойных нотах», изданные в 1919 и 1954 гг.

⁵ Рубинштейн Антон Григорьевич — композитор, дирижер, великий пианист, один из основателей первой Российской консерватории.

⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 6. Д. 12. Л. 75 об.

был ученик Коргуева А. И. Ямпольский, впоследствии заслуженный деятель искусств, профессор, заведующий кафедрой Московской консерватории. Следуя традициям школы Ауэра–Коргуева, он сочетал исполнительскую и педагогическую деятельность с теоретической. Известен ряд учебно-методических исследований Ямпольского. Можно назвать «музыкальными внуками» Коргуева таких учеников Ямпольского, как лауреаты многочисленных международных конкурсов, народные артисты Леонид Коган, Игорь Безродный, Эдуард Грач, Юлиан Ситковецкий и другие корифеи современного мирового скрипичного искусства.

В 1922 году по классу профессора Коргуева окончил Петроградскую консерваторию один из учеников профессора Ауэра Ю. И. Эйдлин, впоследствии знаменитый профессор, заведующий кафедрой Ленинградской консерватории. В его классе проходили школу высшего скрипичного мастерства выдающиеся музыканты Борис Сергеев, Михаил Вайман, Борис Гутников, Антонина Казарина и другие. Так продолжались традиции.

Талантливый скрипач, педагог, композитор Вениамин Шер тоже окончил класс профессора Коргуева. С 1925 года Шер вел класс в Ленинградской консерватории, где работал вплоть до своей кончины в декабре 1962 года. Он воспитал много достойнейших скрипачей, ярких музыкантов, вдумчивых и успешных педагогов: это Владимир Парашин, Семён Шак, Марк Комиссаров, Владимир Овчарек и другие.

Велик творческий вклад профессора Коргуева в отечественную музыкальную педагогику, в развитие петербургской и московской скрипичных школ. Сергей Павлович проявлял интерес к проблеме оптимизации учебного процесса, к созданию и развитию наиболее приемлемых для учащихся и учителей условий обучения и взаимодействия в этом процессе. Его деятельная натура нашла применение своим силам ещё и в должности председателя Отдела игры на оркестровых инструментах, которым он руководил несколько лет. Его стараниями Отдел (будущий Оркестровый факультет) пополнялся прекрасными музыкантами, достойными преподавателями, знаменитыми профессорами. Так, его помощником в качестве секретаря Оркестрового отдела стала известная концертирующая скрипачка школы Ауэра, впос-

ледствии профессор Петербургской–Ленинградской консерватории, Мария Николаевна Гамовецкая (1869–1941). Окончив Консерваторию и получив в 1889 году диплом на звание «свободного художника», Гамовецкая в течение двадцати двух лет триумфально гастролировала с концертами по городам России и Западной Европы. В анкете 1926 года Гамовецкая указала свою национальность — украинка. Есть основания полагать, что Мария Николаевна стала первой украинской женщиной — профессором Консерватории по классу скрипки. Профессор Гамовецкая снимала квартиры в домах на набережной реки Мойки, дом 82/1 (угол Фонарного переулка), квартира 31, и в Максимилиановском (ныне Пирогова) переулке, дом 2, квартира 39.

Профессор Коргуев, по аналогии с ныне принятой должностной структурой, занимал должность декана Оркестрового факультета. Примечательно, что в должностном реестре сотрудников Петроградской консерватории фамилия Коргуева — председателя Совета оркестрового отдела — стоит под номером три, а под первым номером — ректор, известнейший композитор, дирижёр, профессор А. К. Глазунов. В профессорско-преподавательской среде Консерватории и среди студенчества профессор Коргуев пользовался большим уважением как замечательный профессионал и человек высокой культуры, принципиальный и обязательный. Много внимания и времени он уделял исполнению общественных обязанностей: был избран представителем на съезд деятелей Российского музыкального общества (назначенный на 14 мая 1917 года), являлся членом библиотечной комиссии (представитель от профессоров) и членом комиссии по выработке штатов Консерватории. Коргуев снимал квартиру недалеко от места работы по адресу: Офицерская (ныне Декабристов) улица, дом 6, квартира 34. В анкетах на вопрос о семейном положении отвечал «одинок».

Разрушение традиций во всех областях жизни, наступившее после Октябрьского переворота 1917 года, не могло не породить у профессора Коргуева, как и у значительной части русской интеллигенции, внутренний протест, тем более что вся профессиональная (артистическая и педагогическая) деятельность Сергея Павловича основывалась на сохранении и развитии традиций русской культуры, русской музыки. Тем не менее профессиональный

долг профессор выполнял с той же аккуратностью и чувством ответственности, которыми был известен его стиль работы в консерваторской среде и за ее пределами. В начале 1920-х годов у него в классе занималось около тридцати студентов. Это тем более удивительно и достойно глубокого уважения, если представить нечеловечески трудное, голодное, холодное, беззащитное существование большинства населения России тех лет.

Об этом времени сохранились впечатления профессора Петроградской консерватории, блестящей пианистки М. Н. Бариновой. Она вспоминала осень и зиму 1919 года так: «В консерватории стали “редеть” педагоги и служащие. Многие умирали от недоедания. В классах не топили, инструменты стояли без струн. Студенты не могли упражняться в холодных помещениях и ходили голодные»⁷. Остаётся добавить, что свои воспоминания профессор Баринова писала в блокадном Ленинграде под авиабомбами и артобстрелом. Её квартира находилась в доме № 119 по набережной канала Грибоедова⁸.

Видимо, критическая ситуация тех лет вынудила Коргуева позаботиться о себе, своей профессии и семье, которая к тому времени образовалась. Он стал хлопотать о выезде за границу. В 1922 году Художественный совет Консерватории принял постановление и направил в Москву письмо-ходатайство, подписанное ректором: «При сём считаю необходимым добавить, что названные профессора (А. А. Винклер⁹ и С. П. Коргуев. — *Л. Н.*) не пользовались отпусками в течение двадцатилетней службы и в настоящее время нуждаются в продолжительном отпуске и лечении для исправления совершенно расстроенного их здоровья»¹⁰. В 1924 году в Москву была отслана характеристика профессора Коргуева, подписанная ректором Глазуновым и проректором А. В. Оссовским. В июне 1925 года

⁷ *Баринова М. Н.* Музыка и ее представители в моей жизни (из воспоминаний). СПб., 2002. С. 105. Книга увидела свет уже после кончины автора.

⁸ В настоящее время там живёт её сын — известный музыкант, профессор консерватории Ю. В. Гамалей, долгое время служивший дирижёром оркестра Театра оперы и балета им. С. М. Кирова.

⁹ Винклер Александр Адольфович (1865–1935) — пианист, композитор, педагог. В 1896–1924 гг. преподавал в Петербургской–Петроградской консерватории (с 1909 г. профессор). Жил в Коломне по адресу: наб. реки Фонтанки, 141. С 1925 г. жил за рубежом.

¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 2. Д. 1576. Л. 10.

Коргуев уехал на лечение в Германию вместе с женой Марией Ивановной и племянником Виктором Петровым. В последнем опросном листе от 14 мая 1925 года профессор Коргуев сообщил, что владеет четырьмя языками (кроме русского) — немецким, английским, французским и польским («пищу, читаю и говорю») и что «заведовал по вольному найму кустарными музыкальными промыслами в Министерстве Земледелия» (до революции. — Л. Н.)¹¹.

Коргуев не вернулся в Россию и остался работать за границей. Газета русских эмигрантов «Новое русское слово», издававшаяся в Нью-Йорке, в номере от 10 ноября 1929 года приветствовала приезд Коргуева в Америку. За границей труды Коргуева оказались востребованы. Консерватория высылала по почте экземпляры его сочинений «Упражнения в двойных нотах», «Основы скрипичной техники» и другие в Германию (Ганновер), Аргентину (Буэнос-Айрес) и в США (штат Нью-Гемпшир, Дортмундский колледж).

К сожалению, имя профессора С. П. Коргуева оказалось забытым на долгие годы, нет персональной статьи о нем в Музыкальной энциклопедии, издававшейся в 1973–1982 годах в Москве. Очевидно, пришло время отдать должное выдающемуся музыканту, знаменитому скрипачу, педагогу, одному из столпов Петербургской скрипичной школы, образованнейшему человеку своего времени профессору Коргуеву. Пусть останутся в нашей памяти слова из характеристики, подписанной ректором консерватории Глазуновым и проректором Оссовским 27 июня 1924 года: «Правление Ленинградской Государственной Консерватории удостоверяет, что свободный художник Сергей Павлович Коргуев — человек совершенно безупречных и твердых нравственных правил, в течение всей своей службы ни разу не давал ни малейшего повода усомниться в его моральной устойчивости, неизменно пользуется общим уважением и авторитетом как среди профессуры, так и студенчества, и отдаёт все свои силы и время на работу в Консерватории»¹².

В эти годы так же беззаветно трудился в Петербургской–Ленинградской консерватории коллега профессора Коргуева и его

¹¹ Там же. Л. 23.

¹² Там же. Л. 11.

товарищ по учёбе в классе профессора Ауэра Эммануил Эдуардович Крюгер. Отец Крюгера был почётным гражданином города Риги. Его мать состояла в родстве с семьёй Тургеневых. В метрической книге Владимирской церкви города Твери была сделана запись под номером 21 за 1865 год: «Апреля 17 родился, 18 крещён Эммануил, родители его: Рижский гражданин Эдуард Иванов Крюгер, лютеранского исповедания, Елизавета Петрова, православного исповедания»¹³. Таково свидетельство о рождении будущего профессора класса скрипки Петербургской консерватории, кавалера орденов Св. Станислава и Св. Анны, солиста Императорских театров, концертмейстера оркестра Мариинского театра, а затем заслуженного артиста и Героя Труда (1923) Советской России. С детства Эммануил занимался на скрипке, в двенадцать лет поступил в Московскую консерваторию в класс профессора И. В. Гржимали, где проучился шесть лет. Затем Крюгер переехал в Петербург и продолжил учебу в классе профессора Ауэра. Он стал одним из лучших учеников знаменитого скрипача, о чём тот неоднократно с гордостью вспоминал в упомянутой выше книге, написанной уже в США, куда Ауэр уехал в 1917 году со своими учениками последних выпусков.

Обладая ярко выраженным талантом скрипача-виртуоза и к тому же, что встречается редко, необыкновенно красивым звуком, Крюгер часто выступал в концертах с сольными программами, включавшими произведения П. И. Чайковского, А. К. Глазунова, Ц. А. Кюи, Э. Грига, Г. В. Эрнста, А. Вьетана, Ю. Венявского, К. Сен-Санса, а также в ансамблях. Около 20 лет он играл в составе струнного Ауэровского квартета. «Это скрипач с превосходным большим тоном, лучшим в России, с выдающейся техникой», — писал о Крюгере известный мастер по изготовлению скрипок А. И. Леман¹⁴. «Игра Крюгера-Тургенева отличается замечательным благородством, так сказать, классицизмом и окон-

¹³ РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Ед. хр. 545-а. Л. 11. Считаем необходимым уточнить дату рождения Крюгера-Тургенева: Музыкальная энциклопедия указывает, что день его рождения — это 30 апреля нового стиля, но подлинная дата — 29 апреля.

¹⁴ Леман А. И. Скрипачи и скрипки. СПб., 1910. С. 41.

ченностью», — отзывался барон Б. А. Фитингоф-Шель¹⁵. Окончив Консерваторию в 1887 году, Крюгер стал одним из концертмейстеров (первым скрипачом-солистом) вновь образованного оркестра, в состав которого в основном входили выпускники Петербургской и Московской консерваторий.

С 1885 года Крюгер — солист-концертмейстер оркестра Мариинского театра. В 1899 году он был принят преподавателем класса скрипки в Петербургскую консерваторию, за усердную службу в которой пожалован орденами, в 1908 году возведён в звание профессора, а в 1912 году получил чин коллежского асессора. Помимо занятий в Консерватории Крюгер уделял большое внимание работе с музыкально одарёнными детьми в Инструментальных классах Капеллы (15 лет) и в различных музыкальных школах и училищах. Он был среди основателей музыкальной школы при Охтинских пороховых заводах. В 1919–1922 годах служил в Симфоническом оркестре Политуправления Красной Армии и Красного Флота.

Нельзя не вспомнить о сольных выступлениях Крюгера на концертах с разнообразной скрипичной программой. В течение десяти лет (конец XIX — начало XX века) он выступал в Павловске¹⁶. Музыкальные традиции Павловского вокзала продолжались и во второй половине XIX — начале XX века. Здесь каждое лето звучала классическая и современная музыка, исполнялись симфонии отечественных и зарубежных композиторов, выступали известные пианисты и скрипачи. Крюгер снимал на лето дачу в Павловске для всей семьи, чтобы находиться в близости от места летней работы. О его концертных выступлениях сообщали такие газеты, как «Новости», «Санкт-Петербургский листок», «Сын Отечества», «Санкт-Петербургские ведомости», «Санкт-Петербургская газета», «Новое время».

Приведём лишь некоторые отзывы¹⁷. На первом Русском вечере в Павловске Крюгер исполнил Меланхолическую сере-

¹⁵ Мировые знаменитости. Из воспоминаний барона Б. А. Фитингоф-Шеля (1848–1898). СПб., 1899. С. 127.

¹⁶ Вокзал (концертный зал) в городе Павловске, в 25 км от Петербурга, где знаменитый австрийский композитор и скрипач Йозеф Штраус (младший) дирижировал исполнением своих вальсов в середине XIX в.

¹⁷ Выдержки из газет см.: Рекламный проспект с портретом концертмейстера и солиста оркестра Императорского балета Э. Э. Крюгера. 26 января 1900 г. // Музей истории Санкт-Петербургской консерватории.

наду П. И. Чайковского. «Тон его сильный, техника блестящая и элегантная, фразировка, законченная. Прекрасно сыграл он на бис Мазурку Губая и Романс г. Ауэра». «11-го июля в Павловске солистом симфонического концерта был г. Крюгер, по справедливости считающийся одним из «славных» в плеяде учеников г. Ауэра. С присущим всем питомцам этого профессора выдержкою, спокойствием, закруглённостью в игре и благородством тона г. Крюгер исполнил восьмой концерт Шпора и на многочисленные требования бисов сыграл несколько вещей, г. Крюгер имел большой успех и воочию доказал, что приглашение из-за границы каких-то неведомых и бесталанных скрипачей <...> представляется ничем неоправдываемым недоразумением».

«В 12-м симфоническом концерте 20 августа в Павловске из солистов принимал участие наш талантливый скрипач г. Крюгер, прекрасно сыгравший трудный концерт Эрнста и на бис Мелодию Чайковского и Ноктюрн Шопена. Г. Крюгер очаровал слушателей мягкостью, красотою, певучестью своего смычка и изяществом игры. Почитатели симпатичного артиста поднесли ему ценный серебряный письменный прибор».

«Талантливый скрипач г. Крюгер (концертмейстер Павловского оркестра) выступил на этом вечере с концертом Вьетана и своим артистическим исполнением, в котором особенно выдаётся его сочный, красивый, полнозвучный тон, доставил большое художественное наслаждение слушателям, наградившим любимого артиста шумными аплодисментами. На бис г. Крюгер изящно сыграл Вальс Венявского и небольшую пьесу Алоиза».

Высказывания репортёров других газет аналогичны приведённым. Восприняв лучшие черты всемирно известной Петербургской скрипичной исполнительской и педагогической школы Ауэра и не менее знаменитой московской скрипичной школы Гржимали, Крюгер воспитал многочисленных учеников, передавая традиции своей школы следующим поколениям музыкантов. Продолжателем дела отца стал его младший сын Борис, всю жизнь проработавший в детских музыкальных школах и училищах Ленинграда. Старший сын профессора Крюгера Владимир стал актёром, заслуженным артистом Республики, работал в Академическом театре драмы им. А. С. Пушкина (Александринском). Семья Крюгеров — одна из тех, что способствовали обра-

зованию интеллигентской среды Петербурга–Петрограда–Ленинграда.

В 1928 году новой администрацией Ленинградской консерватории была предпринята попытка отправить Крюгера на пенсию, но она встретила решительное сопротивление студентов — учеников профессора. Как память того времени и своеобразную характеристику Крюгера приведем текст заявления студентов в адрес администрации Ленинградской консерватории:

«В Правление Ленинградской Гос. Консерватории
П/Х — 28 г.

От студентов Лен. Гос. Консерватории
по классу профессора Крюгера

Заявление

По дошедшим до нас сведениям Правление Ленинградской Консерватории на своем заседании от 29 сентября постановило возбудить ходатайство о пенсии для нашего Профессора Э. Э. Крюгера с тем, чтобы с момента утверждения пенсии отстранить его от активной работы в консерватории.

В интересах нормального хода наших занятий, мы, нижеподписавшиеся, считаем необходимым обратиться в Правление Консерватории со следующим заявлением: для нас — студентов класса профессора Крюгера совершенно очевидно, что вышеупомянутое постановление ни в коем случае не могло быть вызвано какими-либо существенными мотивами, как то: утраты работоспособности, плохим отношением профессора к студенчеству или напротив недоверием студенчества к профессору, небрежным отношением к занятием с учениками, манкированием уроками и т. д. и т. п.

Напротив, наряду с исключительной работоспособностью, любовным и чутким отношением к своему делу, мы всегда отмечали редкую способность профессора вносить в обычную педагогическую работу творческую энергию и темперамент, способность вдохновлять и зажигать своих учеников.

Ввиду отсутствия мотивов для отстранения профессора Крюгера от той плодотворной работы, которой он отдал двадцать восемь лет (к тому времени 35 лет. — Л. Н.) своей жизни, которой и поныне отдаёт все свои силы, мы выражаем решитель-

ный протест против вышеуказанного постановления и заявляем, что всякие попытки исключить нашего профессора из среды активных работников консерватории будут нами рассматриваться как незаслуженное оскорбление, нанесённое в равной степени как Э. Э. Крюгеру, так и нам, его ученикам»¹⁸. Под заявлением поставлены 22 подписи.

На следующий год Эммануил Эдуардович вынужден был уйти из Консерватории, продолжив работу концертмейстера оркестра в Театре оперы и балета им. С. М. Кирова и преподавателя в музыкальных школах города. Выдающийся скрипач и педагог скончался в 1938 году накануне своего 73-летия, похоронен на Волковом (лютеранском) кладбище на семейном участке.

Связь времён, однако, не распалась. Многочисленные ученики профессора Крюгера воспитали, в свою очередь, следующие поколения российских музыкантов. Сын профессора — Б. Э. Крюгер посвятил всю свою жизнь работе с музыкально одарёнными детьми. С пяти лет начала заниматься в его классе автор этой статьи. С детских лет в классе Б. Э. Крюгера начали путь скрипача нынешние профессора Петербургской консерватории А. М. Казарина, А. Д. Резниковский и другие музыканты. Они продолжают славные традиции первой русской Консерватории.

Большая часть жизни профессора Э. Э. Крюгера связана с Коломной. Сохранились сведения об адресах квартир, где жил профессор с семьей: набережная Екатерининского (Грибоедова) канала, дома 104, 96 (квартира 15), 85; Средняя Подъяческая улица, дома 8 и 15 (квартира 5); Екатерингофский проспект, дом 8 (квартира 8); Большая Подъяческая улица, дом 25 (квартира 8).

Скрипач и педагог Б. Э. Крюгер продолжал жить со своей семьёй на одной из Подъяческих улиц до своей кончины в 1970-х годах. Семья музыкантов Крюгеров в течение 100 лет обитала в Коломне.

Возрождение и сохранение памяти о прошлом, без чего невозможно ни полноценное настоящее, ни тем более будущее, — наше общее дело. Будем помнить, что деятельность профессоров Консерватории Коргуева, Гамовецкой, Крюгера и других — то связующее звено, которое не дало исчезнуть традициям великой русской культуры, перешедшим в достижения следующих поколений.

¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 2. Д. 1679. Л. 30.

О. И. Молкина

**Судьбы учениц
Ивановского девичьего училища
и Коломенской женской гимназии***

В 1817 году в ведомстве Императорского Человеколюбивого общества начали образовываться так называемые «девичьи школы». На средства, собранные по подписке, в которой приняла участие императрица Елизавета Алексеевна, был принят первый «опыт призрения и воспитания малолетних бедных детей женского пола»¹. С 1817 по 1819 год было образовано четыре подобных учреждения в разных районах Петербурга, которые успешно действовали.

1 июня 1833 года была учреждена пятая девичья школа, названная Ивановской в честь благотворителя Степана Григорьевича Иванова. Он завещал Обществу капитал, доходы с которого пошли на организацию школы. В 1858 году была проведена реорганизация, в результате которой осталось только три школы. Две из них, в том числе Ивановская, были предназначены для девиц благородного происхождения и одна — для девиц податных и других низших сословий. Ивановская школа была рассчитана на 65 человек, и на ее содержание было назначено 6 570 рублей в год.

С 1 сентября 1867 года в стенах Ивановской школы обучение было прекращено. Воспитанницы в качестве приходящих пансионерок Совета Человеколюбивого общества стали учиться в Коломенской женской гимназии, принадлежавшей ведомству учреждений императрицы Марии.

* См. подробно: *Молкина О.* Над нами красный крест. СПб., 2005 (1-е изд.), 2007 (2-е изд.). (www.colonia.spb.ru)

¹ Исторический очерк Совета Императорского Человеколюбивого общества. СПб., 1898.

Ивановская девичья школа 12 сентября 1871 года была переименована в «Ивановское девичье училище», новое здание для которого было построено в доме № 14 на Торговой улице². Вскоре и Коломенская гимназия была переведена в новое здание рядом с училищем. Помимо основных предметов, в Коломенской женской гимназии девушек обучали также педагогике, чтобы после окончания курса они могли претендовать на звание домашней учительницы или наставницы. В помещении Коломенской женской гимназии бывали встречи с известными людьми. Так, Ф. М. Достоевский читал здесь отрывки из своего романа «Братья Карамазовы».

В Ивановском девичьем училище большое внимание уделялось музыкальному и, как сказали бы теперь, эстетическому воспитанию. Девочки пели в хоре, танцевали, многие занимались с преподавателями фортепиано индивидуально. Рядом находилась Консерватория, поэтому некоторые преподаватели приходили заниматься с пансионерками. Часто ставились разные спектакли, устраивались концерты.

Положение училища и гимназии было достаточно стабильным, и они благополучно просуществовали до революции 1917 года.

В конце 1917 — начале 1918 года многие учреждения, в том числе школы, закрывались, но обучение в Коломенской гимназии велось до самой весны. Пансионерки Ивановского девичьего училища также продолжали заниматься науками, музыкой и даже танцами, несмотря на голод, холод и разруху.

Весной 1918 года заведующая училищем княжна З. А. Мышецкая получила уведомление о том, что Областной комитет Всероссийского союза городов организует группы учащихся для отправки их на летние каникулы в глубь страны, где дети могли бы подкормиться, окрепнуть и забыть на время о тяготах жизни в революционном Петрограде.

В училищах, гимназиях и школах стали формироваться группы учащихся под руководством учителей и воспитателей. Следовало подготовиться к отъезду в конце мая. С родителей учащихся взималась солидная плата, а те, кто внести ее не мог, отправлялись за счет Союза городов.

² Сейчас улица Союза Печатников.

Всероссийский союз городов был создан в начале Первой мировой войны как патриотическая организация либеральных помещиков и буржуазии и существовал в основном на частные пожертвования. Его целью была помощь больным и раненым по всей России. Союз городов возглавлял московский городской голова М. В. Челноков. Комитеты Союза городов занимались оборудованием и снабжением госпиталей, закупкой и поставкой продовольствия, одежды, медикаментов, оборудования для лазаретов, организацией санитарных поездов. В патриотически настроенных кругах дворянства и интеллигенции считалось почетным участвовать в работе Союза городов. После революции Декретом Советской власти Союз городов был упразднен, а его дела были частично переданы также реорганизованному Красному Кресту и Наркомпросу. Однако деятельность организации на местах продолжалась еще некоторое время. Позднее она стала осуществляться из-за границы, куда постепенно переместились комитеты.

Эвакуация детей из голодного Петрограда стала одной из последних больших операций Союза городов.

В различные губернии были отправлены представители с тем, чтобы организовать так называемые «летние питательные колонии» для юных петроградцев. Летние детские колонии (пробораз будущих пионерских лагерей) были к тому времени делом вполне обычным. Первые такие колонии устраивались еще в конце 1880-х годов.

В 1918 году несколько колоний было организовано на Украине, в частности в Полтавской губернии. Две больших группы детей предполагалось отправить на Урал (в город Миасс) и в Петропавловск.

Вот что написано в отчете Петроградской Областной организации Союза городов в разделе, посвященном продовольственной помощи:

«Прилагая свои силы к улучшению снабжения населения продовольствием на местах, Областной Комитет не мог не остановиться перед частичным разрешением этого вопроса другим путем — эвакуации части населения в питающие губернии. Естественной, что первой задачей должна быть эвакуация из Петрограда детей в более юном возрасте от 7 до 14 лет, почти

обреченных здесь на вымирание. Областной Комитет заблаговременно командировал двух своих представителей в питающие губернии для подыскания помещений под детские колонии и организации таковых на местах. Несмотря на многие препятствия, как в центре, так и на местах, несколько таких колоний приготовлены, и первый санитарный поезд с 475 детьми отбыл из Петрограда 5/18 мая в Миасс, Оренбургской губ. Второй санитарный поезд с 420 детьми отбыл из Петрограда 12/25 мая в Петропавловск, где организована своя многолюдная колония <...> За этими поездами последует значительное количество поездов, вероятно, до 15-ти»³.

Действительно, 18 мая 1918 года на Финляндском вокзале собралось множество ребят разного возраста. Среди них были и девочки из Ивановского девичьего училища. В основном это были старшеклассницы, то есть ученицы третьего и второго классов (нумерация ступеней обучения в то время была обратной).

Оля и Женя Копосовы, Катя Козлова, Таня Афанасьева и другие девочки ехали в сопровождении преподавательницы гимназии Веры Ивановны Кучинской. Она была назначена ответственной за все группы детей из района Коломны. С ней ехали три ее дочери Нина, Галя и Женя.

Мама сестер Копосовых провожала дочерей. Отца у них не было, и они почти не помнили его. Аркадий Михайлович Копосов погиб еще в 1905 году в японскую кампанию. Это обстоятельство и послужило одной из причин, по которым Женя и Оля оказались в качестве пансионеров в Ивановском девичьем училище. До конца своих дней Евгения Аркадьевна Копосова с гордостью говорила: «Я училась в пансионе! Я знаю, как себя вести!» И действительно, Женя Копосова знала, что надо во всех ситуациях сохранять присутствие духа, не показывать свое волнение. Поэтому прощание с мамой прошло вполне спокойно. Другие дети тоже были увлечены мыслями о предстоящем путешествии, и это позволило представителю Союза городов, который присутствовал при прощании, написать в своем отчете:

³ Издание Петроградской Областной Организации Всероссийского Союза Городов. № 6–7. Апрель-июнь 1918. С. 9.

«...При прощании с родителями из 475 ребят заплакала только одна девочка»⁴.

Девочки из Ивановского девичьего училища старались держаться вместе, да и поместили учащихся в вагоны с учетом их принадлежности к тому или иному району. Здесь были дети с Васильевского острова, с Петроградской стороны, из Литейной части, других районов города и даже из Гатчины.

Санитарный состав был оборудован двухъярусными койками, железной печкой и ведром с сиденьем за ширмой в качестве туалета. Поддерживать чистоту и порядок должен был нанятый персонал, но его не хватало, и вскоре ребятам самим пришлось заняться некоторыми хозяйственными делами. Путь был долгим. Поезд шел медленно, очень часто останавливался и долго стоял на разъездах и полустанках.

При подъезде к Челябинску поезд вдруг резко остановился, и в вагоны стали входить военные в незнакомой форме и с оружием не русского образца (это сразу заметили мальчики). Военные вели себя независимо и говорили на непонятном языке, хотя и похожем на русский.

Восстание Чехословацкого корпуса, произошедшее как раз в эти дни, послужило причиной такого поведения чужих солдат. Власть в этих местах временно перешла в руки чехов и представителей Белой армии. Началась Гражданская война. Но ни воспитатели, ни тем более ребята ничего об этом не знали.

В результате долгих переговоров с представителями чешского командования поезд смог отправиться дальше, и вскоре ребята уже прибыли к месту назначения — в небольшой уральский городок Миасс.

Девочки из Ивановского училища поселились на одной из арендованных дач, и их дружба с того времени только крепла. Лето прошло в обычных для подростков занятиях: гуляли, играли, ходили купаться, пели по вечерам любимые всеми русские народные песни, читали привезенные с собой книжки, обменивались впечатлениями о мальчиках, которые разместились в здании бывших военных казарм.

⁴ Там же.

Во время войны здание было переоборудовано в госпиталь. Раненые и больные солдаты (представители Австро-Венгерской армии, которые и составляли основной контингент Чехословацкого легиона) покинули госпиталь незадолго до приезда ребят. В одном из музеев Челябинска⁵ сохранилась фотография, на которой множество людей в военной форме иностранного образца стоят на ступенях дома с колоннами. На дверях прикреплена табличка: «Это здание подготовлено для эвакуированных из Петрограда детей». Люди в военной форме — выздоравливающие солдаты Чехословацкого легиона — сфотографировались на память, прежде чем освободить помещение для петроградских детей.

Конечно, старшие девочки бывали и здесь, в гостях у мальчиков, хотя в комнаты вряд ли заходили по причине строгости нравов. Встречались на улице, чтобы пойти прогуляться. Город был совсем небольшой, особенных развлечений в нем не было...

К концу лета обеды и ужины становились все более скудными. Деньги, отпущенные воспитателям на содержание колонии, стремительно обесценивались. Вскоре стало ясно, что путь назад, в Петроград, отрезан линией фронта. Старшие девочки переживали это известие очень тяжело.

Возможно, лишь воспитанницы Ивановского девичьего училища перенесли новость более стойко. Ведь они привыкли жить вне дома, редко видеть своих родителей. У многих отцы погибли на войне. Да и летняя жизнь вдали от семей тоже была для них обычным делом.

Евгения Аркадьевна Копосова вспоминала, что начальница «пансиона» княжна Зинаида Аркадьевна Мышецкая каждое лето снимала для своих подопечных дачу на берегу реки Волхов. Именно там девочки научились играть в модную тогда игру крокет. Много гуляли, собирали гербарии, ходили все вместе за грибами и ягодами. По воспоминаниям Копосовой, летом воспитанницы меняли обычную гимназическую форму, состоявшую из камлотового платья и фартука, на более легкие платья. На голову повязывали косынки, чтобы не напекло солнце. Иначе начальница и воспитательницы ругали их.

⁵ Музей Южно-Уральской железной дороги. Челябинск.

Летом на даче девочки из Ивановского училища много и с удовольствием пели. Вот и теперь, в колонии, они стали устраивать вечера с пением. Но песни становились все более грустными.

С приходом осени воспитателям пришлось задуматься над тем, как тепло одеть своих подопечных. На помощь пришли местные благотворительные организации, комитеты и отделения Красного Креста и Союза городов. Детей одели и обули, старались кормить по возможности сытно, но это не всегда удавалось. Возможности местных организаций были не безграничны.

Пришлось идти на крайние меры. Колония была разделена на группы, которые расселились в разных местах Урала. Так легче было найти жилье и пропитание. Ребята постарше нанимались в работники к зажиточным крестьянам, за что получали еду и кров. Девочки пытались заниматься рукоделием, продавать свою не слишком качественную продукцию на рынке. Младшие часто не выдерживали и начинали попрошайничать и даже воровать. К зиме ситуация стала совсем тяжелой.

Помощь пришла с неожиданной стороны. В то время во Владивостоке располагалась Американская Сибирская Миссия. В ее рамках работал и Американский Красный Крест.

В то время, когда слухи о бедственном положении петроградских детей достигли Владивостока, во главе миссии Американского Красного Креста стоял человек по имени Райли Аллен — журналист из Гонолулу (Гавайи), приехавший в Россию с группой волонтеров, среди которых были его коллеги из редакции. Аллен решил взять детей под свою опеку.

К тому времени девочки из Ивановского училища оказались уже в городе Троицке, где для них нашелся приют на территории женского монастыря, которым руководила известная в этих краях настоятельница матушка Феофания. Жилось в Троицке не так уж плохо. Девочки ходили в местную гимназию, когда позволяла погода. В особо снежные дни ходили только те, кому выпала очередь надевать большие мужские сапоги, оставшиеся в монастыре, очевидно, от живших там раньше раненых солдат. Сапог не хватало, но девочки всегда были рады уступить подругам свою очередь. Надо думать, не из соображений благородства и товарищества, хотя учиться в местной гимназии было куда проще, чем в Петрограде, но все же и здесь задавали уроки и про-

веряли тетради. Гораздо больше, чем уроки, девочкам нравились праздничные вечера со спектаклями, которые устраивались местной общественностью в гимназии. Евгения Копосова всю жизнь хранила в своем архиве фотографии сцен из спектакля «Электра» по знаменитому произведению Софокла, в котором она играла главную роль. Роль Ореста играл колонист, учившийся в мужской гимназии по соседству и тайно вздыхавший по своей партнерше по спектаклю.

По вечерам девочки продолжали совершенствовать свои вокальные данные. А некоторые из них, как, например, Катя Козлова, даже умудрялись зарабатывать пением в церкви. За это они получали в основном не деньги, а какие-то продукты. Иногда это была мука или крупа, иногда белый хлеб, а случалось, что перепадали и котлеты из конины (среди местного населения было много мусульман, торговавших конским мясом на рынке).

Но веселые дни кончились, и вскоре всех колонистов начали собирать по городам, селам и станицам, в которых они оказались к тому времени. Три больших железнодорожных состава отвезли почти тысячу петроградцев (членов Первой и Второй колоний) в далекий город Владивосток, где уже ждали гостеприимные американцы — сотрудники Красного Креста.

Целый год провели колонисты во Владивостоке на полном обеспечении американцев. Райли Аллен и его помощники заменили ребятам на время родителей, которые давно уже практически ничего не знали о своих детях.

Во Владивостоке колонисты двух колоний, которые теперь объединились в одну, жили на станции Вторая Речка и на знаменитом острове Русский. Старшие девочки стали «островитянками». Мальчики ходили к ним в гости из города зимой — по льду, летом — на катере.

Некоторые девочки, в том числе Женя Копосова, начали обучаться сестринскому делу. Из них стали готовить настоящих сестер милосердия. Некоторые девочки настолько увлеклись этим делом, что впоследствии стали медицинскими работниками — медсестрами, фармацевтами, врачами.

Когда весной 1920 года Американская Сибирская Миссия получила приказ покинуть Россию, Красный Крест должен был также свернуть свои дела и уехать домой, в Америку.

Райли Аллен стоял перед выбором: подчиниться приказу и оставить тысячу своих подопечных, которых он уже успел «приручить», на произвол судьбы или предпринять какие-то невероятные усилия, чтобы иначе решить их судьбу. Аллен решил, что не сможет оставить здесь детей, которые доверяли ему все эти долгие месяцы и которых он уже успел и сам полюбить.

Поэтому ценой невероятных усилий он сумел зафрахтовать на средства Красного Креста японский сухогруз «Йомей Мару» и в кратчайшие сроки переоборудовать его под плавучее жилье для более чем тысячи пассажиров.

13 июля 1920 года корабль «Йомей Мару» с красным крестом на трубе, под американским флагом и под командованием японского капитана покинул Владивосток и начал свой долгий путь к берегам Балтики.

Первая же остановка в пути дала возможность юным путешественникам не только увидеть удивительную неведомую страну Японию, но и продемонстрировать свои творческие возможности.

Во время экскурсии в японском порту Муроран (остров Хоккайдо) состоялись встречи в местных школах с японскими детьми. Японцы устроили небольшой концерт в честь гостей, а петроградские девочки не остались в долгу. Русские песни в их исполнении звучали особенно звонко в этот день. Были среди выступавших и ученицы Ивановского девичьего училища. Княжна Мышецкая могла бы гордиться своими воспитанницами...

А затем был переход через два океана, множество удивительных впечатлений и приключений. Были экскурсии, прогулки, концерты и встречи с соотечественниками в замечательном городе Сан-Франциско, переход через Панамский канал с его уникальными шлюзами, прибытие в «Город Желтого Дьявола», как называл его М. Горький, — Нью-Йорк и дни, проведенные там при постоянном пристальном внимании и восторгах прессы и общественности. Были и печальные моменты, связанные с несчастными случаями и даже смертью. Но общие впечатления от этого волшебного путешествия не могли быть омрачены надолго никакими обстоятельствами.

Девочки из Ивановского училища продолжали и на борту «Йомей Мару» выступать в хоре и просто петь по вечерам, грус-

тя о далеком доме. Они все уже успели вырасти и повзрослеть. Многие обзавелись постоянными воздыхателями и ухажерами. Они же были и партнерами по танцам, которые устраивались каждую субботу. Оркестр состоял из мальчиков-колонистов, а инструменты были еще в Сибири подарены Американским Красным Крестом.

Если в своей Коломенской гимназии девочки изучали французский и немецкий языки, то теперь они начали потихоньку осваивать язык своих спасителей — английский. Но и спасители в долгу не оставались: то один, то другой американец приходил к детям и просил научить его каким-то новым русским словам. Ребята, конечно, делали это с удовольствием.

До конца своих дней Евгения Аркадьевна Копосова помнила некоторые стихи и песенки на английском языке, которые она выучила на борту японского судна. Но, к сожалению, немногим удалось как следует овладеть английским.

Французский порт Брест стал одной из последних остановок на долгом пути домой. Там корабль стоял два или три дня, но никого дальше причала не выпускали. Никаких общений с местным населением не было. Россия и Франция были тогда в весьма непростых отношениях. Еще хуже были отношения между Финляндией (которая только недавно получила независимость) и Советской Россией. А именно к берегам Финляндии подошел корабль с русскими детьми в сентябре 1920 года. Однако и здесь, несмотря на не слишком теплый прием, удалось договориться с местными властями, и детей поместили в пустовавшие здания бывшего Императорского санатория в поселке Халила (сейчас это санаторий Сосновый Бор на территории России).

Только в декабре 1920 — январе 1921 года удалось переправить небольшими группами всех детей через советско-финскую границу, проходившую по реке Сестре вблизи поселка Белоостров.

Прошло два с половиной года с тех пор, как дети покинули Петроград. Теперь они возвращались в него повзрослевшими, узнавшими жизнь в разных ее проявлениях. Они уезжали с Финляндского вокзала и вернулись на него же. Но если в мае 1918-го они ехали на восток, то сейчас они вернулись с запада. Это было настоящее кругосветное путешествие — единственное в истории

незапланированное заранее путешествие такого количества детей. У них не было ни паспортов, ни виз, ни денег. Но им посчастливилось найти друзей, которые взяли на себя ответственность за них, которые потратили не только миллионы долларов, но отдали много физических и душевных сил во имя того, чтобы вернуть совершенно чужих детей родителям, ждавшим их в далеком Петрограде, в стране, к которой в США относились отнюдь не дружелюбно. Но дети не могут быть ничьими врагами. Поэтому девочки из Ивановского девичьего училища, как и все остальные колонисты, на всю жизнь сохранили добрую память об Аллене и его соратниках и благодарность замечательной организации, которая называется Международный Красный Крест.

Вернувшись в Петроград, девушки задумались о своем будущем. Ольге Копосовой оставался еще год до окончания школы. Она вернулась в свое Ивановское училище, которое называлось теперь по-новому: «32-я Трудовая школа». Женя была на год старше, к тому же уже окончила первый (последний по счету) класс во Владивостоке. Однако аттестат, полученный на территории, занятой «белыми», не признали действительным, а снова садиться за парту вместе с младшей сестрой Женя не хотела, да и не могла — надо было помогать матери. И Женя стала помощником библиотекаря в Институте растениеводства, которым руководил тогда молодой Н. И. Вавилов.

Вскоре жизнь разбросала этих девочек по свету. У каждой была своя судьба, но сестры старались не терять связь друг с другом.

Оля Копосова вышла замуж за колониста из василеостровской группы Юру Заводчикова. У них родилась дочь Валерия, затем внучка Ольга, у которой в свою очередь появился сын Юрий, названный в честь его прадеда — кругосветного путешественника. Ольга всю жизнь оставалась в Ленинграде и только ненадолго покидала его во время эвакуации в 1942 году. Ее сестра Женя уехала из России навсегда в 1925 году и скончалась в возрасте 98 лет в далеком городе Брюсселе, где прожила большую часть жизни. Она всегда помнила не только годы, проведенные в Петроградской детской питательной колонии, не только удивительное кругосветное путешествие, но и все то, что было связано с «пансионом» — Ивановским девичьим училищем. Она

в любой момент могла процитировать стихи из школьной программы, наизусть знала формулировки теорем из курса геометрии, прекрасно танцевала, играла на фортепиано и говорила и писала по-русски намного правильнее, чем это делают многие современные россияне, никогда не покидавшие родину не только что на 75 лет, но даже на месяц... Уроки русского языка и русской словесности, которые проводила княжна Мышецкая, прошли для ее воспитанниц не даром...

Здания Ивановского девичьего училища и Коломенской женской гимназии стоят на своих местах (улица Союза Печатников, бывшая Торговая, 14 и 16). Сейчас одно из этих зданий занимает фабрика ортопедической обуви, другое — Государственный университет — Высшая школа экономики.

Когда-то в этих стенах учились Ольга и Евгения Копосовы, а еще раньше Мария Попова, мать колониста Юрия Заводчиков. Сегодня студентом ГУ ВШЭ является их правнук и праправнук Юрий. Круг замкнулся. Жизнь продолжается.

М. М. Фокин

**К истории здания
Коломенской женской гимназии
(Торговая улица, 14)**

В истории здания Коломенской женской гимназии был один небольшой, но достаточно любопытный эпизод. В гимназии одно время располагался женский батальон М. Л. Бочкаревой — от его формирования до отправки на фронт. При этом необходимо отметить, что ограничиться Коломной невозможно: за то краткое время, что батальон находился в Петрограде, его история была связана с очень многими местами города.

Сведения почерпнуты мной из воспоминаний Бочкаревой¹. Будучи неграмотной, Бочкарева, находясь в Америке, рассказала свою биографию американскому журналисту российского происхождения Исааку Дон Левину, который записал и издал ее воспоминания на английском языке. В 2001 году их перевел на русский язык Ю. А. Неподаев. Кроме того, некоторые факты я обнаружил в петроградских газетах.

История женского батальона — это только часть истории удивительной жизни удивительной женщины. А история пребывания батальона в здании на Торговой улице — это только часть его истории, пожалуй, наименее интересная.

С Коломной связано самое начало истории батальона. Мариинский театр, хотя территориально не принадлежит к Коломне (находится на другом берегу Крюкова канала) всегда воспринимался как ее часть. Именно там Бочкарева и выступила 21 мая 1917 года с призывом записываться в женский батальон.

¹ *Бочкарева Мария*. Яшка. Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи Исаака Дон Левина. Перевод с англ. Ю. А. Неподаева. М., 2001. Все цитаты приводятся по этому изданию.

«Ночью накануне этого вечера я не сомкнула глаз. Все казалось каким-то кошмарным сном. Как я буду выступать вместе с такими известными людьми, как Родзянко и Керенский? Как предстану перед собранием образованных людей я, неграмотная крестьянская женщина? И что я им скажу? Ведь я не обучена красиво говорить. Отродясь не видала подобного места, как Мариинский театр, куда раньше ходили царь и члены императорской семьи», — так, согласно ее воспоминаниям, думала Бочкарева перед выступлением. Но выступила она успешно. В тот же вечер в театре прошла запись добровольцев, и сразу же было решено предоставить в распоряжение Бочкаревой здание и территорию Коломенской женской гимназии на Торговой улице, 14. Бочкарева распорядилась, чтобы записавшиеся явились туда на следующий день для официального зачисления.

В мемуарах Бочкарева не упоминает о роли в формировании батальона Лиги женского равноправия, Всероссийского союза женщин, Женского союза помощи родине и Женского военно-народного союза добровольцев, то есть не показывает формирование батальона как части движения за женское равноправие. Газеты по этому вопросу высказываются точнее. «Петроградский листок» от 26 мая сообщал: «Едва разнеслась весть о наборе женщин, как в Лигу женского равноправия стали приходить записываться. Лига направляет их к Бучкаревой². Лига всей душой приветствует начинание Бучкаревой». В той же статье говорилось, что 25 мая на Мытнинской улице, 27, прошло организованное Лигой собрание желающих вступить в женский батальон. Сама Бочкарева выступила с речью. Она говорила о том, что «братья, мужья и отцы пали духом и <...> женщинам надо поднять этот дух», о том, что в батальоне будет суровая дисциплина, что она не потерпит никаких возражений. В общем, она говорила то же самое, что и 22 мая во дворе Коломенской женской гимназии. Этот адрес — Мытнинская улица, 27, — назвала и газета «Русский инвалид», которая 26 мая сообщала, что в Петрограде организуются маршевые роты во главе с унтер-офицером Бочкаревой и что запись производится по указанному адресу.

² Так фамилия написана в газете.

27 мая, по сообщению того же «Петроградского листка», состоялось собрание Всероссийского союза женщин по вопросу об участии женщин в обороне, но Бочкаревой на нем не было, хотя выступавшие ссылались на нее.

Бочкаревой, действительно, некогда было ходить на все собрания. Еще 22 мая она обратилась к пришедшим женщинам с речью. Она напомнила им, что война — дело серьезное. Она это знала — у нее был боевой опыт с начала 1915 года. Она сказала, что моральный дух мужчин очень низок, и женщины должны послужить им примером. Собственно, это была единственная цель батальона Бочкаревой. Ради ее достижения, естественно, требовалась строжайшая дисциплина, то есть не разрешался никакой флирт и даже намеки на него, и, конечно, не допускались никакие комитеты. Бочкарева насмотрелась на фронте, как, вместо того чтобы выполнять насущную задачу воюющей армии — воевать, комитеты болтали и втягивали в эту болтовню целые части.

После этой строгой речи собравшиеся подписали обязательство выполнять все требования Бочкаревой. Подписавших, как она вспоминала, было около двух тысяч.

Между тем газета «Русская воля» 30 мая сообщила, что Женский союз помощи родине отправил Керенскому телеграмму, в которой говорилось, что к Бочкаревой записалось уже более 600 человек. «Петроградская газета» 3 июня писала так: «Первая женская маршевая рота под руководством женщины-воина Бочкаревой вскоре будет сформирована». Женский военно-народный союз опубликовал сообщение в «Петроградской газете» 2 июня, а в «Русском инвалиде» 4 июня, что запись в батальон Бочкаревой производится в Женском Политехническом институте (Загородный проспект, 68). «Петроградский листок» еще 26 мая отметил, что этот институт откликнулся на призыв Бочкаревой и более 200 курсисток уже записались. «Русская воля» в тот же день в заметке об упомянутом уже собрании на Мытнинской (заметка называлась «На собрании женщин-воинов») писала: «Среди охотниц много курсисток Женского политехнического института».

После того как батальон был сформирован, Бочкарева вспоминала: «Утром 26 мая все новобранцы собрались на территории института...

Я объявила женщинам, что с этого момента они становятся солдатами <...> Из числа более образованных девушек — а среди них было немало выпускниц университетов — я отобрала несколько для последующего производства в офицерские чины».

Бочкарева подробно описала повседневную жизнь батальона. Довольно скоро жизнь этой необычной воинской части привлекла внимание газет. 3 июня «Петроградская газета» писала: «<...> на Торговой улице готовятся <...> к сформированию батальона смерти. Женщины, записавшиеся в этот батальон, обязуются подчиняться строгой воинской дисциплине и по первому приказу наступать на вражьи позиции, хотя бы и не было надежды взять их». Интересно, что «Русская воля» в заметке «В казармах женского отряда», опубликованной в тот же день, рассматривала другую и неизбежную сторону этого же самого вопроса: «Неужели они будут лежать убитыми на поле сражения или, жестоко раненые, молить санитаров о глотке воды?»

8 июня «Петроградская газета» поместила заметку: «В гостях у женщин-героинь». Петроградское общество воспринимало их именно так. Кстати, 7 июня в той же газете в заметке «Подарки для фронта» говорилось о том, что в распоряжении петроградского комитета по сбору пожертвований имеется довольно много подарков для фронта, но комитет не знает, в какие именно части их везти. Корреспондент газеты, узнав об этом, предложил раздать подарки после первого же боя женскому батальону в знак признательности за храбрость, отвагу и мужество, в которых он, очевидно, не сомневался. 10 июня «Русская воля» поместила заметку «Первый женский отряд смерти». Из вышеназванных публикаций известно, как жил батальон и что представлял собой его личный состав: «Большинство из добровольцев — девушки со средним образованием», «есть женщины разных национальностей: латышки, эстонки, англичанки. Но, конечно, большинство — русские».

Казарма в помещении Коломенской женской гимназии находилась на 3-м этаже. В комнатах — железные кровати без тюфяков (голые доски). Газета «Русская воля» в связи с этим отмечала, что в комнате Бочкаревой имеется стол, два стула и кровать (тюфяк, две подушки, одеяло). Подъем — в 6 утра. С 9 до 17 обучение (с перерывом на обед). Обед — щи да каша — доставля-

ли из Гвардейского морского экипажа. С 18 до 21 часа допускались посетители, причем из мужчин — только родственники. По этому поводу «Петроградская газета» поместила 11 июня заметку «Высылка за флирт. Женщины-воины — на страже нравственности». Основной смысл этой заметки можно выразить так: «Женщина-воин <...> М. М. Домбровская <...> рассказывает <...> о состоявшемся твердом решении женщин-воинов <...> установить в своей среде суровые пуританские нравы».

17 июня в «Петроградской газете» появилось коротенькое информационное сообщение: «Скандал в кинематографе». В каком-то кинематографе на Невском куплетист пропел циничные, пошлые куплеты про женский батальон. Реакция публики была правильной, раздался крик: «Долой пошляка! Стыдно!» Действительно, можно было не соглашаться с политической позицией женщин из батальона Бочкаревой, но уж никак нельзя было видеть пошлости.

Однако с их политической позицией определенные силы были не согласны. 10 июня «Русская воля» поместила интервью с Бочкаревой. Она сказала: «Почти все русское общество восторженно встретило идею формирования моей команды <...> Но есть у нас и враги <...> Я получила массу писем угрожающего характера. Но я не боюсь. Поверьте: если бы я не стремилась на фронт, то я использовала бы свой отряд для борьбы с ленинцами».

В мемуарах Бочкарева рассказала об этом гораздо подробнее: «Большевистские агитаторы неодобрительно отнеслись к моей идее и ожидали, что она скоро провалится. В первые дни я получила около тридцати писем с угрозами. Однако постепенно становилось очевидным, что мне удастся поддерживать в части строжайшую дисциплину, командовать батальоном без комитетов, и тогда агитаторы поняли, что мой план представляет для них опасность, и начали искать способы разрушить его». Подробно описывает она инцидент, произошедший в конце мая или начале июня (точной даты она не приводит): «Было около одиннадцати часов вечера <...>. У ворот собралась небольшая толпа мужчин, человек тридцать пять, весьма разношерстная — солдаты, бродяги, хулиганы и несколько даже вполне приличных на вид молодых людей <...>

– <...> Хотим, чтобы ты распустила батальон. Мы сыты по горло этой дисциплиной. И крови пролили достаточно. Мы не хотим больше никаких армий, никакой военщины <...> ты же сама из народа, а мы простым людям только блага желаем. Мы хотим мира, а не войны.

– Сволочи! — закричала я <...> — Вы все идиоты! Да, я хочу мира, но его не будет, пока не прогоним германцев из России».

Далее она рассказала о том, что произошло: «Оказывается, сначала один из этой группы, большевистский агитатор, проник в помещение <...> Когда его пропустили, он собрал всех женщин и обратился к ним с речью, призывая их создать комитет <...> Он смеялся над тем, что они покорно подчинялись дисциплине, которую я ввела, называл ее царистской и выражал сочувствие девушкам, подвергшимся наказаниям по моему приказу. Агитируя против войны, за мир любой ценой, он призывал моих новобранцев действовать, как подобает свободным гражданам <...>»

В результате его подстрекательства в батальоне произошел раскол. Бочкарева оставила только 300 человек, во всем с нею согласных. Жизнь батальона в Петрограде была насыщена событиями, интересна и, конечно, связана не только с Коломенской частью. 23 июня батальон был отправлен на фронт с Варшавского вокзала. За день до этого, 21 июня, состоялось торжественное вручение знамени батальону Бочкаревой, и происходило оно на Исаакиевской площади. Этот сюжет достаточно известен.

Р. М. Любвин

Музей Санкт-Петербургской полиции*

Новый 1900 год был ознаменован в Санкт-Петербурге большим количеством выставок, ярмарок, благотворительных вечеров. Среди этого шума и суеты как-то незаметно прошло открытие Музея Санкт-Петербургской полиции. Инициатором его создания был градоначальник столицы Российской империи Н. В. Клейсельс. Всеми работами по организации музея руководил В. Ф. Галле.

Сначала музей размещался в Александро-Невской части, а в 1905 году, после событий 9 января, был переведен в дом 28 по Офицерской улице. В том же году музей был передан в ведение начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции В. Н. Филиппова. Музей занимал пять залов, в которых размещались экспозиции.

В общеполицейском зале была представлена история возникновения и развития полицейской службы в России со времени Петра I и до Николая II. Здесь были выставлены документы, на основе которых создавалась русская полиция, приказы и уставы, регламентировавшие ее работу, прослеживалась история формирования структурных подразделений. В зале была показана уникальная коллекция полицейских мундиров, размещались живописные портреты и фотографии министров внутрен-

* В статье использована следующая литература: *Высоцкий И. П.* Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703–1903. СПб., 1903; Каталог музея Санкт-Петербургской городской полиции. СПб., 1903; материалы журнала «Вестник полиции» и газеты «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и полиции» (выпуски 1907–1917); *Скилягин А. Т., Пименов Ю. Ф., Лесов В. М., Савченко И. К.* Дела и люди ленинградской милиции. Л., 1967 и др.

них дел, руководителей и организаторов служб полиции, первых русских сыщиков и героев — городских, отличившихся при исполнении служебного долга.

В экспозиции было представлено полицейское оружие: дубинки, алебарды, пики, шашки и сабли, многочисленные пистолеты — от кремниевых до знаменитого «нагана», который многие годы служил и советской милиции.

В зале извозного промысла демонстрировались макеты всех типов пассажирских карет и грузовых подвод, колесивших по улицам Санкт-Петербурга со дня его основания. Была показана богатая коллекция конной упряжи. Тут можно было увидеть и веревочные вожжи бедного крестьянина, и настоящие произведения искусства шорного ремесла. В этом же зале размещались рисунки и фотографии велосипедов, автомобилей и мотоциклов, которые в начале XX века стали заполнять улицы Санкт-Петербурга. На стенах зала были развешаны фотографии конокрадов, которых в Петербурге и его окрестностях было великое множество. В экспозиции имелись макеты, на которых были показаны способы краж лошадей и скота, а также «орудия производства» конокрадов — уздечки, манки, веревки.

С большой любовью и тщательностью были подобраны экспонаты зала, посвященного пожарной охране Санкт-Петербурга. Труд пожарного российской столицы был нелегким. Основная масса населения, прежде всего рабочий люд, жила на окраинах города в деревянных домишках и заводских казармах, тоже, как правило, деревянных. Пожары были постоянными спутниками их быта, ведь город отапливался в основном дровами. Нередко полыхали дворцы петербургской знати и даже царские палаты, так что работы пожарным хватало. Рядом с новинками пожарной техники помещались фотографии пожарных частей, живописные портреты и фотоснимки героев, отличившихся при тушении пожаров. Большое место занимали фотографии самих пожаров. В экспозиции были выставлены образцы пожарных касок, в том числе и подаренные иностранными гостями. Большое внимание было уделено организации профессионального обучения пожарных.

Однако — и вполне заслуженно — центральное место занимала экспозиция уголовно-сыскного отдела. Она располагалась

в двух больших залах. Здесь была сосредоточена самая интересная часть музея. Внимание посетителей привлекали, прежде всего, большие витрины с разнообразными орудиями преступлений: многочисленные ножи, кистени, кастеты, револьверы и ружья, бритвы и прочие предметы. Музей располагал уникальной коллекцией воровского инструмента. Тут было все — от обычной воровской «фомки» до великолепно выполненных наборов отмычек, богатейшая коллекция всевозможных ключей, изъятых у воров, «работавших» путем их подбора.

Экспонировалось большое количество «шниферского» инструмента, с помощью которого вскрывались самые, казалось бы, нескрываемые сейфы. Русские взломщики сейфов (шниферы) пользовались европейской «славой».

В коллекции музея имелась масса всевозможных фальшивок: поддельные паспорта и векселя, всевозможные ценные бумаги и ассигнации разных достоинств, фальшивые монеты и ювелирные изделия «под золото», стекляшки под «изумруды» и «бриллианты», которые сбывали мошенники, карты, которыми пользовались шулеры. На стендах музея можно было увидеть и словари воровского жаргона.

Санкт-Петербургская полиция первой в России стала широко использовать в работе служебно-разыскных собак, и служба эта работала достаточно эффективно. В 1907 году стал выходить журнал «Вестник полиции». В нем регулярно помещались материалы об использовании собак в работе полиции разных стран, в том числе и России, рассказывалось о различных породах собак и методике их дрессировки, о людях, которые посвятили себя этому делу, публиковались репортажи с места происшествия. Эти публикации готовились, как правило, на основе музейных материалов.

В залах была выставлена и криминалистическая техника тех лет, самое почетное место тут занимали фотоаппараты. К началу XX века русские судебные фотографии имели мировую славу, их снимки неоднократно получали главные премии на различных конкурсах. Фотографии-призеры занимали в экспозиции достойное место наряду с дипломами и медалями. В фотографиях на конкретных примерах поэтапно демонстрировался весь процесс успешного раскрытия преступлений. Есте-

ственно, что значительное место было отведено фотографиям преступников. Экспозиция давала наглядное представление о порядке задержания, регистрации, дактилоскопировании и антропометрическом обмере (так называемый «бертильонаж») задержанного.

Русские криминалисты уже в начале XX века хорошо знали трасологию, баллистику, проводили великолепные почерковедческие экспертизы, широко внедряли в криминалистику достижения науки и техники, поддерживали активные связи с учеными Санкт-Петербурга. Все это нашло отражение на стендах музея.

Малозначительной частью работы музея был прием курсантов. Попасть в музей, особенно после первой русской революции 1905 года, постороннему человеку было непросто. Музей являлся, прежде всего, учебной базой Санкт-Петербургской полиции. Кроме того, посещение музея входило в программу обучения студентов юридического факультета университета и других юридических учебных заведений столицы.

В музее работали высококвалифицированные, с большим стажем практической работы сыщики, они имели довольно широкий круг обязанностей. Помимо того что сотрудники музея регулярно обновляли экспозицию, они принимали непосредственное участие в организации и проведении занятий по профессиональной подготовке. Как уже отмечалось, постоянными посетителями музея были полицейские, и в первую очередь, слушатели резерва городских, которые получали в музее начальные навыки работы на месте происшествия, знакомились с судебной фотографией, ведением учета и статистики. Сотрудники музея принимали участие и в работе по раскрытию преступлений.

Гордостью музея были 27 больших альбомов с фотографиями преступников. Все преступники были классифицированы по роду их занятий преступным ремеслом: убийцы, бандиты, воры — карманники, квартирные, базарные, конокрады, мошенники, фальшивомонетчики. Словом, вся «воровская публика», попадавшая хотя бы раз в поле зрения полиции, фиксировалась в этих альбомах со всеми данными. И это во многом облегчало работу по раскрытию преступлений. Такими альбомами сотрудники современной милиции пользуются и теперь.

С 1903 года по инициативе начальника сыскной полиции Санкт-Петербурга Б. Г. Филиппова создавались альбомы газетных вырезок со статьями и заметками о работе столичной полиции, а также особый альбом с материалами о «громких» преступлениях.

Слава о музее Санкт-Петербургской сыскной полиции прошла по всей России и Европе. К сожалению, в ходе Февральской, а затем и Октябрьской революций большая часть имущества и экспонатов музея была утрачена.

Немногочисленные сотрудники царской полиции добровольно стали служить советской власти. Криминалисты Алексей Андреевич Сальков и Сергей Николаевич Кренев приложили много сил, чтобы создать аналогичный музей при Ленинградском уголовном розыске, торжественное открытие которого состоялось 18 января 1925 года.

В 1977 году на Полтавской улице, 12, был открыт Музей истории милиции, который в этом году отмечает свой 30-летний юбилей.

II. Воспоминания о Коломне

Семья Флиттнеров в Коломне (фрагменты воспоминаний Н. Д. Флиттнер)

Публикация А. Т. Шахтахтинской

Наталия Давидовна Флиттнер (1879–1957) известна, прежде всего, как историк-востоковед, искусствовед, доктор исторических наук, профессор (1940), специалист по искусству и культуре Египта и Двуречья. Она является автором фундаментального труда «Культура и искусство Двуречья и соседних стран» (Л.; М., 1958), а также многих научных и популярных изданий. Флиттнер училась в Петербургском университете (1905–1909) у А. В. Прахова, М. И. Ростовцева, Б. А. Тураева, в Берлине (1909, 1912–1914) у Э. Мейера, Г. Шефера, А. Эрмана.

Являясь последовательницей востоковедов мирового уровня, она и сама воспитала целую плеяду замечательных учеников. Преподавательскую деятельность Флиттнер начала еще в конце XIX века как учитель истории в Лесной гимназии. Она стояла у истоков экскурсоводческой практики, регулярно приводя своих юных учениц в залы Эрмитажа. Впоследствии Наталия Давидовна преподавала историю искусства и культуры Египта и Двуречья в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (1919–1956), вела там популярный среди студентов кружок восточного искусства. Она была преподавателем Петроградского (Ленинградского) университета (с 1921).

Много лет Наталия Давидовна проработала в Эрмитаже (1919–1950), не покидая любимого музея даже в страшные дни войны и блокады. Ее интересы не ограничивались изучением только Востока, она знала историю разных стран, прекрасно разбиралась в музыке, ботанике, географии, владела несколькими иностранными языками, была общительным человеком и интересным собеседником.

Н. Д. Флиттнер была родной сестрой моей бабушки — Софьи Давидовны Флиттнер, детского врача. Единственные из всей большой семьи, они, пережив революционные потрясения, а позднее ужасы Великой Отечественной войны и блокады, остались в Советском Союзе, в Ленинграде, и постоянно поддерживали друг друга. Моей матери Наталье Андреевне Белинской повезло расти рядом с замечательным человеком — Наталией Давидовной Флиттнер, тетей Татой, проникнутая духом любви и преклонения перед искусством и наукой. Недаром впоследствии и мама, и я стали искусствоведами, посвятив жизнь изучению искусства Средней Азии.

Наталия Давидовна написала мемуары о своих детстве и юности, о жизни родителей, сестер и братьев. Воспоминания эти хранились в нашей семье, и, читая их, я узнавала многое о своих далеких предках, о жизни семьи Флиттнеров. Я чувствовала, что общаюсь с умным, понимающим другом.

Значительная часть воспоминаний посвящена жизни Флиттнеров в Коломне, где родилась Наталия Давидовна, ее сестры и братья.

Начато 03. 02. 31 г.

«Опиши свое детство, тетю Розу, жизнь в больнице, Стрельну, мадам Мюллер... опиши это все для наших детей», — мама давала мне это задание давно уже, в те годы, когда мы были еще все вместе, когда у меня еще было мое «дома», моя семья¹ — историей стало это прошлое, историей не только нашей обывательской семьи, а куском истории быта вообще того уже далекого времени. И если я и сейчас буду во всех подробностях писать об этом прошлом, то стану это делать, во-первых, по-прежнему для детей наших, для внуков и правнуков нашего отца, во-вторых, для самой себя, так как это кусок и моей жизни, и, в-третьих, потому, что это — кусок истории быта, безвозвратно ушедшего в прошлое.

¹ Глава семьи Флиттнеров — Давид Богданович Флиттнер (1842–1901) — статский советник, главный врач-ординатор Калининской больницы, специалист по кожным и внутренним болезням, директор детского приюта генерал-лейтенанта барона Фредерикса. Председатель врачебного совета Максимилиановской лечебницы. Исполнял врачебные обязанности на нескольких фабриках Нарвского района. Его жена — София-Наталия Андреевна Флиттнер (урожд. Егерманн; 1856 — конец 1930-х), умерла в Финляндии.

Мне хочется, подводя итоги прожитому, силою воспомина-
нья вернуть себе мой дом, мою семью, моих близких, все то, что я
любила и люблю с прежней глубиной и силой.

Я родилась и выросла в Коломне и большую, лучшую часть
своей детской жизни прожила тоже в Коломне, не в шумном цен-
тре императорской столицы, а в провинциальной обстановке
далекой окраины города. Потому, что 10 лет, прожитые мной в
Николаевском институте², у тети Розы³, на Мойке, у Полицей-
ского моста, ни в коей мере не запомнились, как «Невский», «Мор-
ская», как вообще «центр города», а только как тишина тетиной
комнаты, как тихая Мойка да как залы, коридоры и переходы
Института, а институт — также как Коломна — был живой ана-
хронизм вроде развалин Колизея в современном мире. И анах-
ронизмом в еще большей мере была тетина комната. Институт
отражал дух Николаевской эпохи, а в углах тетиной комнаты
застоялись еще ароматы XVIII века, традиции моего прадеда,
Франца-Аугуста Флиттнера⁴. В тетином комоде лежали еще его
золотые часы луковицей и силуэты его матери и братьев, выве-
зенные из Дюбена, на книжной полке стояли еще старинные то-
мики Виланда, Клопштока и какие-то альманахи в зеленых и
мраморных гляцевитых переплетах с его инициалами.

Когда я говорю «Коломна», меня охватывает странное чув-
ство, точно я сразу окунаюсь в переживания иного века, иной
обстановки, в ином городе, чем ненавистная мне Жуковская ули-
ца. Широкие, тихие улицы, патриархальные конки по Садовой и
Екатерингофскому проспекту, много домов, сохранивших еще
облик старого Петербурга. Я не умела в юности оценить их кра-
соту, не понимала еще аромата старины, но мне нравилась Ко-
ломна, нравился тихий уют этой «жизни не спеша», и помню, как
я кровно обижалась на тетя Розу, когда она возмущенно говори-
ла о плохих мостовых, о грязи и об отсутствии освещения в на-
ших далеких от центра кварталах.

² Николаевский сиротский институт, с 1903 г. Императорский женский педа-
гогический институт, находился в бывшем дворце А. К. Разумовского. Здание
сохранилось, ныне здесь расположен РГПУ им. А. И. Герцена (наб. р. Мойки, 48).

³ Роза Богдановна Флиттнер (1835–1920-е?) — классная дама Санкт-
Петербургского Николаевского сиротского института.

⁴ Франц-Август Флиттнер окончил Лейпцигский университет, в середине
XVIII в. переселился в Россию, пастор.

В Коломне сильно чувствовался портовый город. Особенно в районе Калининской больницы⁵, где мы жили 16 лет и где мы все выросли.

Помню обычный вид набережной Фонтанки от Калинин моста к взморью. Конка ходила только до Покровской церкви, и оттуда я приходила домой пешком по субботам, когда в старших классах института тетя стала отпускать меня одну домой.

Калинкин мост — граница, перейдя которую, я была уже «дома». Бывало, издали видишь уже четыре гранитные башни моста с золочеными шарами на них. Непрекращающийся грохот ломовых телег, пустых и с кладью, столбы пыли весною, осенью — непролазная грязь, зимою — сверкающий снег; и всегда во все времена года одинаково весело было бежать через мост «домой». За мостом по Фонтанке весной, летом и осенью — лес мачт, лайбы⁶ с салакой и дровами. Вдоль берега реки идти нельзя было: тротуары местами вовсе осыпались, канаты и цепи причалов мешали ходить. Матросы, и русские, и иностранные, «чухны» с лайб, босяки, всегда квартировавшие здесь поблизости в чайнии заработка на лайбах — вот привычная толпа этой части Фонтанки. Зимой картина менялась: мачты не заслоняли широкого горизонта взморья, набережная бывала обычно совершенно пустынна и тиха, только ветер беспрепятственно гулял, наметая белые сугробы снега даже в те дни, когда в центре города, казалось, было тихо, и дело шло к оттепели.

Пробежишь, бывало, мимо углового дома на углу Рижского проспекта и Фонтанки — дом двухэтажный, старый, облезлый, с матросским кабаком внизу, весь облупившийся — за ним начинался длинный деревянный забор какого-то двора; дальше идут здания морского госпиталя, Реального училища — филиала нашего Николаевского института — с двором за высоким забором и «дамским флигелем», где в первом этаже жил у сестры поэт Надсон, а за Реальным училищем начиналось длинное двухэтажное

⁵ Калининская больница была учреждена в сер. XVIII в., до 1836 г. располагалась на набережной реки Фонтанки, рядом с Калининским мостом. Затем на ее месте было построено здание для военно-морского госпиталя, а для больницы — здание на 340 мест за Калининским мостом, арх. А. Шарлемань. Здание сохранилось, до недавнего времени, в нем находился ВНИТИ антибиотиков и ферментов.

⁶ Лайба — финская лодка.

здание нашей Калининской больницы. И еще одно воспоминание связывается с Коломной во все времена жизни там: торжественный, красивый благовест у Покрова, господствующий надо всеми звуками и шумами улицы, именно «господствующий», какой-то общий знаменатель, какой-то итог всех созвучий Коломны — так воспринимался он тогда, сопровождая своим аккомпанементом всю нашу молодую жизнь.

Кто может сказать то же про колокола Казанского собора или Исаакия с его золотой шапкой? Исаакия мы в Коломне лучше знали, чем горожане, — так красиво горел он издали золотой головой, когда мы, бывало, ходили на взморье, а густой басовой удар его большого колокола был, пожалуй, слышнее у нас, в тишине окраины, чем в грохоте городского центра.

Родилась я на Екатерингофском проспекте в доме Сомова⁷. И это все, что я могу сказать об этом доме Сомова: **я там родилась**. Сколько было комнат и как они были устроены — не знаю. Мои родители там поселились после свадьбы, чтобы отцу было ближе ходить на службу, но они скоро переехали на Могилевскую улицу (теперешний Лермонтовский проспект) в дом купца Синягина (помяну попутно характерную особенность того далекого времени: дома называли не по их номерам, а по имени их владельцев, и это создавало какую-то их «физиономию» вместо полной безличности цифр). <...>

Ранней осенью приехал воз за вещами, в последний раз папа усадил нас всех в карету, и мы поехали «домой» на новое пепелище, в Калининскую больницу, и с этим переездом окончился для меня период раннего детства, и начался период отрочества с соответствующим расширением горизонта.

Калининская больница

Я не знаю, как в настоящее время выглядит та часть города, которая лежит за Старо-Калинкиным мостом, — я туда не ходила очень давно и намеренно — мне хочется сохранить в памяти нестертыми далекие впечатления отрочества и юности. В цент-

⁷ Дом, принадлежавший семье художника К. А. Сомова (пр. Римского-Корсакова, 97). Об этом доме см.: *Сомова-Михайлова А. Е.* Дом Сомовых на Екатерингофском проспекте, 97. Публикуется в настоящем издании. С. 157.

ре города я как-то никогда не могла уловить приморского характера нашего Петербурга.

Жизнь на Невском, на Литейном, или на Жуковской и теперь ничем не отличается от жизни какой-нибудь Мясницкой в Москве. И так было и прежде, и прежде, уезжая в Коломну домой из института, я попадала в совершенно иную обстановку, в иной по существу город. Бросались в глаза даже и ребенку черты резкого контраста между пышной столицей и провинциальным захолустьем за Калинкиным мостом. Над центром города по вечерам точно зарево стояло от яркого освещения, утомляла суетня на улицах, в магазинах. За Калинкиным мостом сразу охватывала благодатная тишина, т.е. тишина относительная. Невский, Морская, Литейный — это была казовая сторона города, «фасад». У нас, за Калинкиным мостом, начиналась та часть его, где собственно работал механизм нашего города. И сразу становилось понятно, что Петербург — приморский, портовый и фабричный город, что он настоящее «окно в Европу». С ранней весны и до поздней осени, до закрытия навигации все течение Фонтанки вплоть до выхода ее в море бывало заставлено судами. Лес мачт, канатные причалы на берегу, финский и эстонский говор, вереница ломовых, грузящих дрова, картошку, бочки с соленой рыбой, босяки, то ретиво работающие на лайбах, то слоняющиеся в ожидании дела по берегу — вот обычная картина набережной Фонтанки. С босяками, «босями», как мы их называли, у нас — подростков — потом завязались дружеские отношения. Как часто весной или осенью, когда выглянешь, бывало, в открытое окно, нам с набережной подмигивал субъект с разодранной вдребезги рубахой, с курткой, живописно болтающейся на одном плече: «Брось спичечку, а? Попроси у мамы гривенничек на водку — она обещала сегодня дать». И это верно, мама и деньгами снабжала их, и частенько некоторые из них захаживали к нам и на кухню подкормиться.

Среди них было много «бывших людей», вполне культурных, интеллигентных, спившихся, так или иначе выбитых из жизненной колеи. Попадались среди них отличные певцы, и я помню, какие иногда составлялись хоры на лайбах в весенние белые вечера...

По Екатерингофскому и Рижскому проспекту все лето грохотали обозы ломовых, везущих кладь из порта, а приказчики в

мясной и зеленой, где мама покупала провизию, изъяснялись на всех европейских и внеевропейских языках. «Фифти-файн» прозывала мама в шутку Фому-мясника, «маминого друга», как мы, смеясь, называли его за то, что он рубил всегда куски повыгоднее и сбавлял пару копеек.

В самом устье Фонтанки находится Лоцманский остров и Лоцманская слободка. Это было совсем своеобразное поселение, непохожее на весь остальную Петербург. И туда мы особенно охотно ходили гулять, особенно осенью, когда лоцманы ловили миног. На берегу груды бывали сложены конусообразные ловушки для миног, бывали развешены сети. Тут же на открытом воздухе стояли жаровни, на которых жарились миноги. Стоили они очень дешево — 15–20 копеек десятком, но мы по знакомству часто бывали приглашены отведать горячих свежих миног даром у костра, и это бывало необычайно вкусно. Большой ломоть черного хлеба, за хвост горячую миногу — отлично!

И какая бездна интересного кроме сетей, подзорных труб и биноклей у лоцманов, кроме широкого простора взморья. Чего стоили огромные эллинги, в которых строились военные суда, Галерный островок, на который не пускали, и где, как только смеркнется, ночные сторожа били в металлические доски — ударит один, второй отзовется, третий издали подаст голос. Зеленые и красные огни лайб в весенние сумерки, тихий плеск и журчанье реки, золотые скаты Фонтанки, густо заросшие цветущими одуванчиками, редкие-редкие едва мерцающие керосиновые фонари, в то время, когда Петербург горел уже сперва газовым освещением, а затем электричеством... Летом грохот ломовых, приходящие и уходящие суда, в сумерки песни босяков и тихие прозрачные ночи с сигналами ночных сторожей, казавшимися такими таинственными и даже немного жуткими. А зимой за Калинкиным мостом гуляли все метели, и в то время как «в городе» стояла непролазная грязь оттепели, и здания, фонари, извозчики, прохожие еще маячили в рыжем сыром тумане, у нас лежали сугробы сверкающего снега. На Лоцманском острове спускали на лед буера, и можно было, уютившись в лежку к знакомому лоцману на буер, прокатиться по взморью.

Не фешенебельная местность, что и говорить, но моя родина — не безличный скучный «центр» города, а именно эта при-

морская портовая часть его, где пахнет больше всего Петром Великим, смолой, деловой жизнью и работой. <...>

С папой мы ездим на извозчике.

Я не люблю ни конок, ни извозчиков. И не люблю потому, что у меня наряду с любовью к животным, развивается острая жалость к ним. Я не могу видеть понурых худых коночных лошадей, мне жаль извозчиков и их усталых кляч. Не знаю, понимал ли папа, почему я его всегда дергаю за рукав, когда он нанимает извозчика, дергаю, чтобы не торговался, да папа и не торгуется!

— Папочка... По Морской, пожалуйста... — прошу я тихонько. А по Морской я люблю ездить, потому, что там торцы — лошади легче бежать.

— Папа, папа! Пусть он не бьет лошадей! Не надо! Поедем тихонько, — прошу я.

Едем по Екатерингофскому проспекту, по Английскому проспекту, по Торговой или Офицерской улице.

По Торговой мы выезжаем к площади театров, проезжаем мимо железных павильонов, в которых раскладывались костры и где обогревались кучера, в ожидании разъезда из театра. Киоски эти мне напоминают такие китайские домики, я очень люблю на них смотреть, и они как-то смутно сливаются у меня с далекими воспоминаниями раннего детства, базара у Биржи, заморских вещей, прогулок в карете к тете Розе... Где-то здесь поблизости, живут верно, изумрудные китайцы...

А если ехать по Офицерской, то по левой стороне будет большой магазин «Колониальных товаров» Балужева. Трюхает извозчик. Сажу рядом с папой маленьким комочком, съездившись, стараясь по возможности держаться на весу, чтобы не обременять своей тяжестью старую, уставшую лошадь. И лучатся в глазах слезы — жалко лошадь, жалко себя...

— Посмотри-ка на луну! — смеется папа, — торчит желтая, точно у нее желчь разлилась или точно ее плохо вычистили, — хороша?

— Луна — лицо, — отрывисто, сквозь слезы говорю я, — только я ее не люблю, солнце гораздо лучше.

И мне вспоминается одна из любимых картинок в нашей детской книге — улыбающийся желтый диск, окруженный лучами, тянет взять снова старую книжку в руки, тянет домой. Счас-

тливый купец Балуев! Сидит торгует, и не надо ему в институт ехать. А что, если бы он знал, что мимо едет девочка, такая вот как я, и что ей ужасно скучно без ее дома? Что бы он сделал? Эх, купец Балуев...

Магазин Балуева — пограничный пункт. До него Офицерская улица еще нашего района, за ним начинается район Морской, вообще центра. Там горит газ в белых молочных трубках, там, на Невском и на Морской, попадают яркие электрические шары... <...>

Квартира наша в больнице была поместительная, удобная для наших скромных запросов, но с точки зрения тогдашнего комфортабельного житья мало приспособленная для того, чтобы жить «открытым домом». У нас было собственно четыре комнаты: папин кабинет, гостиная (она же и приемная папина и позже «спальня» Брунина⁸, которому каждый вечер накрывалась на диване постель), большая общая комната — где за ширмой спали мы, дети, где мы обедали, пили кофе, чай, где мы проводили всей семьей вечера, где мы готовили уроки и играли, и спальня папы и мамы. Все четыре комнаты выходили на север, на Фонтанку, и только в самые долгие дни западное солнце заглядывало косыми лучами к нам. Вот стоит мне закрыть глаза, и кажется мне, что я перенеслась опять туда, иду тихонько, оглядываясь — все стоит на своем месте, в гостиной как всегда темновато, и только последний весенний луч солнца бруском пыльного золота косо лежит поперек пола, и от него крупные цветы шиповника на ковре вспыхнули тусклым пурпуром. И снова я «дома», снова охватило меня чувство великого отдыха и покоя, снова могу я вздохнуть глубоко, всей грудью...

На юг выходили кухня и длинная, довольно широкая комната, в которой сперва у нас была столовая, а потом нянина комната. Минус ее был тот, что она не была изолирована, шла длинным, широким коридором как продолжение кухни и кончалась огромной уборной и ванной. Широкая дверь из этой комнаты в нашу детскую была всегда настежь открыта, а так как дверь приходи-

⁸ Бруно Давидович Флиттнер (1881–1969?) — старший сын Д. Б. Флиттнера, врач, заведующий химико-гигиенической лабораторией Николаевского военного госпиталя в Петербурге. Домашнее имя — Пупа.

лась прямо против окна, то при малейшем проблеске солнца через эту дверь оно заливало и нашу детскую. Гораздо позже смогла я только оценить, что в нашей семье под детское помещение отводилась всегда самая светлая, самая просторная комната.

Папа очень заботился о том, чтобы комнаты были красиво оклеены. Помню, что в детской у нас были чудесные дорогие обои (ох, как досталось отцу от мамы за транжирство!). Обои были голубые с песочно-желтыми медальонами, изображавшими египтянок у колодцев или каких-то шадуфов с коромыслами.

В 1924 году, переехав границу, я удивленно вытаращила глаза на высокую шведку в платье с картушами Рамзеса II и с лотосами — отклик на раскопки в гробнице Тутанхамона. Что ж мудреного, если с некоторым запозданием Россия и во дни моего детства переживала моду на Египет в связи с открытием в 1881 году тайника царских гробниц?

В гостиной обои были темные, зеленые, изображающие лес, очень художественные. Мы очень долго втягивали эти обои в наши игры. <...>

В кухне целый день топилась плита, то жарко разводимая перед обедом в час дня или перед ужином в 7 часов, то только подтапливаемая, чтобы большой куб с водой и котел были всегда горячими — дров-то ведь было вволю. Мама иногда говорила, что в юности ее мечтой было иметь возможность вволю топить печи. Хм... к этой мечте возвращаюсь и я в своих отсырелых холодных комнатенках 1931 года...

Дрова нам каждый день приносил дворник Семен, наш закадычный друг и приятель. На его особу было сочинено отличное стихотворение: «Дворник-Семен, тачка-вагон». Смысла было мало, но рифма была налицо, пелось стихотворение на очень однообразный монотонный мотив — чего лучше! Прихода Семена мы поджидали утром нетерпеливо, оглушительно пели ему утреннее приветствие. Семен делал вид, что гонится за нами, мы с визгом бежали от него. После этой официальной части приветствия начинались интересные разговоры о событиях на дворе, о том, что вот сейчас будут разгребать в саду снег, дорожку делать, или — весной — что вахтер велел сирень резать, «идите, ребята, собирать».

В таких же дружеских отношениях были мы, ребята, с главным больничным поваром паном Константином. Пан Констан-

тин, великолепный франт в белом колпаке и таком же балахоне, обитал в первом этаже соседнего флигеля. У него была дрессированная канарейка и скрипка, на которой он отлично играл. Великолепный шеф кухонного департамента был с нами всегда изысканно вежлив на старо-польский лад, приветливо встречал, набивая нам карманы песочным печеньем, а если мы заставляли его у кладовых, то угощал мороженой клюквой, морковкой или извлекал для нас из кухни горячую булочку.

Терпеть не могли и боялись мы вахтера Фирса — мрачного, сурового человека. Впоследствии я слышала от мамы, что Фирс был деловой, работающий и безукоризненно честный человек, которому не повезло в семейной жизни: жена его была пьяница и скандалистка. При каких обстоятельствах — не знаю, но значительно позже, когда мне было лет 14 уже, Фирс топором убил свою жену. По суду его, кажется, оправдали, но в больницу он не вернулся.

У главных ворот стоял еще один из наших приятелей — сторож Турка. Я не знаю до сих пор его настоящего имени, да и не хочу его знать. Имя он носил, вероятно, какое-нибудь самое затрепанное, что-нибудь вроде Ивана или Владимира, во имя какого-нибудь полкового командира, его восприемника. Он был настоящий турок, взятый в плен на турецкой войне и так и не выучившийся говорить хорошенько по-русски. Редко в жизни встречала я и до сих пор такого симпатичного, доброго и приветливого человека.

— А, барышня, здравствуй-здравствуй! А, ворона-кума, галкина крестница, тэбэ равестница, — неизменно острит он, когда бывало, придя во двор, бежишь к Турке здороваться:

— Турка, здравствуй.

Турка поднимает на руки и крутит над головой в воздухе, так что ноги на отлет.

— Турка, дай метлу помести.

— Метлу помести? Турке помогать хочешь? На метла, на! Мети, — и из будки вынимается сюрприз — маленькая метла, маленькая деревянная, но настоящая дворницкая лопата для сгребания снега.

А еще лучше, когда Турка освободится от дежурства, пойти с ним посмотреть его солдатский синий турецкий мундир и его

красную феску. Турка одевал феску и становился похож на иллюстрацию в толстом томе известий с фронта турецкой войны, который мы любили рассматривать. И одного я никак не могла связать: судя по «Известиям» турки «зверствовали», убивали людей и были очень свирепы, а наш Турка, высокий, смуглый, красивый человек, был такой веселый, добрый, ни разу грубо не оборвал нас, как мы постоянно слышали это от русского Фирса. <...>

В детстве мы, старшие — Пупа и я — игрушками завалены не были. Нам их дарили, но я даже не помню, которые из них произвели особенно впечатление. Мы как-то мало умели играть в игрушки, в особенности я. В большой восторг меня приводили прелестные золотые и серебряные коробочки для пилюль, которые водились иногда у папы в столе. Без конца строили мы мосты, дома, ограды, дома для пауков, которые иногда вдруг вылезали откуда-нибудь из-под дивана, строили все из больших дубовых кубиков, которые папа заказал для нас, и которых у нас была куча. Любили раскачиваться и кувыркаться на дубовых же гимнастических палках, качались на качелях (я-то лично качели не любила, меня тошнило от них). На полке в детской у меня долго стоял прелестный белый гипсовый домик со слюдяными окошками, который мне подарила бабушка. В нем зажигали свечку, и тогда окошки его светились. Играли мы больше в игры, нами самими изобретенные, шумные и подвижные, несомненно, навеянные первыми прочтенными книгами. Поэтому я, быть может, делаю маленький хронологический перескок и говорю об играх, вытекших из книг, не сказав еще ничего о появлении на моем горизонте самой книги.

Одной из наиболее ранних игр были «Бедные дети». Игра была с какой-то довольно уже сложной фабулой, смысл которой сводился к тому, что у каких-то «бедных детей» нет дома, и потому они все переезжают. Мы громоздили возы из стульев, запрягали лошадей, ехали, по дороге ели «припасы», хлеб, выпрошенный у мамы, булку, раскладывали возы и снова их громоздили.

Играли мы еще в «Странников». Эта игра сводилась к тому, что маленькую Лелю мы усаживали на диван, она была «добрый негр» и должна была кормить «странников», а мы уговаривались на каком животном кому из нас ехать. Я неизменно скакала на черной лошади или на слоне. Затем начиналась гонка вокруг

стола, пока «добрый негр», уничтожив под шумок «припасы», не присоединялся к «странникам», сбивая всю игру.

Я еще не умела читать, и, несомненно, только со слов папы знала о «пещерных людях», когда игра в «пещерного человека» стала на долгое время любимой. Но эта игра заставляет меня вспомнить Мартына — дорогого друга и товарища, одного из лучших, из самых незабвенных и любимых друзей нашего детства.

Мартына папа принес крошечным, необычайно очаровательным щеночком. Кудрявая шерстка на нем была мягка и шелковиста как пух, нежного золотисто-белого цвета. Мартына подарили нам от «премированных родителей» — его мамаша была крошечная желтоватенькая болоночка, имевшая медалей больше, чем любой старый генерал. Мартына сперва звали вовсе не Мартыном, а как-то иначе. Но веселенькая крошечная «болоночка», во первых, оказалась очень умной, отнюдь не в болонскую породу. Очень быстро собачушка освоилась с нами, вошла в нашу компанию и стала с нами наперегонки расти, пока не достигла размеров крупной основательной дворняжки.

— Форменная мартышка, — окрестил папа его веселую песью рожу с умными желтыми глазами, с желтой шерстью, лохмами висящей ему на глаза.

Мартын был весь желтый, весь лохматый. Он очень охотно позволял себя вымыть, но еще охотнее вываливался опять в грязь, терпеть не мог стрижки и потому всегда бегал с катышами грязи под животом. Никто и никогда Мартына не дрессировал, но не было ничего, чего бы Мартын не умел — давал лапу, прыгал через руки, танцевал на задних ногах, носил поноску, был бесконечно, безгранично добр и терпелив, беззаветно верен, любвеобилен, ласков и приветлив. Мартын был настоящим разумным другом. <...>

Развлечений в колонии⁹ было много. Проходят, поглядывая на окна, разносчики: на голове длинная доска, закутанная куском красного ситца с разводами, под ситцем — корзинки с земляникой, клубникой, крыжовником. Пробежит булочник — за спиной у него большая корзина из ивовых прутьев. Окликнут его — он ловко

⁹ Колонией в данном случае именуется территория Калинкинской больницы.

спустит корзину через плечо на скамейку, откинет крышку. Под ней стоит самое соблазнительное — большая корзина с пирожными, а внизу булки. Мама покупает чаще всего булки. Корзина с пирожными остается предметом тщетных мечтаний, разве что папа дома или тетичка приехала — ну, тогда можно иногда рассчитывать и на то, что нам будет позволено выбрать по пирожному или что будут куплены к кофе сладкие копейные булочки, овальные, с блестящей верхней корочкой.

Очень я люблю смотреть, как мама покупает грибы у чухонков. Они так ловко и плотно уложены в корзиночках, шапочка к шапочке — оранжевые подосиновики, крепкие, коренастые белые. Грибы пахнут чудесно и так удивительно вкусны с котлетами.

Мама покупает всегда красные подосиновики или березовики и почему-то не берет белых, уверяя, что они «приторные».

Проезжает телега огородника, и он мелодично, нараспев кричит:

— Э-гурчики зелены... Э-гурцы зелены...

Спичечник поет:

— О, спички хорош... Бумаги, конвертов!..

Рано утром по колонии едет черный человек и отрывисто кричит:

— У-у-уголье... уголье... уголье!..

А Мартын на него неистово лает.

— Клюква-ягода, клюква! — пронзительно и тонко распевает разбитная бабенка, угощавшая нас очень часто горстями клюквы к нашему восторгу и к маминому возмущению:

— Что вы, касторки верно захотели!

Всех разносчиков мы знаем, с каждым-то надо поговорить, каждого мы умеем передразнить, распевая:

— Эгурчики зелены... У-у-уголье... уголье...

Изредка появляются какие-то странные люди. Раза два или три во двор заходили торговцы с высокой корзиной за спиной, но не плетеной, как у булочника, а сделанной как клетка из жердочек. В клетке — красивая, необычная посуда. Мама покупает огромную кружку шашечками желто-коричневыми. Много-много лет потом в этом кувшине у нас подавали молоко на стол. Продавцы посуды говорят только по-немецки. Мама их очень жале-

ет, приглашает к нам пить кофе, разговаривает. И также жалеет она «корзинщиков» — чехов и гуцулов, музыкантов-волынщиков. Они обыкновенно странно одеты в светло-серые куртки, ноги у них высоко обмотаны белым холстом. Они продают замечательно красивые корзинки, плетеные из круглых прутьев, пестрые деревянные флейты. За спиной у них серый мешок с дудками. Придя во двор, они играют какие-то грустные напевы. Мама покупает у них сухарницы, пестрые корзиночки для нас, корзинки для клубков, для чулок. Их усаживают на крыльце обедать, и мне нравится смотреть, как волынщики едят с аппетитом, обильно заеда все хлебом. Мама сердится на меня:

— Наташа, стыдись! Большая девочка! Сейчас же уходи вон! Разве можно смотреть в рот, когда человек ест!

Мама не знает, что не просто любопытство или озорство руководят мною, мне приятно видеть, что им вкусно есть у нас, что они с таким вздохом облегчения ставят свои тяжелые связки корзин в уголок, я радуюсь за них, тем более, что неотступно вспоминаю мамины же слова:

— Бедные люди! Ну, много ли они наторгуют... И ведь изо дня в день все ходят и ходят, — и мама вздыхает.

А раз мама вздыхает, значит действительно плохо, и как же тут не радоваться, что они могут хоть у нас спокойно расположиться, выпить стакан молока, съесть супу и котлет!

Мы с сестрой Кикой¹⁰ придумали забаву, в которой принимал деятельное участие и Бруня. Привязав к свежей пышной ветке сирени темную нитку, мы эту ветку бросаем из окна на тротуар и, притаившись, ждем прохожего. Особенно удачно бывает, если мимо пройдет вдруг какая-нибудь коломенская модница, перетянутая в рюмочку, с рукавами engigot¹¹ и «грэком»¹², торчащим из-под огромной шляпы, осененной перьями. Наша темная серая нитка не заметна, ветка сирени, точно случайно оброненная, лежит так заманчиво на тротуаре, кругом никого, не стыдно нагнуться и поднять. И вдруг ветка взвизгивается вверх и повисает над головой модницы, вне пределов досягаемости для нее. Уп-

¹⁰ Домашнее имя Вильгельмины Давидовны Флиттнер (1883–начало 1960-х ?), в замужестве — Стуккей.

¹¹ Модный фасон пышных рукавов.

¹² Модная прическа.

ражнялись мы в этой «ловле удочкой» без ведома родительской власти, конечно. Мы с Кикой валились от смеха на папин диван (свою «удочку» мы закидывали обычно из окна папиного кабинета), а Бруня, присев под подоконник или осторожно выглядывая сбоку, иногда продолжал еще дразнить прохожего, подергивая нитку. Бывало иногда, что какой-нибудь мальчишка, ловко подпрыгнув-таки срывал нашу сирень, а однажды случилось происшествие, положившее конец нашим похождениям. Нашу сирень подобрал босяк. Сделал вид, что не обращает внимания и вдруг, даже не нагибаясь, цапнул прямо за нитку, оборвал ее, поднял сирень и, вдев ее в свою продранную петлицу, поднял голову и увидел нашу смеющуюся троицу.

— Кинули бы лучше спичечку закурить, — попросил он.

— На, бери, отдай только потом коробку, — ответил Бруня, кидая ему целый коробок. «Бося» закурил.

— Лови! — крикнул он Бруне, швыряя коробок обратно во второй этаж. — Эх ты! Не поймал! Лови опять, — и коробок полетел снова вверх. Бруня подхватил его и метнул опять вниз. И снова, и снова перекидывались они спичечной коробочкой, Бруня и «ваш знакомый бося», пока не вошла мама.

— Это что такое?! Как вы смеее? Разве вы не знаете, что это папино окно?! Ведь вы папу оскандалите! Вы делаете глупости, а в больнице будут думать, что вы прохожих задеваете! И ведь коробком можно разбить нижнее окно. Сумасшедшие! Что подумают в нижней квартире о папе, видя, что под окном его кабинета босяк стоит?

Перелистываю написанное мною, и одно бросается мне в глаза: все то мое детство, вся моя юность протекают действительно под знаком влияния отцовской семьи, отцовского рода. И основным влиянием было влияние самого отца моего.

Папа не был аристократом. Дворянином, каким он умер, его сделала служба, табель о рангах, полученный им очередной и вовсе ненужный ему орден. В «дворянстве» его и меня — его старшей дочери — усиленно копались во время «чисток» нашей печальной современности.

— Только теперь из меня сделали дворянку. Революция произвела меня во дворянство, — вырвалось у меня горько на «чистке», — до этого времени никто не заботился о том, дворянка или

мещанка Наталия Флиттнер, спрашивали только, знает ли она что-нибудь, умеет ли она что-нибудь, честный ли она человек.

Но, не будучи аристократом, мой отец был «джентльменом» до мозга костей. А этим качеством не могли похвалиться многие чистокровные аристократы прежних дней, не могут им тем более хвалиться и современные «аристократы» — самое понятие джентльменства чуждо им, потому что основой всякого истинного, органического джентльменства является высокая и твердая мораль, высокая культура, которой не могли хвалиться некоторые аристократы по рождению и которой вовсе лишена вся современная «аристократия».

— Танцор, балагур, остряк, вот какой был твой отец в молодости, — рассказывала много раз тетя Роза на мои расспросы. — Любил хорошо одеться и умел это делать. Но ничего утрированного, ничего чересчур...

Нас в детстве очень забавляла одна особенность папы: у него были разноцветные глаза — один голубой, а другой наполовину карий...

— Der kleine David¹³, — смеясь, говорила о папе тетя Роза.

— Это он только на карточке кажется такого маленького роста, — пренебрежительно сказала раз мама, глядя на какую-то группу врачей, где был снят и папа. — Разве он такой? Die Nase immer nach oben¹⁴, всегда подтянут, всегда кажется выше других. <...>

Отцовская семья была вся музыкальна: прадед Франц Аугуст вывез с собой из Германии скрипку, на которой играл и мой дед. Папа и дядя в молодости участвовали в дуэтах, певали «в обществе», как в те времена было в ходу. Но наиболее одаренной из них была тетя Роза. В молодости она обладала большим голосом, настолько большим, что ее родная тетка Юлия Ермолаевна Бегер, сестра моей бабушки, хотела непременно, чтобы она училась. Тетя, смеясь, рассказывала, как она пела однажды при Даргомыжском: тетушка Бегер много раз настаивала на том, чтобы дед разрешил ей продемонстрировать тетин голос Даргомыжскому. Дед отказывал:

¹³ Малютка Давид — пер. с немецкого.

¹⁴ Всегда нос кверху — пер. с немецкого.

— Fürs Haus singt sie gut genug. Beruf sie, so wird sie später auf die Bühne wollen und das werde ich nie zulassen¹⁵.

Даргомыжский тетю услышал все-таки на вечере в доме Бегер. По обыкновению тетю просили спеть, и по общему желанию она выбрала романсы Даргомыжского.

— Пою, — рассказывала она, — а у рояля, облокотившись, стоит какой-то невзрачный человек, очень похожий на полового и смотрит мне чуть не в рот. Я была возмущена до глубины души такой невоспитанностью, и все оглядывалась на тетюшку. А потом тетюшка подводит его вдруг и знакомит меня с Даргомыжским — вот вам и половой.

Даргомыжский предложил давать тете уроки, настаивал на систематическом обучении, тетюшка Бегер предлагала лично отвозить тетю на уроки в своей карете и присутствовать при них. Дед отказал наотрез, не желая, может быть, также и иного влияния на молоденькую тетю — влияния очень богатой семьи Бегер, людей, живших совершенно иным укладом, чем вечно нуждающиеся Флиттнеры.

У тети был отличный слух. <...>

Описать тетю? Трудно. Опять передам только «скелет» впечатлений, а не радужную, живую ткань жизни. С тетей Розой в нашей детской жизни жило воплощение живой сказки, и это я осознала только тогда, когда ее сказочная жизнь закончилась сказочным же финалом, ее тихой, солнечной смертью, когда она навсегда ушла из нашей жизни... Навсегда ли? Нет, сто раз нет! Сказка не умирает, и не умерла и тетя Роза, сказочной феей залившая золотым сиянием всю нашу детскую жизнь. А я-то в детстве думала, что феи выглядят так, как вот эта чудесная картинка М. von Schwindt на переплете одной из сказок: на высокой скале сидит она — длинные-длинные бледно-золотые волосы лучами одевают ее и тянутся, сливаясь со скалой и с тропинкой под ней. А тетичка, маленькая, живая, полная, с молодым розовым лицом, голубыми живыми глазами, с густыми, совершенно серебристыми волосами, причесанными как у маркизы, веселая, приветливая. Да разве она была фея? Да, именно. Радостью, све-

¹⁵ Для дома она поет неплохо. Обучи ее, так она захочет на сцену, а этого я никогда не допущу. — *пер. с немецкого.*

том наполняла она не только нашу детскую жизнь, но всякое место, где бы она ни появлялась. Не было человека, не было животного, которые бы ее не любили, и я нисколько не удивляюсь, что она была любимой дочерью деда, его радостью и солнечным лучом. Тетичка отдала всю свою жизнь, все свои помыслы, всю любовь свою семье, родителям, братьям, нам — детям братьев, отдала радостно, сияя добротой, веселостью, бескорыстием, любовью... <...>

Бабушка¹⁶ иногда приходит к нам в гости, всегда днем, всегда ненадолго. Мне всегда кажется, что она страшно красиво одета, всегда во всем темном, в небольшой старушечьей черной кружевной шляпе, завязанной под подбородком атласными лентами. Только позже я осознала, что впечатление нарядности создавалось безукоризненной строгой аккуратностью бабушкиного старенького костюма, ее подтянутостью, каким-то неуловимым, типично польским умением носить франтовато самый простой костюм. Бабушка не снимает шляпы, мама торопит, чтобы скорее подали любимый бабушкин кофе. А я внимательно оглядываю бабушку, руки ее, накидку — никогда нельзя знать, какие странные вещи случатся около нее. Иногда на минуту только отвернешься, зазеваешься, а у бабушкиного локтя вдруг появится глиняный горшочек, точь-в-точь такой, как тот, в котором у нас запекают гречневую кашу, также обмуравленный даже, только совсем маленький. Или вдруг бабушка подзовет поправить передник, отойдешь, а в кармане забренчат глиняные плошечки, тарелки и кружка для молока — все маленькое, но все настоящее. А иногда бабушка сидит серьезно и спокойно, сколько мы ни трем-ся около нее в ожидании. Идешь тихонько в столовую, в передней части которой у нас прибита вешалка — там раздеваются «свои». Вот бабушкина старенькая лисья шуба, крытая чем-то темно-зеленым. Шуба как шуба, но бок подозрительно оттопырен. Посмотреть? Пожалуй, нельзя. У тети Розы можно распотрошить все, а у бабушки нельзя, бабушка беспорядка не любит. Тихонько отворачиваю полу шубы — там бумажный мешочек, а в мешочке сухарики ванильные, облитые сахаром.

¹⁶ Юлия Тимофеевна Егерманн (1830–1891) — бабушка по материнской линии.

— Бабушка, бабушка. Это вы нам принесли? Можно сухарики взять?

Бабушка удивлена:

— Сухарики? Какие сухарики, Натуся? Я ничего не приносила. Ну, если там сухарики, значит, это трубочист там забыл их.

Эти сухарики, облитые розовым и белым сахаром, были неразрывны с бабушкой. Совершенно немисливо было, чтобы их купила мама, или чтобы их принесла тетя. И когда бабушка умерла, сухарики перестали появляться у нас.

Бывало, что среди цветочных горшков, на окне одновременно с бабушкой появлялись четыре глиняные свистульки, и детская оглашалась неистовым свистом.

— Ну, мама, вот удружили. Прямо хоть вон беги, — смеялась и сердилась мама. — Ребята, убирайтесь на двор со своими свистульками!

Не в обилии, не в затейливости бабушкиных подарков была суть — бедная бабушка не могла тратить на дорогие подарки. Суть была в ее большом умении подарить, да и всегда-то ее подарки были «ко двору», всегда отвечали запросам ребячьего вкуса. Бабушка умела баловать, совершенно не балуя. <...>

Любимым человеком в семье была и няня. Няня была эстонка, лютеранка. Я это подчеркиваю, особенно последнее, потому что она сохранила полную связь и со своей эстонской колонией, и со своей церковью. Каждое воскресенье она надевала свое парадное зеленое платье, свой черный кружевной чепчик, свою шаль и отправлялась в церковь на Офицерской улице¹⁷. Очень часто она оттуда возвращалась с такой же старенькой эстонкой, Марьей Францевной, доброй, приветливой и веселой. Старушечки усаживались пить кофе, а мы вертели около, потому что нянин кофе был очень вкусный, страшно крепкий, всегда черный (сливки полагались только для Марьи Францевны), очень сладкий и всегда с черным хлебом, который няня размачивала в кофе.

Мама часто рассказывала, смеясь, как няня выживала всех прислуг, свирепо преследуя их за грязь, за безделье, выживала до тех пор, пока мама ей не предоставила ведать этой частью. Няня

¹⁷ Лютеранская церковь Св. Иоанна (1860 г., арх. Г. А. Боссе). Здание перестроено (ул. Декабристов, 54).

стала приводить из церкви молоденьких эстонок, приехавших прямо из деревни, и стала их сама обучать на свой лад. Хозяйственная сторона нашего быта скоро перешла совсем в ее руки. Няня ходила на рынок, когда маме не было времени, няня заправляла приготовлением обеда, няня варила кофе, снаряжала утром детей в школу, туго заплетая косы Кике и крошечной, едва подростшей Соне¹⁸.

Праздники в семье Флиттнеров

Зима! Зима!! Зима!!!

— «Зима. Крестьянин, торжествуя, на санках обновляет путь», — декламирует мама, — вставайте скорей. Первый снег.

Первый снег, значит санки, значит помогать Турке чистить двор, значит «гора»! Зима — это «елка», а елка — вершина всей зимы, золотое чудо из чудес, праздник-сказка, сказка, ежегодно переживаемая наяву.

Елка для нас, старших, была еще чем-то, окруженным сиянием тайны. Мы ждали елки с нетерпением. Бывало, случайно увидишь во дворе, как пронесут куда-нибудь деревцо, или найдешь просто обретенную ветку и несешься к маме:

— Мама, скоро елка?

— Елка? Какая елка? Никакой елки не будет.

И веришь-то маминую уверенность, и готова от горя и разочарования зареветь, и все-таки не веришь. Чересчур уж весел папа, чересчур уже часто шелестит в кабинете бумага, чересчур сурово прячет мама какие-то пакеты.

А почему нам утром не позволили бежать в кухню к дворнику Семену? А отчего в кухне что-то страшно шуршало? А когда я, наконец, туда сунула нос, там пахло чудесно елкой, и я нашла маленькую зеленую веточку. Мама ссылается на дворника Семена, который укладывает в ящик дрова, а Семен смеется и уверяет, что веточку он обронил сам с дровами, и что пахнет тоже дровами, что вообще «ничего тебе, Наташа, не будет. И не жди, братец ты мой».

¹⁸ Софья Давидовна Флиттнер (1887–1971) — детский врач, окончила Санкт-Петербургский женский медицинский институт.

Хорошо бы забраться в гостиную, но мама сурово, необычайно сурово ссылается на то, что мы там опять насорили, когда играли последний раз в «бревна», указывает на то, что там сидят папины пациенты, и окончательно убеждает нас, что если елка и будет, то еще очень нескоро. А в квартире елкой все-таки пахнет!

И уж очень много странных вещей стало совершаться. Вот прислуга вызывает маму в неурочное время в кухню, мы несемся за мамой, мама перед самым носом захлопывает дверь, но я успеваю рассмотреть Силантия, институтского сержанта, стоящего у стола, а на столе лежат огромные пакеты.

— Тетя Роза, тетя Роза, тетя Роза, — захлебываясь от восторга, вопим мы.

— Никакой нет тети Розы, — спокойно разочаровывает нас мама, выходя как ни в чем не бывало из кухни.

С вечера нас уж очень рано укладывают спать. Я верчусь, вздыхаю, прислушиваюсь к тому, что делается в столовой. Шуршанье бумаги, сухой, заглушенный, дробный стук орехов о железный поднос, легкий треск, точно раскалывают орех... От возбуждения становлюсь на колени, пытаюсь заглянуть в щелку.

— Что ты видишь, дай посмотреть, — тихий шепот рядом.

Это Пупа перелез ко мне в постель. Ничего, ничего не видно. Но зато пахнет горькой скорлупой грецкого ореха, сургучом и жженой ниткой. А вот мягко покатилося яблоко.

— Яблоки! Орехи! Елка! Ой-ой-ой, — восторженно захлебываюсь я.

— Спать-спать-спать... — строго окликает нас мама, появляясь на пороге.

Мама не папа, не послушаться нельзя. Пупа выкатывается через решетку к себе, я ныряю головой в подушку. Мама натягивает мне одеяло до ушей:

— Спать. Сейчас же спать! — строгий окрик, а рука сует в рот душистый мятный пряник.

Елка, елка, елка! Бедные современные ребята, вот этой радости ожидания вы совершенно лишены. Рассказать об этих переживаниях нельзя, их надо испытать самим, чтобы знать, каким источником света и тепла могут они стать на долгое-долгое время. Вот ведь через почти полвека жизни, через все тягости, через ужасы, кровь и смерть войны и революции тянутся ко мне

золотые лучи горящих елочных свечечек, через полвека почти что радуюсь я давно прошедшей радости и жду опять, когда зацветет огненное рождественское дерево. <...>

С раннего утра начинаем мы 24-го украшать елку. Сколько ликования, когда мама развязывает веревки и снимает пожелтевшую газетную обертку с большой коробки наших старых бонбоньерок. Вот они все: и зеленый крокодил (а может быть и ящерица просто?!), и серебряный шар с промятым боком, и прозрачные стеклянные колокольчики, красные и белые, и великолепная большая рыба, сияющая зеленым и красным золотом чешуи, и большая золотая звезда с Младенцем и пастырями.

Украшено рождественское дерево: золотой и серебряный дождь тянется нитями, сверкает искорками в гуще ветвей, заплетается золотой паутиной. Темнеет. Няня зажигает большую лампу над обеденным столом, накрывает к обеду, позднему, так как по случаю елки мы и обедаем и кофе пьем одновременно, в 4 часа.

На столе оленина с брусничным вареньем и жареной картошкой, саговый суп на красном вине, к кофе подается домашняя сладкая булка и любимый всеми *Blech Kuchen*¹⁹, привезенный тетичкой. После кофе мама выгоняет нас из гостиной, где стоит елка — зажигают ее и раскладывают подарки по-прежнему без нас.

Льются торжественные звуки «Пробуждающегося льва», распахиваются тихо двери, сияет, лучится и переливается рождественское дерево теплыми огнями свечей, золотом и серебром украшений. И снова вся наша гостиная с ее зеленым лесом красивых обоев, с ее старой зеленой бархатной мебелью и большой картиной — Мадонной с Младенцем и Иоанном Крестителем кажется какой-то новой, преображенной, необычной. В обычное время она не бывает так до последних углов залита светом. Хорошо!!! И тетичка с нами, и папа дома, и мадам Мюллер²⁰, сияя улыбкой маленького лица, сморщенного как печеное яблоко, перебросив через плечо посудное полотенце, любуется елкой, и все огоньки свечей отражаются в глазах няни.

¹⁹ Немецкое традиционное блюдо — сладкий пирог с изюмом, дословный перевод: «жестяной пирог», т. к. подается на жестяном подносе.

²⁰ Няня в семье Флиттнер, о ней см. с. 216.

Ни с какими «религиозными предрассудками» тогда в детстве не связывалась для нас «елка». Елка — это была вершина зимы, дальше шел веселый полет на санках вниз, под горку к весне. Мелькало мамино рожденье (новый год мы еще не встречали детьми), масленица, верба, Пасха. <...>

К страстной субботе уборка у нас дома кончена, вымыты окна, полы, выколочена мебель, все сверкает и сияет чистотой. Мама утром одевает черное шелковое платье, папа в больницу не идет — они идут в церковь причащаться. На черном платье у мамы моя любимая брошка — крупный, чистый, темный аметист. Дома — настроение праздничное и приподнятое. В кухне весь день настежь дверь, чтобы выпустить чад, пахнет сладко ванилью, кардамоном, шафраном, звенит железная ступка, и удары пестика напоминают лето и звонкие удары в кузнице на Волхонском шоссе²¹. Выбежишь в сад во дворе — весна. Последний снег лежит еще в кустах да около забора, дорожки вязки и мокры, лужи всюду. К вечеру они покрываются тонким ледком, и я люблю продавливать их ногой, так же как люблю «гонять лужи» метлой — метешь с героическим размахом, «убивая зиму», выгоняя ее. А с колоколенки больничной несутся редкие удары жиденького разбитого колокола — великопостный последний звон — вечернее небо нежно зеленеет, и над колоколенкой золотой ниточкой вырисовывается серпик весенней луны. Люблю смотреть, как после службы из главных больничных дверей выходит народ, как в легких сумерках мерцают свечи. Люблю даже вот это весеннее ощущение заколеченных, зазябших, красных, мокрых рук. Мы жили настолько «за городом», что смена времен года для нас была ощутительной, и годовые праздники для нас действительно отмечали движение года, осмыслились не церковной обрядностью, а своей связью с землей и солнцем.

Девятого марта неукоснительно «прилетали жаворонки», и для нас было бы страшным разочарованием, дождавшись дня «когда день равен ночи» не получить к утреннему кофе сладкого «жаворонка» с изюминками вместо глаз, и непременно одного — двух жаворонков съесть не полагалось. Почему? Да потому что

²¹ Шоссе в Стрельне, где Флиттнеры проводили лето на даче.

второй жаворонок был бы уж просто булка, и только первый был символом весеннего равноденствия. Наступала масленица, и у нас пеклись блины, толстые, пшеничные, с маслом, сметаной и селедкой.

— Ребята, отчего блин круглый? — весело спрашивала мама.

— Потому, что сковородка круглая, — отвечал чей-нибудь голос.

— Нет-с, блину, полагается быть круглым, потому что солнце весну повернуло, смотрите, как светит.

И действительно, на солнечном окне у мамы зацветают огненные стрелки амариллисов, и ледяные узоры серебряной каплейю стекают со стекол.

— Вейки, вейки! Мама, поедем на вейках.

На вейках полагается ездить с мамой и только с мамой. Выйдем переулком на широкий Рижский проспект. В городе грязь, лужи, оттепель, а у нас на солнышке тает, лоснятся колеи от полозьев, а в тени снег чистый и плотный. Едем на широких санках, звенят колокольчики, развеваются пестрые лоскутки на дуге «вейки», вейка едет по-деревенски, как попало.

— Мама, мама, поедем на острова, — пристаем мы.

Мама соглашается — сегодня наш праздник. Съезжаем по крутому берегу горкой на баржу, играющую роль моста между Гутевским островом и городом. Нас манит необычайность обстановки, тишина, простор... Возвращаемся домой и застреваем по дороге в саду. Там ребята катаются с гор. Тащим и мы с Пупой свои санки. Гора невысокая, самодельная, просто большая куча снега, плотно прибитая и политая водой. <...>

Мне много раз приходилось уже повторять, что наша семья не была богатой. Не была она даже и состоятельной по тогдашним понятиям. Развлечениями мы, дети, не были избалованы. Жизнь наша протекала в тесном семейном кругу, в гостях мы бывали редко, и редкие же наезды гостей к нам в дни наших годовых праздников обычно и создавали то особое настроение приподнятости, которое мы так любили. Доходы отца с годами не увеличивались, потребности же подрастающей семьи росли. Поэтому нам недоступны были театры, вечеринки и т. п. Обычным и любимым развлечением наших семейных вечеров было чтение.

Вот трюхает моя конка по Садовой, погромыхая на стыках рельс, подолгу задерживаясь на разъездах в ожидании встречной. Не торопились жить, не сжигали времени, мысли, сил душевных в дикой погоне — за чем? Мы не знаем, знать будут через сто лет.

От конки, от угла Садовой и Покровской площади до дому еще порядочный конец, через всю площадь, по отрезку Садовой за площадью через Калинин мост и по Фонтанке. Добегаю быстро — расстояние мне не кажется большим по знакомым и родным местам. Тускло горят редкие фонари, но темноты я не боюсь — ведь я почти дома. Летом пробегаю Садовую, Калинин мост, нашу пустынную набережную; тороплюсь поспеть домой до ужина, до 7-ми часов. Тихонько раздеваюсь в прихожей, прислушиваясь к тому, что делается в общей комнате, заглядывая осторожно через дверь. Обычная картина! Папа с Бруней режутся в трик-трак, слышно мерное постукивание выбрасываемых костей, Кика, Толя²² и Соня читают у того же стола, мама вяжет чулок.

— Что взяли из Рубакинской? — спрашиваю я, бывало, жадным оком оглядывая книги читающей компании.

«Рубакинская библиотека»²³ — обычный поставщик всей нашей семьи в эти годы, наша «придворная» библиотека. Библиотекой при лютеранских церквях, так называемой «Евангелической», с ее богатой литературой на немецком, французском и английском языках пользовались преимущественно мы с папой, Рубакинская библиотека обслуживала наши общесемейные нужды.

Заговорив об этом отличном учреждении, — кстати сказать, не единственном в Петербурге моего времени — я не могу не отвлечься в сторону, чтобы помянуть добрым словом и самую библиотеку, и ее основательницу, одну из многих русских женщин, носительниц подлинной культуры, творцов ее.

²² Анатолий Давидович Флиттнер (? — 1902) — младший сын Флиттнеров.

²³ Частная общедоступная библиотека, основанная Лидией Терентьевной Рубакиной в 1885 г., располагалась на углу Б. Подъяческой и Садовой улиц, в доме Дурдина. Продолжил дело Рубакиной ее сын Николай Александрович Рубакин (1862–1946) — известный библиограф, публицист, популяризатор научных знаний. Рубакинская библиотека стала базой для первых воскресных рабочих школ.

Мама, знавшая лично Л. Т. Рубакину, вдову, мать двух сыновей, рассказывала, как она, воспитывая их и следя за их чтением, создавала для них постепенно хорошую библиотеку, которой стали пользоваться сперва и их товарищи, затем весь круг юных и уже подрастающих читателей, пока она с годами не превратилась в огромную, богатую библиотеку с научным отделом, с серьезным и строгим подбором беллетристики.

При Рубакинской библиотеке была организована читальная зала. За выдачей книг следили библиотекари — педагоги во главе с самой основательницей. Детей и подростков расспрашивали об их специальных интересах или об их нуждах, если какой-нибудь юнец приходил в поисках материала для подготовки урока или сочинения.

Бруня приносил «из Рубакинской» тома серьезных путешествий, различные статьи по истории русской литературы, которой он увлекался наряду с путешествиями. Приготовишка-Толя таскал связки журналов «Природа и люди», «Вокруг света», Жюль Верна, Майн Рида и тому подобное.

Бьет половина девятого. Истекает Толин льготный срок, и мама неумолимо гонит малышей спать. Я забираю весь пакет «Вокруг света» и собираюсь только что погрузиться в чтение...

Как хороши были эти вечера дома в те чудесные годы, когда вся наша семья была еще вместе, когда у нас, детей, вся жизнь была еще впереди, когда мы и помыслить себе не могли, что наступит время, и не будет больше семьи, не нашей только, но семьи вообще, как основы, как фундамента человеческого коллектива.

Холера и как с ней боролись в конце XIX в.

Холера свирепствовала, а Бруня, как и следовало ожидать, включился со своей энергией в работу. В Академии он специализировался по кафедре санитарии и гигиены. В качестве санитаря он ведет ежедневные обходы наших трущоб в районе порта и фабрик, вылавливает больных, следит за чистотой, проводит дезинфекцию, часто в насильственном порядке, так как малокультурное население скрывает и очаги заразы, и больных, и часто даже умерших. В народе ползут слухи: «Холеру посыпают, чтобы народ помирал». К нам забегают папина старая больничная

сиделка Дуня. Сидит и шепотом, прируживаясь и оглядываясь по сторонам, сеет слухи:

- Посыпают-посыпают холеру-то... порошок такой сыпят...
- Да кто сыплет-то?
- Кто?.. Да... доктора сыпят.
- А им-то зачем?
- Им выгодно... лечат.

— Дуня, да что вы за чепуху говорите? Ну что, ведь Давид Богданович доктор был, что же вы и его убийцей славили бы?

— Давида-то Богдановича?! — вскидывается Дуня. — Да нешто... да разве я... да он же святой человек был.

— Ну вот, а когда была как-то холера, так и он ходил по отхожим местам и выгребным ямам и засыпал их «порошком», дезинфицировал, чтобы заразы не было.

Дуня слушает, молчит, а в глазах застыло выражение насмешливого, глупого, животного упорства:

- Ты там мели свое, а я так знаю, что знаю...

И не собьешь людей с их вздорной и вредной уверенности, что не одни доктора, а и вообще вся интеллигенция повинна в намеренном распространении холеры — посыпают, мол... И подтверждение видят в том, что страшная гостья обходит интеллигенцию, не верят, что все дело в соблудении чистоты.

Обегав свои трущобы и облазав барки и лайбы в устье Фонтанки, Бруня бежит в свои холерные бараки курировать. Эпидемия застала город неподготовленным. Больных и мертвых подбирают прямо на улице, бараки переполнены, а врачей и санитаров не хватает. Привозят на извозчике холерного, санитары снимают его, а пролетку готовы отпустить без дезинфекции — как, мол, вымоешь-то ее? И Бруня, приняв больного, собственноручно наводит чистоту, обеззараживает и пролетку, и возницу заодно, сунув ему лишний полтинник за выполнение опасной работы.

Жду по ночам возвращения Бруни. Грею еду, грею чай. Жду в назначенный час, в 3 часа, в 4 часа ночи. Жду, волнуясь за него — известны случаи холеры молниеносной — а он приходит сплошь и рядом только утром, так как никто его с дежурства не сменил. Вторые калинкинские врачи от барачков бегают как от чумы и боятся даже подавать руку Бруне — где уж тут дежурить!

Сидит Бруня за столом накануне очередного дежурства, крутит рога надо лбом и, заглядывая поминутно в какие-то книги и брошюры, строчит какой-то рецепт.

— Клизма... по рецепту fuz'a... новый способ... надеюсь вытянуть своих тяжелых, — кратко бросает он мне в ответ на мой вопрос.

— А разве ты, студент, совершенный новичок, можешь так самовольно распоряжаться лечением? — осторожно спрашиваю я.

Бруня только смеется и рукой отмахивается:

— А кто же другой будет делать это? Я же и все рецепты пишу, я же и лечу.

Сам Бруня рассказывает мало о своей работе, но слухи о нем идут: ругается с «начальством», критикует старые способы лечения, опий внутрь и т. п., больные у него поправляются, даже очень тяжелые, процент смертности в его бараках невелик, а среди пациентов он пользуется необычайной популярностью. Зато сам он временами, особенно возвращаясь домой с дежурства, похож на тяжелобольного: осунулся, похудел, под глазами широкие темные круги, хотя бодр и весел, и готов даже опять на веселые проделки, как в былые времена.

Заключение

В конце января 1899 года внезапно захворал папа. Болезнь сперва казалась простой простудой, и мы думали, что стоит ему несколько дней отлежаться и отдохнуть — все пройдет. Эти несколько дней прошли, и вызванный по желанию папы профессор Керниг, постоянно лечивший его, установил, что «простуда» оказалась тяжелым воспалением легких. Положение папы было тем более серьезным, что организм его был уже сильно ослаблен: в молодости во время русско-турецкой войны, дежуря в госпиталях для раненых, папа захворал сыпным тифом, в последние годы он страдал болезнью печени. И ко всему остальному присоединилось еще и переутомление от постоянного перерабатывания, и сердечная слабость.

В последние дни перед своей смертью папа несколько раз твердил маме:

— Помни, что бы ни случилось, я всегда буду с вами...

Прошло много, очень много лет со дня папиной смерти, почти целая человеческая жизнь. Ну, что же, нашла ли я замену

папе? Нет! Только теперь я к этой пустоте привыкла... Хотя, пожалуй, это неверно. Ни одна живая душа не заполнила мне места моего отца, но вместо ушедшего видимого образа папа оставил мне память обо всем, чему он учил меня, оставил возможность в трудные минуты мысленно обратиться к нему и ясно осознать, какой совет дал бы он. Папа оставил после себя возможность духовного общения, оставил свою мысль, свою мораль.

Не успели мы похоронить папу, как новое горе надвинулось на нас. Захворал тяжело Толя. Ему было лет восемь, когда он перенес тяжелую скарлатину. Остались последствия — воспаление сердечной сумки. Папа говорил часто, что покой, осторожность и режим могут излечить Толю. Нужна только именно осторожность, нужно беречь его от простуды, от волнений. Легко было сказать это, но как на деле было уберечь от волнения мальчика, горячо любившего отца, умирающего на его глазах?!

Помню я жалкую худенькую фигурку моего бедного братишки на папиных похоронах. Толя не «ревел». Бледный весь, стоял он где-то в уголку, глядя неотступно на папин гроб широко открытыми, полными слез глазами.

На похоронах Толя простудился. Пролежал неделю и пошел опять в гимназию — ведь он был первый ученик в классе, один из лучших латинистов, которому, не в пример прочим ученикам, давались задания, предназначенные только для старших классов. Мог ли Толя опустить свое знамя, посрамить честь свою, честь своего класса?! Могли ли мы все, занятые ликвидацией нашей жизни в больнице, думать, что Толина простуда будет началом его смертельной болезни?! Могла ли и мама, убитая горем, тяжелой заботой о будущем, предполагать, что ее любимец, ее гордость, ее младшее и самое дорогое дитя так скоро уйдет за папой «в страну, откуда нет возврата»?

Пасмурным мартовским деньком хоронили Толю. У гимназических дверей на Екатерингофском проспекте²⁴ его гроб встретили учителя, гимназисты и священник, стройно пел гимназический хор. Звонко разносились у открытой могилы высокие голоса третьеклассников. Инспектор говорил теплыми словами о нем, «хорошем товарище», «гордом и честном мальчике»,

²⁴ 5-я (Аларчинская) гимназия на Екатерингофском пр., 73.

плакал Юрий Янко. Учителя, бросив горсть желтого песка, отошли поспешно, закрывая глаза платком.

Тихо разошлись все, ушли и мы, оставив нашего Толю под охраной папы. И стало у нас дома тихо и пусто без него, без его веселой болтовни, без споров о прочитанных книгах, без постукивания косточками триктрака.

Тридцать девять лет тому назад я думала, что сил не хватит перенести двойное горе — смерть папы и ровно четыре месяца спустя смерть Толи. И не могла я никак примириться тогда с «несправедливостью» Толиной смерти. Как часто думала я в последующие годы: Зачем умер Толя? Каким другом и в жизни и в работе мог бы он быть мне!

Но именно в прошлом, 1939–1940 годах, именно в мартовские дни, сидя в своей «Каабе», в клетушке из фанеры, которую я себе выстроила в целях затемнения, я поняла, что и его ранняя смерть, и такая же ранняя и, казалось, бессмысленная смерть нашего Коли²⁵ получила свое оправдание. Не снести было бы им обоим, справедливым, честным и гордым, той безбрежной лжи и фальши, той жестокой несправедливости, того дикого произвола, того безмерного унижения человеческого достоинства, через которое им пришлось бы пройти. Разве не чувствовала я сама глубокой душевной трещины, которую не склеить и не залечить? А я ведь человек гораздо больших компромиссов, чем Толя или Коля, как бы молоды ни были они.

«Давид Богданович Флиттнер на компромиссы не шел, черное и называл черным, а белое — белым», — так писали о папе в одном из некрологов. И такими же людьми росли и сын его Толя, и внук Коля. И если смерть их была для меня великим горем, то теперь я с чувством тихой и глубокой радости оглядываюсь назад, на то светлое время, когда они жили, когда они были со мной.

Время шло, жизнь ставила новые задачи. В мае мы должны были уехать на дачу, оттуда не возвращаться уже больше в нашу больницу, а переехать на новую квартиру. Много работы, много мелочной возни предстояло нам еще. Надо было разбирать наше старое гнездо, обросшее за долгие 16 лет мелочами повседневно-го обихода.

²⁵ Николай Брунович Флиттнер, сын Б. Д. Флиттнера.

В последний раз наблюдали мы с Кикой, притулившись на одном из подоконников нашей квартиры, как наступают светлые весенние сумерки, как загораются редкие золотые огоньки фонарей на Галерном островке. В устье Фонтанки входили первые в этом сезоне лайбы и причаливали к набережной под нашими окнами. На том берегу по пологим скатам золотыми коврами зацвели одуванчики.

В последний раз прислушивалась я к таинственным ночным зовам сигналов с Галерного островка — ударит в железную доску один ночной сторож, ему отзовутся второй, третий... изда-лека донесется последний замирающий звон, и снова наступит светлая тишина весенней ночи.

Кончились мои занятия у Гибсон²⁶. Разобраны и упакованы были наши вещи. В последний раз обошла я комнаты, прислушиваясь к звуку каждой двери, к их голосам, родным, привычным мне с раннего детства... Прощай, больница, прощай, родное гнездо!..

Рассказ мой о нашем детстве, отрочестве и юности кончен. Выполнено задание мамы, и ей посвящаю я свою работу, по ее желанию сделанную мною. Маме и светлой памяти отца, и всех их, кто хранил мое детство, кто растил во мне душу человеческую, душу живую.

²⁶ Английская семья, где Наталия Флиттнер давала детям уроки истории.

В. К. Грекова

Незабываемые адреса и люди Коломны

Впервые я услышала слово «Коломна» в раннем детстве, когда мама показала мне хранившуюся в семейном альбоме любительскую фотографию моей бабушки и двух ее сестер с воспитанницей во дворе дома на набережной Екатерининского канала, где они жили в конце XIX века.

Прошли годы, и Коломна навсегда вошла в мою жизнь. Я помню ее довоенной, когда мама водила меня гулять в Алексеевский сад, казавшийся мне тогда очень большим и зеленым. В Доме пионеров и школьников, что стоял во дворе бывшего дворца великого князя Алексея Александровича, на набережной Мойки, 112, я делала свои первые шаги в музыке.

В Коломне прошли практически все мои школьные годы. Начались они в далеком 1939 году в школе № 10 на набережной Мойки, 102, где первой и любимой учительницей была Нина Степановна. Школа размещалась в комплексе зданий, вместе с соседним садом принадлежавших до революции филантропическим заведениям: Демидовскому дому призрения трудящихся и открытым при нем школе, отделению вспомоществования трудящимся женщинам и детскому приюту.

Учебного 1941–1942 года не было ни у меня, ни у многих детей, оставшихся в блокаду в Ленинграде. Мы жили тогда недалеко от Коломны, на набережной канала Круштейна. Голодная, с обмороженными ногами, я сидела дома. Читала «запоем» при свете коптелки книги из домашней библиотеки и, если удавалось отогреть руки, играла на пианино. Незабываемо праздничной была школьная елка на встрече Нового 1942 года.

После смерти папы в марте 1942 года я вновь оказалась в Коломне, но на этот раз в детской больнице на улице Декабрис-

тов, 42. Пребывание в больнице запомнилось мне тем, что, окрепнув и встав на ноги, я долгие часы проводила на углу Лермонтовского проспекта и улицы Декабристов, напряженно всматриваясь в сторону Крюкова канала в ожидании мамы, с которой рассталась впервые.

В третьем классе я снова училась в своей школе. Поскольку она находилась в непосредственной близости к оборонным и военным объектам, то зачастую уроки в классе прерывались бомбежками или обстрелами, и тогда мы занимались в бомбоубежище при школе. После попадания бомбы в здание института Лесгафта мы участвовали в спасении анатомических экспонатов институтского музея, производивших на нас, детей, уже закаленных войной, неизгладимое впечатление.

В следующий, четвертый класс, я пошла уже в 252-ю школу (по современной нумерации), на набережной Крюкова канала, 15. Здание школы до революции принадлежало Воспитательно-му дому, позднее — гимназии Императорского Человеколюбивого общества, а еще раньше на этом месте было кладбище при Морском Николо-Богоявленском соборе. Каждый день после уроков я бежала по коломенским улицам на работу к маме и, пересекая Сенную площадь, всякий раз попадала под артиллерийский обстрел, т. к. немцы обстреливали городские районы с присущей им пунктуальностью.

Январь 1944 года запомнился видом всполохов света на небе в окрестностях Ленинграда, которые мы наблюдали утром, идя в школу; и мы, такие «всезнающие», догадывались, что на подступах к городу происходят очень важные для всех события. А 27 января все подтвердилось: блокада была снята!

В этой школе немецкий язык преподавала Нина Николаевна Терлецкая. Летом 1944 она сопровождала нас, школьников, впервые за все военные годы отправленных на отдых в лагерь на станцию Всеволожская. Лагерь находился в расположении воинской части. Здесь, на сцене клуба и в окопах, мы, совсем еще недавно пережившие все ужасы блокады, разыгрывали веселые скетчи на военные темы, пели и танцевали перед бойцами. У многих из нас уже был «сценический опыт» выступления перед ранеными в госпиталях. Но, даже веселясь, гуляя по лесу, мы отчаянно скучали по дому и были счастливы, когда Нина Николаевна, уезжая на день-

другой в Ленинград, соглашалась передать нашим мамам письма и собранные нами полевые цветы.

В следующем учебном году я ненадолго рассталась с Коломной, т. к. сдавала экзамены «по музыке», а затем начала учиться в Хоровом училище при Академической капелле, в которое впервые, в нарушение традиций, были приняты девочки. Там шла уже почти мирная школьная жизнь, насыщенная занятиями по общеобразовательным и музыкальным предметам, репетициями и постоянными выступлениями в Большом зале Филармонии, Доме офицеров, во Дворце пионеров, на других концертных площадках города и на радио. Знаменательно, что сейчас Хоровое училище им. М. И. Глинки находится в Коломне на Мастерской улице. В Капелле я встретила самый радостный день — 9 мая 1945 года — День Победы!

Летом 1945 года мы с мамой, среди множества ликующих людей, приветствовали на Театральной площади у стен Консерватории возвращавшихся с войны воинов нашей армии.

После возвращения из эвакуации мальчиков мы, девочки, перешли из Капеллы в общеобразовательные школы. В шестом и седьмом классах я училась в семилетней женской школе № 237 на набережной реки Мойки, 90/1, у Почтамтского моста, в прекрасном особняке, до революции принадлежавшем знатным владельцам: Голицыным, Шуваловым, Орловым. По воспоминаниям, при Орловых особняк походил на музей. Однако к 1945 году от художественного убранства в школьном здании ничего не сохранилось, а школьная жизнь после Капеллы, где все было наполнено не только напряженным повседневным трудом, но и освящено музыкой, какое-то время казалась мне удручающе унылой. Но рядом были любимые учителя и предметы. Мне особенно запомнились прекрасные уроки по истории, которые увлекательно вела Людмила Николаевна Грацианская, выпускница Высших женских (Бестужевских) курсов. Школа соседствовала с Домом учителя, находившимся в бывшем дворце Юсуповых (набережная реки Мойки, 94), где я была постоянным и благодарным читателем очень хорошей библиотеки, в которой книги выдавались и на дом, что было важно, т. к. многое из домашней библиотеки сгорело в буржуйке во время блокады.

В 8–10-м классах я училась в школе № 243, одной из лучших в Октябрьском районе, на набережной Крюкова канала, сейчас, к сожалению, уже не существующей: она была снесена в 2005 году в связи со строительством «второй сцены» Мариинского театра.

Под руководством великолепного организатора, директора Анны Ивановны Баландиной тогда в школе работали опытные высококласные педагоги: незабвенный любимый историк Григорий Осипович Руткевич, очень строгая, но так хорошо подготовившая нас к занятиям высшей математикой Евгения Николаевна Ермолаева, физик Евгений Евгеньевич Никольский, учительница немецкого языка Фредерика Эрнестовна Урекки, учитель черчения Павел Михайлович Вахрушев и многие другие. Отсюда мы, 33 выпускницы 1950 года (V выпуск школы), разошлись по разным адресам уже за пределами Коломны. Но еще долгие десятилетия по улицам Коломны пролегали мои пути на улицу Плеханова в Химфарминститут, где я сначала училась, а затем преподавала. По улице Писарева, проспекту Маклина (ныне Английскому), набережной канала Грибоедова, по Калинкину мосту через Фонтанку я попадала во Всесоюзный институт антибиотиков и ферментов медицинского назначения, где я работала.

В течение последних школьных лет и на первом курсе института в мою жизнь вошли такие «музыкальные» адреса, как Консерватория, Мариинский театр, где я пела в детском хоре, участвовала в таких оперных спектаклях, как «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Кармен», «Семья Тараса», балете «Щелкунчик». Мы «выезжали на гастроли» в Малый оперный театр, где нас занимали в опере «Дружба народов».

Среди множества «моих» коломенских адресов есть один, связанный со святой для моей семьи женщиной, которая в один из осенних вечеров 1943 года подошла ко мне, плакавшей на трамвайной остановке на площади Труда, и, узнав, что я давно стою в ожидании не вернувшейся с работы мамы, увела меня к себе, на улицу Декабристов, 50, сказав, что найдет мою маму живой или мертвой. По дороге мы зашли в наш дом, где она оставила в почтовом ящике записку со своим адресом. Лишь поздно вечером, после сдачи крови в Институте переливания крови, в районе которого в тот день был сплошной обстрел, мама отвела меня домой.

Заканчивая краткие воспоминания о «своих» адресах в Коломне, считаю необходимым упомянуть и о таких «бытовых», как бани, столь необходимые для нас, долгие годы не имевших ваннных комнат. Вспоминается баня в Усачевском переулке, которая была открыта первой после блокадного отсутствия не только горячей, но зачастую и холодной воды. Позднее начали работать бани на Пряжке и Фонарные на набережной Мойки. Эта баня, построенная по проекту архитектора П. Ю. Сюзора, автора множества известных жилых и общественных зданий нашего города, запомнилась своими интерьерами с прекрасными изразцовыми печами, с большим бассейном и даже с чучелом огромного медведя при входе.

В моей памяти сохраняется, конечно же, множество других, неназванных адресов и, главное, имен людей, связывавших и связывающих меня и по сей день с Коломной. Пусть же воды, которые омывают этот живописный мистический район Петербурга, никогда не станут реками забвения.

В. Н. Кудрявцев

Моя Коломна

Здесь я родился. Мой первый адрес: Садовая, 77. Потом, правда, было еще три, и все — в той же Коломне.

Мой жизненный путь начался с события, имевшего несколько даже детективный характер. Я был похищен. Дело в том, что моя тетушка, дама твердых правил, выкрала меня, младенца, у моей матушки-комсомолки, дамы не менее твердых правил, и окрестила в Никольском соборе: «Не расти же ему нехристом». Операция была тщательно спланирована и прошла успешно. Моей крестной матерью стала другая моя тетушка, а крестным отцом — мой двоюродный брат, он был старше меня на двадцать лет.

Я родился в сорок первом году на второй день войны, и меня очень скоро увезли в эвакуацию, далеко в глубь страны, в Башкирию. Отец мой остался в Ленинграде. Он погиб, участвуя в составе народного ополчения Октябрьского района в неудачном наступлении вблизи Синявино. Матушка моя забеспокоилась, когда перестала от отца получать известия. Она отвезла меня к родственникам в Костромскую область, а сама проделала путь по знаменитой Дороге жизни только в обратном направлении и вернулась в Ленинград. Как только блокада была прорвана, при первой же возможности матушка привезла меня домой. Это было осенью 1944 года.

Мои первые впечатления от Коломны: я оказался в раю. После долгого путешествия сначала в кузове полуторки с газогенераторным двигателем, после томительных ожиданий на железнодорожных станциях, погруженных во мрак, поблескивавших только синими фонарями, после ночлегов в товарных вагонах на охапке соломы я, по моим детским воспоминаниям, оказался на залитой огнями привокзальной площади. Новенький трамвайчик, пахнувший свежей краской, и мы — в Коломне. Здесь раем было всё: и уютная Покровская площадь, и бульварчик вдоль канала и Ни-

кольского рынка, и садик возле Никольского собора. Я еще не знал, что живу в самом красивом месте города, но уже догадывался об этом. Я по малолетству не разбирался в положении на фронтах, но чувствовал: близится победа. Это угадывалось и по чудесным песням, звучащим из черной тарелки репродуктора, и по бравому виду военных, проходивших под моим окном. Я сидел на подоконнике и любовался их великолепием. Я изо всех сил гордился своим городом-героем, своим дядей, капитаном первого ранга, у которого был чуть ли не полный набор боевых наград — от всяческих медалей до ордена Ленина.

И вот он настал, этот день. Днем было жарко. В большом фонтане у Адмиралтейства плескались мальчишки. Они собирали монеты, которые бросала им гуляющая публика. Вечером был салют. Мне он показался грозным и страшным. На Неве били корабли, уж не знаю, из пушек каких калибров. Звенели и лопались стекла в домах на набережной. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то неудачно запустил ракету, и она прыгала среди толпы, озаряя лица жутким светом. Наши с матушкой жилищные мытарства закончились, и мы переехали в последний раз на улицу, названную в честь критика Д. И. Писарева, бывшую Алексеевскую. Здесь мне предстояло прожить самые важные годы: детство, отрочество, юность. Что касается детства, то оно было золотое.

*Ах, детство золотое!.. Как играли
Мы здесь, среди таинственных развалин!
По всей Коломне закоулка нет,
Куда б не сунул нос послевоенный шкет.
Сюда к нам пленных немцев привезли
В шинелях, без ремней. Пора настала
На нашей улице им разбирать завалы.
Был лучезарен мир и справедлив!
Вот только запах...
Запах тот блокадный
Висел в прохладном сумраке парадных¹.*

Коломна сороковых годов... О, это была совсем иная Коломна, не такая как теперь. Как всё изменилось!

¹ Полностью опубликованы в сборнике стихов: Кудрявцев В. Н. Коломна. СПб., 2003.

Утро, майское утро, благоуханная тишина. Представляете, тишина! Вдоль всей улицы — ни единого автомобиля. И там дальше, там за Храповицким мостом, до самой Невы, где торчат мачты парусника «Крузенштерн», тоже нет машин. По булыжной мостовой позвякивают подковы. Лошадка привезла длинную платформу на резиновом ходу. Будут грузить декорации к вечернему спектаклю в «Мариинке» (тогда Государственный театр оперы и балета имени С. М. Кирова). Вот вышла старушка Л. А. Дельмас² прогуливать собачку. Блока мне еще не скоро предстояло прочесть, но о Дельмас я знал. О ней частенько шушукались и судачили на кухне в нашей коммунальной квартире. Обсуждали ее наряды, прическу, собачку... Я недоумевал: чего они к ней привязались? Мало ли в Коломне старушек интересных? У нас в квартире тоже была старушка, о ней тоже шушукались: говорили, что она из «бывших». Это была высокая седая женщина со строгим взглядом и горделивой осанкой. Звали её Вера Ивановна. Её многие побаивались. Я тоже её побаивался и, как оказалось, совершенно напрасно. Со мной она была ласкова, приглашала к себе в комнату и угощала чем-нибудь сладким. Жалела меня, безотцовщину. К её вздохам я относился спокойно. Среди моих многочисленных друзей только у одного отец остался жив после войны. Так что, скорее, он был явлением из ряда вон выходящим. Еще Вера Ивановна давала мне книги почитать. Книжки были интересные, старые, с дореволюционной орфографией, но в таком отличном состоянии, что к ним было страшно прикоснуться... Я оборачивал их в кальку и обращался с ними с беспредельной аккуратностью. В день смерти Сталина моя матушка вышла на кухню с заплаканными глазами. Вера Ивановна смотрела на нее с нескрываемой иронией: «Что же это вы так уж расстраиваетесь?» Матушка была так поражена, что даже не нашлась, как ответить. «Ничего, ничего, — Вера Ивановна улыбнулась, — ничего, может быть, теперь всё пойдет по-иному».

Вот такие старушки жили в Коломне в те годы... Ах, эти старушки! Они носили на белоснежных блузках камеи (мода такая была) и произносили очень интересно некоторые слова: «пионер», «милиционер». Они всегда были элегантны и, не-

² С 1940-х гг. Л. А. Андреева-Дельмас жила на улице Писарева, 18. А. А. Блок посвятил ей цикл «Кармен» и др. произведения. — *Прим. ред.*

смотря на всяческие невзгоды, войны, блокаду, при первой же возможности принимались печь пироги. О, эти пироги, эти запахи! Детство моё было пропитано восхитительнейшими запахами. Помимо пирогов рядом с моим домом благоухала кондитерская фабрика. Эта фабрика производила самый вкусный шоколад. В Ленинграде это уж точно, а может быть, и самый вкусный в стране. Почему? Потому что там была самая отсталая технология, сохранившаяся еще со времен Жоржа Бормана. Тогда еще не умели вытягивать из шоколада самые вкусы и пускать их налево. Сейчас же ту дрянь, которую мы едим под видом шоколада, следует, наверное, считать вершиной технического прогресса.

Запахи в Коломне знаменовали целые эпохи. Сороковые годы, например, пропахли керосином. Девять керосинок на нашей кухне (по числу семей) немилосердно коптели. Теперь о дровах. Коломенские дворы пахли сырой осиной, берёзой, ольхой. Дрова были не просто важнейшим энергетическим ресурсом, их значение трудно переоценить: они формировали городской пейзаж, они играли важнейшую роль в деле воспитания подрастающего поколения.

Заглянем сегодня в любой из коломенских дворов — пусто, тоска, одним словом, неуютно! Где ребенку поиграть хотя бы в прятки? А игры «милитаристского» характера... Где оборудовать блиндаж? Где устроить засаду? Да простор побегать по поленицам, поиграть в пятнашки... Ничего, ноги он себе не переломаёт, а вот необходимую ловкость и легкость приобретёт.

Или возьмём хотя бы изобразительное искусство. Ах, живописцы, живописцы!.. Сколько же можно изображать одно и то же? Крюков канал с колокольней Никольского собора, арку Новой Голландии. Идите во дворы, пока еще есть такая возможность, рисуйте дрова. Какие формы, какие краски! Поймайте закатный луч, озаривший верхушку брандмауэра. Запечатлейте угол с отбитой штукатуркой, обнажившей темно-бордовый кирпич. Здесь так было славно играть в «пристенок»!³ Нет, это еще не приметы упадка. Это те милые потёртости и обшарпанности, от которых так тепло становится на сердце. Пойдите, жи-

³ Детская азартная игра на деньги.

вописцы, по парадным лестницам. Там фантастические блики ложатся на ступени от еще сохранившихся витражей. Идите по черным лестницам в глубине дворов, там таится, там дымит душа Коломны. Бывают мальчишки хорошие, бывают и плохие. Плохие — это те, которые и учатся так себе, и спортом не занимаются, и уж, конечно, зарядку по утрам не делают. Но ничего, коломенское житьё-бытьё так тебя отмотилизует, что от гиподинамией не завянешь. Вот опять же дрова, они куплены и уложены в поленницу. Дальнейшие метаморфозы с ними могут осуществить профессионалы, но это дорого. Нужны деньги, а где их взять? Вообще, если «ты не граф Анжуйский, нрав имеющий буржуйский», то ты как миленький всё это продадеашь сам: и напилишь, и переколешь, и в подвал перетаскаешь, и, по мере надобности, охапками доставишь на свой этаж.

Цивилизация! О, ты, всеблагая и вездесущая, благословляю тебя за то, что ты не слишком спешила в Коломну со своими дарами, за то, что моё поколение взросло и возмужало без телевидения и с печным отоплением! Вот мы уже живем в двадцать первом веке. Что такое в наших квартирах батарея центрального отопления? Разве веет от неё той задушевностью, той сердечностью, как от топившейся печки? Нет, не веет. К тому же она ведёт себя как заправская кокетка, а мы — рабы её непредсказуемого нрава. В декабре, скажем, или в крещенские морозы она надменна и холодна. В апреле же или в мае, когда глаза бы на неё не глядели, она пылает страстью. А печка... Вот ты наносил дров, растопил её с одной спички — дело чести! — и сидишь перед открытой дверцей. Потрескивают поленья, пламя своей игрой навевает фантастические грёзы, ты сидишь бездумно, блаженно и можешь сидеть сколь угодно долго. Права русская пословица: ничего нет увлекательнее, чем смотреть на огонь и на воду, и на чужую работу.

Синева всё темнее в окне.

Валит крупными хлопьями снег.

В печке жар пошевелю кочергой,

Подложу еще полешек-другой.

Ни уроков, ни забот — Новый год!⁴

⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Коломна.

Учился я плохо. Много было к тому причин, но главное — просто некогда было. Детство, как я уже отмечал, было золотым. Оно протекало во дворцовых интерьерах домов пионеров, музеев и, конечно же, на просторах Коломны. В каких только кружках я не занимался: и в кораблестроительном, и в авиамоделльном, и в шахматно-шашечном, и в электротехническом. Дольше всего я задержался в студии изобразительного искусства, причем исключительно из меркантильных соображений. Нам выдавали там некую справку, благодаря которой мы могли бесплатно посещать ленинградские музеи. И мы не просто их посещали, мы не вылезали из Эрмитажа, из Русского музея.

Я и мои одноклассники шесть лет проучились во вторую смену. В этом были и плюсы, были и минусы. Главный плюс — это свобода, безграничная, беспредельная, которой надо было успеть распорядиться. Взрослые по утрам уходили на работу, и город был наш. Куда мы только не проникали! Отвага и любопытство — вот наш девиз. Однажды мы проникли даже в Новую Голландию, на тот берег Мойки, но нас встретил человек с ружьём. Очень интересно было в мастерской скульпторов. Нас оттуда не выгоняли, а наоборот, скульпторы отнесли к нам очень доброжелательно. На наших глазах были созданы монументы Н. А. Добролюбову (установлен на Петроградской стороне) и Н. А. Римскому-Корсакову (у Консерватории).

Зимой мы перелезали через забор стадиона Лесгафта⁵ и портили лёд олимпийским чемпионам своими снегурками и хоккейками. Чемпионы на нас не очень обижались, лишь бы мы к ним под коньки не лезли. Летом на том же стадионе играли в баскетбол и в большой теннис. Ракеток у нас, конечно же, не было. Мы находили какие-нибудь подходящие доски, вырезали ручки и так вот и играли. Приходили спортсмены, нас выгоняли, но иногда они дарили нам настоящие теннисные мячики.

Каждый из нас был записан в несколько библиотек. Школьная библиотека, это — кошмар! Приходишь, библиотекарьша окидывает тебя печальным взором: «Тебе что, мальчик, по программе что-нибудь?» — «Нет, мне бы что-нибудь почитать». — «А что тебя

⁵ Имеется в виду стадион при Институте физической культуры им. П. Ф. Лесгафта (ныне С.-Петербургская академия физической культуры им. П. Ф. Лесгафта; ул. Декабристов, 35). — *Прим. ред.*

интересует?» — «Мне бы что-нибудь поинтереснее». — «“Витю Малеева в школе и дома” читал?» — «Читал». — «“Васька Трубачева” читал?»⁶ — «Читал». — «А это читал?» — «И это читал. А можно что-нибудь про шпионов?» — «Про шпионов всё на руках». — «А вот это можно?» — «Это тебе еще рано».

Хорошая библиотека была в Доме учителя⁷. Районная тоже ничего. Но, в основном, интересные книги возникали неизвестно откуда. Их давали на ограниченное время, и попробуй не уложишь. В следующий раз не дадут. Уроки... Какие там уроки, если тебе дали «Тайну двух океанов»⁸ на два дня, и ты дочитываешь книгу ночью под одеялом при свете фонарика.

Окна моей школы выходили на Новую Голландию, видна была и знаменитая арка. Место тихое. Этого не скажешь о школе. Едва звенел звонок на перемену, шкрабы (школьные работники) прятались в учительскую и нос боялись высунуть. Рёв, вопли, победные клики прокатывались по коридорам. Варварские игры, чреватые опасностью не только для здоровья, но и для жизни. Перекрёстная стрельба из рогаток. У нас в вестибюле стояла гипсовая статуя Сталина в полный рост, а рядом — роскошный огромный аквариум с золотыми рыбками. Могу свидетельствовать, что статую ни разу не опрокинули и аквариум не перевернули, хотя это и удивительно. Несомненно, именно в шкрабских головах вызрела коварная мысль о соединении мужских и женских школ. Это понятно. Благотворное женское влияние должно было помочь снизить накал необузданности, разнузданности и разгильдяйства. Реформа была осуществлена, и мне пришлось покинуть свою школу на Мойке и продолжить свое участие в образовательном процессе в школе на проспекте Маклина (ныне Английском). Первым делом я отправился записываться в библиотеку. Я вошел и... обомлел. Нет, ничего особенно-го, всё как и в любой обычной библиотеке: алфавитный каталог, систематический, стенд, посвященный какой-то дате, цитата из М. Горького на стене, но там дальше, в глубине просторного поме-

⁶ Повесть Н. Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома» (1951) и роман В. А. Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи» (1952) с удовольствием читали учащиеся 4–5-х классов советской школы. — *Прим. ред.*

⁷ Наб. р. Мойки, 94. — *Прим. ред.*

⁸ Романом Г. Б. Адамова «Тайна двух океанов» зачитывались учащиеся средних классов. — *Прим. ред.*

щения, по периметру стояли высоченные застеклённые шкафы, а за стёклами шкафов поблескивали золочеными корешками книги, книги, много книг. Я уже не помню, как мне удалось втереться в доверие к библиотекарше, но очень скоро я оказался в числе актива библиотеки. Кроме меня, активом были две девочки, очень важные, они вели работу с учащимися младших классов. Я взвалил на себя самую черную работу: ездил с библиотекаршей в школьный колл-литор и таскал тяжелые пачки с новыми поступлениями. Я их оформлял, то есть выписывал карточки, наклеивал кармашки, ставил штампы на титульных листах и семнадцатых страницах. Благодаря моему рвению в библиотеке очень скоро воцарился идеальный порядок, и вот настал момент, когда я так, между прочим, осведомился: а что это за шкафы такие? а что там за книги в этих шкафах? Оказывается, шкафы эти стояли здесь давно. Откуда они взялись, никто не помнил. Это библиотека какая-то, неразобранная. Надо бы ей заняться, да руки всё не доходят. «А можно мне заняться?» — «Да ради бога! Займись, если есть охота».

И вот в моих руках связка ключей. Я отпираю шкаф, я забираюсь на лестницу, очень удобную лестницу, на ней даже сидеть можно, и начинаю рыться в книгах. Прав был Х. Л. Борхес, когда заметил, что рай он себе представляет в виде библиотеки. Я с ним абсолютно согласен, но добавил бы: уж если рай, то обязательно со свободным доступом к полкам, а это тогда еще не практиковалось, и чтобы ангелы, хранители фондов, не задавали бы дурацких вопросов. Книги... каких только книг не было в этом раю: и энциклопедии все и всякие, и атласы огромные, и классика, какую только можно себе вообразить. Берешь в руки увесистый том, осязаешь его, чахнешь над ним, как царь Кощей не чах над своим паршивым златом, листаешь, разглядываешь иллюстрации, переложные папирсной бумагой.

Блажен, кто в детстве досыта налистался книжек с картинками. Блажен, кто в юности прочитал «Дон Кихота» и «Божественную комедию» с иллюстрациями Г. Доре, «Пиковую даму» и «Медного всадника» с иллюстрациями А. Н. Бенуа, «Белые ночи» с иллюстрациями М. В. Добужинского. «Белые ночи» запомнились особо. С Ф. М. Достоевским я впервые познакомился благодаря прекрасному радиоспектаклю по этой повести. Прочитал и саму повесть, понравилась еще больше. Взял с полки

наугад первый попавшийся том собрания сочинений. Это был «Подросток», всё — и я пропал. Это уже была не литература, а нечто такое, в чем растворяешься полностью, от чего бродишь с безумными глазами и начинаешь бредить наяву. Я поглощал роман за романом. Начитавшись до рези в глазах, я выходил бродить по вечерним коломенским улицам. Меня окружали призраки: Фердыщенко, Версиловы, Свидригайловы. В темных углах проходных дворов поблескивали волчьи глаза Рогожина. Нет, конечно, мне по пути попадались и живые люди, мои современники, но они настолько были неадекватны всей окружавшей обстановке, что сознание их просто не учитывало. Душа моя была истерзана. Вместе с Раскольниковым я совершил ужасное преступление, и меня преследовал умница Порфирий Петрович. Сердце замирало от безысходности и ужаса. А в это время в школе по программе проходили Пушкина:

Над омраченным Петроградом

Дышал ноябрь осенним хладом... («Медный всадник»).

Осенью 1956 года в качестве наглядного пособия нам было явлено традиционное для наших краев наводнение. Коломна была затоплена почти вся. По улице Декабристов брели по колену в воде захваченные врасплох пешеходы. До моего дома вода не дошла всего лишь несколько метров и схлынула. Схлынула быстро, но сколько же бед она натворила. Тогда еще многие жили в подвальных и полуподвальных помещениях. Я заглянул в одно из окон. Под потолком лампочка светит тусклым светом. Вода стоит вровень с тротуаром. Плавают стулья. Возле выключателя на полочке лежат наручные часы. На шкафу сидит человек в нижнем белье и не знает, что ему делать.

Из «рая» я был изгнан довольно скоро, не прошло и двух лет. Дело в том, что моя успеваемость понизилась к тому времени до такого уровня, за которым уже зияла бездна. К концу восьмого класса администрация школы согласна была поступиться принципами относительно меня лишь при одном условии: я забираю документы, и чтобы духу моего в школе не было. Я так и сделал, забрал документы и поступил в трамвайный техникум. Техникум я себе выбрал, руководствуясь исключительно меркантильными соображениями. Во-первых, он находился совсем рядом с Коломной: два квартала всего пройти.

Техникум размещался в бывшем шведском посольстве на набережной Красного Флота (ныне Английской). Во-вторых, учащиеся техникума пользовались существенной льготой — бесплатным проездом в трамвае и троллейбусе. В-третьих, мне вообще нравился трамвай и как элемент городского пейзажа, и как симпатичное транспортное средство, которое без рёва, без выхлопных газов везёт себе пассажиров в самые отдаленные концы города. А Коломна, разве можно её представить без трамвая? Садовая без трамвая? Кто-то, правда, умудрился и представил, и что же? Как же осиротели, поскущнели и улица Декабристов, и Английский проспект, и проспект Римского-Корсакова, когда с них сняли трамвайные рельсы. А огоньки... Как весело горели разноцветные огоньки, обозначающие номера маршрутов. До сих пор помню: два красных — это тридцать шестой, красный и зеленый — это тридцать третий, белый и синий — двадцать четвертый, красный и белый — тридцать первый. Трамвай ходил как часы. В этом я вас как специалист уверяю: две минуты опоздания или прибытие на остановку минутой раньше считалось недопустимым.

У поэта Н. С. Гумилева есть стихотворение «Заблудившийся трамвай». Знал бы поэт, до какой степени это не метафора! Всего каких-то сто лет прошло с того момента, когда знаменитый инженер Г. О. Графтио тронул рукоятку контроллера и первый трамвай выкатил на улицы города, а сколько за это время накопилось легенд, историй, одна фантастичнее другой, связанных с петербургским, ленинградским трамваем. Но об этом как-нибудь потом...

Коломна в пятидесятые годы... Менялось многое. Булыжные мостовые закатывали асфальтом. Кухни в коммунальных квартирах перестали благоухать керосином. Коломенские старушки пекли свои пироги в духовках газовых плит. Почти бесшумно по улице Декабристов проносились новенькие трамваи, комфортабельные, с мягкими сиденьями. Рельсы для них укладывали и сваривали в «бархатную колею». В «Пятилетке»⁹ идет фильм «Возраст любви» с Лолитой Торрес. В «Пятилетке» грохочет джаз. В «Пятилетке» на экране скачет Ив Монтан, про-

⁹ Имеется в виду Дворец культуры им. Первой пятилетки (1929–1930; арх. Н. А. Митурич, В. П. Макашов) на ул. Декабристов, 34. Снесен в 2005 г. — *Прим. ред.*

славля свои парижские бульвары. Слегка приоткрыт «железный занавес», появились первые иностранцы. Их узнать очень просто, они странно одеты. У нас зима, у нас холодно, а они в каких-то легких курточках, смотреть на них даже забько. Хороша Коломна и зимой, когда завалена снегом. Из труб идут вертикальные дымы. Снегоуборочные машины гребут снег загребушими лапами и грузят в самосвалы, а те сваливают его в реки и каналы. Снег чистый, еще не додумались посыпать его солью.

Первый телевизор в нашей квартире появился у Веры Ивановны. В её комнату набивалось множество народа. Приходили со своими стульями и усаживались в несколько рядов. Смотрели кинофильмы, спектакли, балет с Н. М. Дудинской и К. М. Сергеевым¹⁰. Кто бы мог подумать, во что превратится со временем одно из замечательнейших изобретений человеческого гения. Все эти внешние события, даже запуск первого спутника, не отвлекали меня от основного занятия — бродить по Коломне и бредить наяву. Учеба в техникуме особенно не обременяла. Достоевский был прочитан. Бальзак, Стендаль, Флобер — всё это тоже интересно, но все-таки как-то пожиже будет, лучше перечитать Достоевского.

С литературой, как с предметом изучения, у меня всегда были натянутые отношения. И в школе, и в техникуме я старался произведения, назначенные для изучения, прочесть заблаговременно, поскольку на горьком опыте убедился, какое рвотное можно приготовить даже из «Горя от ума» и из «Евгения Онегина». А «Евгений Онегин» мне очень нравился, настолько нравился, что я вознамерился выучить его наизусть. К сожалению, благие намерения очень часто так и остаются благими намерениями и дальше первой главы дело не пошло.

В техникуме у нас словесником был, как ни странно, мужчина. Он очень был похож на диктора Выхухолева, до недавнего времени работавшего на центральном телевидении. Всё было так же, как в школе: мы проходили Чехова, мы проходили Горького, и эти «прохождения» были чрезвычайно утомительны. Но однажды наш словесник пришел в аудиторию в несколько приподнятом настроении. Он объявил нам, что программу мы завершили, сэкономив несколь-

¹⁰ Народные артисты СССР, солисты Государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова (ныне Марининского). — *Прим. ред.*

ко академических часов, и в эти-то часы он расскажет нам «о том, чего нет в программе». И вот он принялся рассказывать нам о литературе Серебряного века, о символистах, акмеистах, футуристах, о С. Есенине, Н. Клюеве. Он читал и читал нам А. Блока. Что мы знали о Блоке? Да, был такой революционный поэт, но он многого недопонимал. У него, видите ли, там «В белом венчике из роз впереди Иисус Христос», а это никуда не годится. И мы, с высоты своего превосходства, поправляли Блока, указывали на его ошибки и поллучали четверки и пятерки. Словесник читал нам и «Незнакомку», и «Соловиный сад», и мы сидели, затаив дыхание. Это был не урок, не лекция, это был вдохновенный гимн влюблённого в русскую литературу сердца. Коломна в пятидесятые годы залечила все свои раны военных лет и вновь стала аккуратной и элегантной, как те коломенские старушки. Да, были утраты невозможные: дом-сказку уже не вернуть, но облик свой, сущность свою сокровенную Коломна сохранила. Она ведь вся из девятнадцатого века, ну, может быть, немного из восемнадцатого и чуть-чуть из двадцатого. Все её призраки, все дорогие тени — они оттуда. Нет, она не откажется от новшеств и даже от некоторых экстравагантностей, но — согласитесь! — всё это должно быть безукоризненного вкуса. Если же допущена какая-нибудь нелепость, какая-нибудь, скажем, архитектурная бестактность, она не станет спорить или скандалить, — это не её стиль, она просто выставит всё это на посмешище. Примеры приводить не будем, они налицо.

К концу пятидесятых ещё одно, личное, потрясение — открытие для себя М. Е. Салтыкова-Щедрина. Какая мощь! Какие гиганты наши земляки Пушкин, Блок, Салтыков-Щедрин, они ведь все наши, коломенские, а здесь им даже памятников нет. Ладно, Пушкин, он все-таки не обижен вниманием потомков, на доме, где жил Блок, хоть доску повесили, а Салтыкова-Щедрина вообще не вспомнили, а ведь столько всего здесь связано с его именем. Впрочем, Коломна — вся памятник. Вот если бы Бог взял её на ладошку и уберег от всяких реконструкций и сохранил бы её такой, какая она есть, не о чем было бы и мечтать.

Пятидесятые годы заканчивались, накатывали шестидесятые. Вот уже и Юрий Гагарин полетел в космос, а мне житейские обстоятельства повелели покинуть Коломну. Жизнь продолжалась, но уже в другом месте...

Сведения об авторах

Антонова Наталья Васильевна — научный сотрудник одного из ведущих институтов Министерства обороны России. Член ассоциации искусствоведов Творческого союза историков искусства и художественных критиков стран СНГ. Автор научных публикаций по истории Военно-морского флота России, дома Романовых, а также Крыма.

Галанина Юлия Евгеньевна — филолог, старший научный сотрудник ГМИ СПб (1977–2006). Одна из создателей экспозиций Музея-квартиры А. А. Блока (1980, 2005). Автор статей и публикаций по истории русской литературы и театра начала XX в., краеведению, а также выставок «Петербургская Коломна» (в соавторстве с И. А. Костаревой), «Драматический театр В. Ф. Комиссаржевской на Офицерской улице», «Петербург Александра Блока», «Л. А. Дельмас», «К 100-летию Башни Вяч. Иванова» (2005) и др. Организатор и участница научных конференций «Блоковские чтения», «Коломенские чтения» (1984–2005). С 2007 г. старший научный сотрудник Российского института истории искусств.

Грекова Валентина Клавдиевна — кандидат биологических наук, специалист в области биотехнологии. Руководитель лаборатории биосинтеза ферментов медицинского назначения Все-союзного научно-исследовательского технологического института антибиотиков и ферментов, доцент кафедры микробиологии Санкт-Петербургской химико-фармацевтической академии. Автор более 60 работ, опубликованных в России и за рубежом, имеет авторские свидетельства об изобретениях.

Дмитриев Андрей Петрович — кандидат филологических наук, заведующий Отделом источниковедения и библиографии ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Краевед. Автор книг и статей по истории Карельского перешейка. Составитель библиографического справочника «Христианство и новая русская литература XVIII – XX веков» (СПб., 2002). Автор статей о Н. П. Гилярове-Платонове и других деятелях русской культуры.

Ендольцев Юрий Анатольевич — кандидат педагогических наук, доцент филологического факультета СПбГУ. Автор многочисленных публикаций по педагогике и краеведению. Автор книг «Прогулки по университету», «Санкт-Петербургский университет. Нестандартный путеводитель».

Кудрявцев Виктор Николаевич — инженер, работал в проектном институте. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Ленинградской области (с 2003 года). Публикуется в различных периодических изданиях с 1968 года. В последние годы в журнале «Царское Село» и в альманахах «Рог Борей» и «Мариенталь» опубликовал рассказы, повесть, пьесу. В 2003 году выпустил книгу стихов «Коломна».

Лелина Валентина Ивановна — архитектор, член Союза архитекторов России, главный специалист в области промышленной архитектуры в КГИОП. Тема исследований — индустриальное наследие Петербурга. Член Союза писателей Санкт-Петербурга, автор сборников поэзии «Ленинградские острова» (1990), «Над судьбой» (1993), «Овал» (1997), «В трех зеркалах» (2000), сборников прозы «В пространстве Петербурга» (1997) и «Мой Петербург» (1998, 1999, 2007), книги поэзии и прозы «Записки на петербургской лестнице» (2005). Стихи и эссе публиковались во многих отечественных и зарубежных изданиях. В течение нескольких лет сотрудничала на петербургском радио: автор цикла «Петербургские новеллы».

Лопатин Алексей Августович — театровед, критик, историк российской эстрады, старший научный сотрудник Российского института истории искусств, кандидат искусствоведения.

Автор многих статей в различных научных сборниках и журналах по истории театра, литературы, эстрады, балета, кинематографа.

Любвин Ростислав Михайлович — историк. Майор милиции в отставке. Старший научный сотрудник Музея истории милиции, в создании которого в 1977 г. принимал непосредственное участие. Автор многочисленных публикаций по истории полиции и милиции.

Молкина Ольга Ивановна — преподаватель английского языка, исследователь истории города, член редакционной коллегии журнала «История Петербурга», автор документальной повести «Над нами красный крест. (Петербургская семья на фоне XX века)» (СПб., 2005 — 1-е изд.; 2007 — 2-е изд.).

Никифорова Лидия Борисовна — скрипачка, сотрудник Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Автор статей, посвященных деятелям русской музыки и опубликованных в журнале «Нева» и в изданиях Санкт-Петербургской консерватории.

Сомова-Михайлова Анна Евгеньевна — инженер-строитель, работала проектировщиком в различных проектных институтах. Дочь Евгения Сергеевича Михайлова, племянника художника Константина Сомова. Хранительница архива семьи.

Сухарева Елена Анатольевна — филолог, закончила филологический факультет СПбГУ. Работала в музеях Санкт-Петербурга, в частности методистом в Музее-квартире А. А. Блока. В настоящее время ведущий редактор Редакционно-издательского отдела Государственного Эрмитажа.

Фетисенко Ольга Леонидовна — филолог, литературовед, кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). В 1993–1999 годах — научный сотрудник Музея-квартиры А. А. Блока. Заместитель главного редактора Полного собрания сочинений Константина Леонтье-

ва (в 12-ти томах). Автор многочисленных публикаций по истории русской литературы второй половины XIX — начала XX в. Постоянная участница конференций «Блоковские чтения» и «Коломенские чтения».

Фокин Михаил Михайлович — историк-краевед, сотрудник Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Автор публикаций по истории Санкт-Петербурга. Постоянный участник краеведческих конференций, в т. ч. «Коломенских чтений».

Цендровская Наталия Ксенофоновна — филолог, старший научный сотрудник Музея-квартиры А. А. Блока. В ГМИ СПб работает с 1978 г. В течение многих лет была хранителем фонда Музея-квартиры А. А. Блока. Одна из создателей мемориальной экспозиции этого музея. Участница научных конференций, автор ряда научных публикаций.

Чистов Константин Филиппович — член секции истории Старого Петербурга при ГМИ СПб. Автор статей по истории и культурной жизни Петербурга XIX в.

Шахтактинская Аида Тейяровна — кандидат искусствоведения, специалист по истории искусства Таджикистана. Работала в Музее изобразительных искусств Таджикистана в Душанбе. Автор статей по декоративно-прикладному искусству Таджикистана, опубликованных в журналах «Декоративное искусство СССР», «Советская архитектура». Внучатая племянница Н. Д. Флиттнер — автора публикуемых воспоминаний.

Список сокращений

ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГМИ СПб	— Государственный музей истории Санкт-Петербурга
МВД	— Министерство внутренних дел
КГИОП	— Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга
Наркомпрос	— Народный комиссариат просвещения
ОР ГЛМ	— Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва)
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГПУ	— Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
РО ИРЛИ	— Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом)
СНГ	— Содружество Независимых Государств
СПб ГМТ и МИ	— Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
ЦГАЛИ СПб	— Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Содержание

От составителей	5
I. Коломна: история, обитатели	
<i>Галанина Ю. Е.</i> Коломенские сюжеты	10
<i>Сухарева Е. А.</i> Литовский замок в очерках Н. С. Лескова	52
<i>Лелина В. И.</i> Адмиралтейские верфи и Коломна	66
<i>Фокин М. М.</i> Как укоротили Мясную улицу	76
<i>Антонова Н. В.</i> Из истории дома 18 по Английскому проспекту	79
<i>Чистов К. Ф.</i> Из истории дома Голидея в Коломне	92
<i>Фетисенко О. Л.</i> Из области таинственных совпадений (забытый обитатель дома 57 по Офицерской)	100
<i>Лопатин А. А.</i> Зрелищно-развлекательная жизнь Коломны и Александр Блок	103
<i>Цендровская Н. К.</i> Коломенский сюжет в собрании Н. П. Ильина	122
<i>Ендольцев Ю. А.</i> Философ Л. П. Карсавин в Коломне	134
<i>Дмитриев А. П.</i> Как один московский коломенец заблудился в петербургской Коломне (случай с Н. П. Гиляровым-Платоновым)	142
<i>Сомова-Михайлова А. Е.</i> Дом Сомовых на Екатерингофском проспекте, 97	157
<i>Никифорова Л. Б.</i> Профессора Петербургской консерватории С. П. Коргуев, Э. Э. Крюгер, М. Н. Гамовецкая — жители Коломны	162
<i>Молкина О. А.</i> Судьбы учениц Ивановского девичьего училища и Коломенской женской гимназии	174
<i>Фокин М. М.</i> К истории здания Коломенской женской гимназии	186
<i>Любвин Р. М.</i> Музей Санкт-Петербургской полиции	192
II. Воспоминания о Коломне	
Семья Флиттнеров в Коломне (фрагменты воспоминаний Н. Д. Флиттнер)	
<i>Публикация А. Т. Шахтахтинской</i>	197
<i>Грекова В. К.</i> Незабываемые адреса и люди Коломны	229
<i>Кудрявцев В. Н.</i> Моя Коломна	234
Сведения об авторах	246
Список сокращений	250

Учредитель альманаха
«Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга» —
Государственный музей истории Санкт-Петербурга.

Издательский орган музея —
издательский отдел.
Тел.: (812) 498-06-52

**ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Выпуск 14

Сборник статей подготовлен
издательским отделом ГМИ СПб

Редакторы: Н. А. Живолуп, Л. Н. Коннова, И. В. Антипов
Технический редактор: О. В. Волкова
Корректор: О. Е. Юдина

Подписано к печати 17.09.2007 Формат 60x84 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Petersburg»
Объем 14,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз.
Заказ № 12762

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Турусел»
191186, Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 1

